XXIV 52/1
т. 1
1846

XXIV 52/1 т. 1846

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ

ПАНТЕОНЪ.

2007051190

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ

ПАНТЕОНЪ,

ИЛИ

ЖИЗНЬ

ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ,

ЦАРЕЙ И ИМПЕРАТОРОВЪ.

Румянцевского Музея * Библиотека
XX-8419

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 23-го дня 1846 года.

Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

С.П.Б-ХХ

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И РАЗСЕЛЕНІЕ

СЛАВЯНЪ

ДО МОНАРХИЧЕСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

Происхожденіе, первобытное состояніе, постепенное образованіе для гражданской жизни, древнихъ, даже историческихъ народовъ или мало, или совершенно неизвѣстны. Нелѣпыя басни, мутныя преданія и самая древность похитили это историческое сокровище у любомудраго изслѣдователя. Исторія описываетъ намъ бытъ Грековъ, Египтянъ, Индійцевъ, Китайцевъ и другихъ народовъ; но въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ, и съ того времени, когда они вошли въ связь съ другими народами. Всё прочее погибло въ неизслѣдимой древности.

Къ таковымъ народамъ принадлежатъ и Славяне Греческіе и Римскіе историки раздробили ихъ на разныя племена, и дали имъ особенныя названія; но слѣды, оставленые Славянами въ западной, сѣверной и южной Европѣ—каковы суть: курганы, названія городовъ и урочищъ—неизгладившіеся еще съ лица земли, доказываютъ, что они составляли нѣкогда народъ первобытный, многолюдный, нераздѣльный на

племена и образованный для общежитія. Но гдѣ колыбель его; какая грозная и вмѣстѣ благотворная часть земнаго шара укрѣпила брапоносныя его силы, и расположила серце ихъ къ впечатлѣнію высокихъ, мирныхъ добродѣтелей? откуда явился онъ въ Европѣ, и занялъ ее отъ Эльбы до Волги, отъ морей Чернаго и Средиземнаго до моря Балтійскаго? Разборчивая и строгая исторія отвѣчаетъ молчаніемъ; неопытная и легковѣрная представляетъ неосновательныя догадки.

Въ такой или подобной неизвѣстности, жили Славяне въ опустѣвшей отъ переселеній, и покрытой дремучими лѣсами Европѣ. Наконецъ, въ началѣ VI вѣка по Р. Х. часть ихъ подалась отъ сѣвера къ югу и расположилась по берегамъ Дуная. Теплый климатъ, благотворное небо и обиліе во всемъ были приманкою для Славянъ, скитавшихся въ полунощныхъ, холодныхъ пустыняхъ, и довольствовавшихся скудною пищею отъ звѣриныхъ и рыбныхъ своихъ промысловъ. Но сосѣдство народа храбраго, хищнаго, поклонявшагося идоламъ, потеря полей и селеній были несносны для Грековъ-Хрістіянъ. Они рѣшились вытѣснить ихъ, какъ буйныхъ пришельцевъ, силою. Славяне взялись за оружіе; поражали греческіе полки за Дунаемъ. Ничто не могло удержать ихъ быстраго и опустошительнаго стремленія, и въ 559 году гордые жители Царя-града увидѣли предъ стѣнами своими презираемыхъ ими Славянъ-варваровъ. Греческій Императоръ Юстиніанъ усмирилъ ихъ силою золота.

Покойно жили Славяне въ Греческой имперіи; строили города; перенимали отъ Грековъ полезныя рукодѣлія, и мирно занимались обработываніемъ по-

лей; но тогдашнее волненіе народовъ заставило ихъ вновь приняться за оружіе. Сѣверо-восточная Азія не истощилась еще въ народахъ военныхъ-хищныхъ. Авары, кочевавшіе въ степяхъ Великой Татаріи, не могли устоять противъ силы Турокъ, славившихся тогда военнымъ ремесломъ, и подались къ Черному морю. Здѣсь, побѣдивъ многіе мелкіе народы, напали они и на Дунайскихъ Славянъ. Долго не терпѣвшіе порабощенія и чуждой надъ собою власти, боролись Славяне съ невѣдомыми пришельцами; и защищали свою собственность; но когда многіе соотечественники ихъ, спасаясь отъ лютости Аваровъ и отъ рабства, перешли за Карпатскія горы, поселились по обоимъ берегамъ Вислы и при Балтійскомъ морѣ; тогда и Дунайскіе Славяне принуждены были уступить силѣ. Они не безъ сопротивленія оставили злачные берега Дуная, и рѣшились сохранить свою независимость подъ туманными облаками сѣвера, и среди глубокихъ снѣговъ жестокой зимы.

Вскорѣ пало и владычество Хозаровъ на Дунаѣ. Куврать, князь Болгарскій, владѣвшій плодоносными странами на Дону и около Азовскаго моря, и платившій дань Хану, въ 635 году свергнулъ съ себя иго Аваровъ; а сынъ его, Аспарухъ, получившій, по смерти своего отца, въ удѣлъ страну, между Днѣстромъ и Дунаемъ, въ 679 г. завоевалъ всю древнюю Мизію, и тамъ, гдѣ около ста лѣтъ, мирно или мятежно противъ имперіи жили Славяне; гдѣ не долгое время владычествовали Авары, основалъ сильное Болгарское царство.

Не безъ сожалѣнія разстались Славяне съ красными берегами Дуная. Всѣ старинныя пѣсни, въ которыхъ воспѣвается *Дунай*, отзываются унылостію.

Но Славяне возвращались въ знакомыя имъ страны, въ первобытныя свои жилища, къ своимъ единоземцамъ, и мыслію, что они не несутъ на себѣ постыдныхъ оковъ чуждаго рабства, облегчали грустное воспоминаніе о потерѣ страны, пріобрѣтенной цѣною ихъ крови.

Единство вѣры, одинакій языкъ, одни и тѣже обыкновенія могли бы и въ то еще время составить изъ Славянъ народъ сильный, но частныя выгоды, наклонность къ особеннымъ промысламъ и сластолюбивыя прихоти разсѣяли ихъ на пути въ тѣхъ мѣстахъ, которыя казались имъ выгоднѣе и пріятнѣе. Такимъ образомъ одинъ изъ нихъ, любя земледѣліе и рыбный промыслъ, остановились на берегахъ Днѣпра, около Кіева, и обрекши себя на обработаніе ровныхъ и обширныхъ полей, и на другіе мирные промыслы, назвались *Полянами*. Другіе, по какой-то дикости въ нравахъ, и по склонности къ звѣроловству, подались на западъ отъ нихъ къ дремучимъ лѣсамъ волынскимъ, и приняли названіе *Древлянъ*. Многіе заняли мѣста къ сѣверу отъ Кіева, и подъ разными именами, заимствованными отъ рѣкъ и своихъ предводителей, разсѣялились по рѣкамъ: Днѣпру, Деснѣ, Семи, Сулѣ и другимъ. Послѣдніе, помня старинныхъ своихъ собратій, Вендовъ, поселившихся по берегамъ Балтійскаго моря, между Эльбою, и Вислою, и зная по слухамъ объ ихъ богатствѣ, условились между собою идти далѣе на сѣверъ, и тамъ поселившись недалеко отъ моря, или по рѣкамъ, въ него впадающимъ, имѣть ближайшее и выгоднѣйшее сношеніе съ Вендами и другими поморянами. Въ этомъ, по видимому, намѣреніи они оставили лѣсистые берега Днѣпровскіе; мирными толпами двину-

лись къ полуночи, и разсѣялись тамъ по верховьямъ рѣкъ: Днѣпра, западной Двины и Волги подъ разными названіями. Одни только изъ нихъ, поселившіеся около озера Ильменя и по рѣкѣ Волхову, удержали при себѣ имя Славянъ. Здѣсь построили они городъ, и, можетъ быть, въ отличіе отъ другихъ, уже существовавшихъ, назвали его *Новымъ* (Новгородъ).

Такимъ образомъ частныя выгоды, и различныя наклонности, вѣроятно, заимствованныя отъ Грековъ, раздѣлили Славянъ на многія колѣна, а едва проходимые лѣса, топкія болота, быстрыя и глубокія рѣки, препятствуя взаимному сношенію, разорвали единство между ними, и сдѣлали ихъ чуждыми другъ другу.

Въ непродолжительномъ времени, хищничество и распри разрушили миръ и тишину между сосѣдями, и вооружили братьевъ противу братьевъ. Полудикіе Древляне, наскучивъ своими темными лѣсами, и укрѣпивъ силы борьбою съ свирѣпыми звѣрями, завистливо смотрѣли на красивые берега Днѣпровскіе, и на луга, покрытые тучными стадами; какъ кровожадные звѣри напали они на Полянъ; разграбили безоружныхъ поселянъ, отогнали ихъ скотъ, и пожгли обильную жатву. Таковое хищничество предвозвѣщало бѣдствія, вскорѣ поразившія всѣхъ южныхъ Славянъ.

Козары или Хозары, народъ турецкаго поколенія, съ давнихъ временъ имѣли жилища на западной сторонѣ Каспійскаго моря. Они, подъ управленіемъ Кагановъ своихъ въ VII вѣкѣ сдѣлались страшными въ сѣверной Азіи и въ южной Европѣ. Завоевавъ многія страны, и утвердившись на Кавказѣ и на Дону,

напали они и на Славянъ Днѣпровскихъ. Мирные жители полей, расковавшіе мечи и копья на плуги и серпы, не славившіеся другими сокровищами, кромѣ обильныхъ даровъ природы, не ожидали на себя врага алчнаго—сильнаго. Они, сдѣлавъ слабое сопротивленіе, уступили, и, удаляя отъ себя всѣ бѣдствія упорной, кровопролитной войны, обѣщали каждогодно платить дань по бѣлкѣ съ дома.

Сосѣди ихъ, жившіе къ сѣверу по Днѣпру до верховья Оки, послѣдовали ихъ примѣру. Съ этого времени Днѣпръ и Ока составили — первый восточную, а вторая сѣверную границу—Козарскихъ владѣній.

Не большимъ спокойствіемъ пользовались Славяне и на сѣверѣ. Правда, Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ и другіе города сдѣлались многолюдны и обогатились отъ мѣны своихъ отечественныхъ произведеній, на красивыя иностранныя издѣлія. Но могли ли Новгородцы, Кривичи, Полочане и другіе ихъ соплеменники составить изъ себя нераздробимую крѣпость, не чувствуя надъ собою превозмогающей силы Верховнаго Правителя? Своекорыстіе и зависть разъединили не только колѣна Славянъ, но каждое изъ нихъ дробили на мелкія части.

При такомъ-то состояніи Славянъ сѣверныхъ, Норманны, жители Даніи, Швеціи и Норвегіи, которыхъ Славяне назвали Варягами, сдѣлались уже страшными на моряхъ: Нѣмецкомъ, Атлантическомъ и Средиземномъ. Въ 859 году, или еще прежде, напали они на берега Балтійскаго моря; проникли до озера Ильменя, по р. Волхову: покорили Новгородцевъ, Кривичей съ ихъ сосѣдями; наложили на всѣхъ дань, и ввели правленіе, ограничивавшее ихъ своевольство. Но гордые своими первобытными подвигами, и

истерпѣвшіе на себѣ ига чужеземцевъ, Славяне возстали на своихъ побѣдителей, и изгнали ихъ изъ своихъ предѣловъ. Прежняя гордость, то же насиліе, та же бѣдность и вопль безпомощныхъ послѣдовали за мнимою свободою. Наконецъ старѣйшины новгородскіе, утомленные безпорядками, происходившими отъ безначалія, и не могшіе больше дѣйствовать на буйныхъ *вѣчахъ*, рѣшились смиренно просить себѣ князей у того народа, который изгнали отъ себя въ надмѣнномъ самонадѣяніи.

Съ этого времени начинается прочное основаніе Русскаго Государства, прежде нежели приступимъ къ систематическому описанію его, разсмотримъ бытъ Славянъ въ отношеніи свойствъ ихъ, поклоненіе и пр.

ПРАВЛЕНІЕ, РЕЛИГІЯ, СВОЙСТВА И ВООБЩЕ БЫТЪ СЛАВЯНЪ.

Большею частію Византійскіе писатели оставили намъ преданія о Славянахъ: они пишутъ, что Славяне были стройны и красивы собою, храбры, обладали тѣлесною силою. Сражались пѣшіе, большею частію, наги, оружіе ихъ состояло изъ мечей, копій, стрѣлъ, натертыхъ ядомъ и изъ щитовъ. Они были милостивы къ побѣжденнымъ, почитали старшихъ, гостепріимны, во всемъ умѣренны и цѣломудренны. Слово свое держали крѣпко; однако не всѣ Славянскія племена были одинакой нравственности: преподобный Несторъ, первый лѣтописецъ Русскій, говоритъ, что *Поляне* были кротки, а *Древляне*, *Сѣверяне*, *Радимичи* и *Вятичи* — дики и необузданны.

Вообще Славяне занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, они производили также торговлю: кожами, хлѣбомъ, медомъ и воскомъ. Забавы ихъ состояли изъ музыки (*волынка*, *гудокъ* и *дудка*), пѣсенъ и пляски, также въ борьбѣ, въ кулачномъ боѣ и въ пр.

Правленіе у нихъ сперва было патріархальное, измѣнившееся потомъ въ *аристократическое* (князья, воеводы, бояре, паны и пр.). Славяне разумѣется были неопытны ни въ какихъ художествахъ, но дѣлали глиняныя урны и истуканы боговъ своихъ. Грамоты они не знали до полов. IX вѣка, до временъ св. *Кирилла* и *Меѳодія*, которые изобрѣли Славянскій алфавитъ, образованный по Греческому. Слѣды первобытнаго языка Славянскаго находятся въ церковныхъ книгахъ. Вѣра Славянъ состояла въ идолослуженіи: у нихъ были главные боги: *Перунъ* молніи и грома, *Волосъ* покровитель стадъ, *Купала* богъ плодовъ, *Коляда* богъ мира и пр. Они приносили въ жертву богамъ своимъ: плоды, животныхъ, иногда людей. Жрецы ихъ назывались *волхвами*. У нихъ были разные обряды, на пр. тризны (поминки на могилахъ умершихъ) съ воинскими играми и пиршествомъ.

РАЗДѢЛЕНІЕ ИСТОРІИ.

По плану Карамзина Исторія Русская раздѣляется на *древнюю*: отъ Рюрика до Іоанна III, на *среднюю*, отъ Іоанна III до Петра I, а на *новую* отъ Петра I до нашихъ временъ.

I

РЮРИКЪ

В. К. Новгородскій

Ч. 1. Стр: 13.

РЮРИКЪ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НОВГОРОДСКІЙ.

отъ 862 до 879 года,

17 лѣтъ.

Восемь сотъ шестьдесятъ второй годъ по Р. Хр. былъ единственнымъ годомъ въ лѣтописяхъ политическаго міра. Перемѣна въ правленіи, начало новыхъ государствъ во всѣхъ вѣкахъ, и у всѣхъ почти народовъ производились измѣною, заговорами, бунтами, грабежемъ, кровопролитіемъ, и часто истребленіемъ, не только тысячелѣтнихъ памятниковъ, превращеніемъ въ развалины цвѣтущихъ городовъ, но и разрушеніемъ царствъ сильныхъ. 862-й годъ представляетъ намъ зрѣлище необыкновенное, занимательное для историка-философа. Народъ, гордящійся своими подвигами, привыкшій къ свободѣ и своеволію, униженно преклоняетъ колѣна, и умоляетъ наложить на себя руку, которая обуздала бы его, и управляла по своему движенію.

Такъ надменные жители Новгорода, испытавъ всѣ невыгоды безначалія, положили на вѣчѣ избрать себѣ князя, и повиноваться ему безусловно. Много было въ Новгородѣ старшинъ, отличавшихся умомъ и

честностію, которые могли бы защищать и помогать народу; но поставить надъ собою властелиномъ единоземца-гражданина было бы тоже, что посѣять новыя крамолы, и ожидать прежнихъ безпорядковъ. Всѣ испытали уже силу Норманновъ на ратномъ полѣ; испытали искусство ихъ въ дѣлѣ правленія и полную отъ нихъ зависимость. У сего-то народа, общими голосами на вѣчѣ положено было просить къ себѣ на княженіе трехъ братьевъ изъ Варяго-Руссовъ: *Рюрика, Синеуса* и *Трувора*.

Въ тотъ же годъ отправлено было посольство, составленное изъ старѣйшинъ Новгородскихъ, отличныхъ умомъ. Они принесли съ собою богатые дары, произведеніе земли своей: хлѣбъ, богатые мѣха, медъ и воскъ. Не безъ укоризны въ вѣроломствѣ приняты были посланники въ Рослагенѣ (*), гдѣ имѣли пребываніе три владѣтельные князя. Не богатые дары, но привѣтствіе Новгородцевъ: *Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; идите княжить и владѣть нами*, привѣтствіе, подтвержденное клятвою за себя и за своихъ сограждан, убѣдило князей принять ихъ приглашеніе.

Приличіе и безопасность требовали большой вооруженной свиты. Братья-князья, пригласивъ своихъ сподвижниковъ, отправились въ новыя свои владѣнія. Вшествіе въ Новгородъ было воинственно, но мирно; встрѣча многолюдна и радушна. Все было по желанію новоприбывшихъ князей; все повиновалось ихъ волѣ и на шумномъ, до того времени, вѣчѣ, и въ теремахъ княжескихъ. Новгородцы изъ людей строптивыхъ сдѣлались мирными.

(*) Между Упсалою и Балт. моремъ, прот. Аландскихъ остр.

Единообразное правленіе въ обширномъ владѣніи Рюрика было необходимо. Недовѣрчивость къ Новгородцамъ таилась еще въ груди его, и вѣроломство ихъ было еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Для исполненія такого важнаго и великаго дѣла въ областяхъ отдаленныхъ надобно было избрать правителей вѣрныхъ, безкорыстныхъ, и выборъ палъ на двухъ братьевъ князя. Всѣ были согласны, чтобы Рюрикъ принялъ на себя правленіе Новгородской области, съ званіемъ Великаго Князя, Синеусу была ввѣрена область Бѣлоозерская, а младшему брату, Трувору, Изборская, подъ общимъ названіемъ *Руси*.

Не долго братья облегчали другъ другу бремя правленія. Въ 864 году Рюрикъ получилъ горестное извѣстіе о неожиданной кончинѣ Синеуса на Бѣлѣозерѣ, и Трувора въ Изборскѣ. Оградить владѣнія безопасностію отъ внѣшнихъ непріятелей, водворить миръ и тишину внутри государства; склонить къ единомыслію разномыслящихъ; доставить довольство и удалить всѣ причины къ ропоту, есть дѣло великое и трудное для новыхъ правителей народовъ. Рюрикъ успѣлъ во всемъ. Онъ лишился братьевъ, которые дѣйствовали по его волѣ; но имѣлъ при себѣ единоземцевъ, испытанныхъ въ воинныхъ и гражданскихъ добродѣтеляхъ. На нихъ могъ онъ совершенно положиться въ вѣрномъ исполненіи дѣлъ государственныхъ. Таковымъ избраннымъ мужамъ ввѣрилъ Великій Князь управленіе въ областяхъ и многихъ городахъ; но не съ тѣмъ, чтобы они, какъ въ феодальномъ правленіи, были почти независимыми вассалами; но исполняли бы волю своего В. Князя.

Но какой Государь, при глубокой своей мудрости, можетъ удовлетворить желанію каждаго? Не всѣ

Варяго-Руссы удостоились чести быть правителями городовъ. Изъ нихъ *Аскольдъ* и *Диръ*, знаменитые родомъ, остались только исполнителями княжескихъ повелѣній внутри Новгородской области. Жизнь безъ дѣятельности, любовь къ ратнымъ подвигамъ, Норманская склонность искать приключеній побудили Аскольда и Дира просить Рюрика о позволеніи испытать своего счастія въ странахъ отдаленныхъ. Рюрикъ, руководствовавшійся политикою и осторожностію, охотно согласился, и далъ имъ позволеніе составить дружину. Многіе Варяги, скучавшіе, подобно Аскольду и Диру, въ стѣнахъ Новгородскихъ, и многолюдная, Новгородская вольница, согласились искать выгодныхъ приключеній и составили сильное ополченіе.

Южныя страны показались сѣверянамъ витязямъ выгоднѣе прочихъ. Туда направили они свой путь по Днѣпру. Долго плыли они внизъ по рѣкѣ, и ничего не встрѣчали особеннаго. Наконецъ увидѣли на высокой горѣ селеніе, обнесенное дубовымъ палисадомъ, и узнали, что это городъ *Кіевъ*; что онъ будто бы за долго построенъ тремя братьями: *Кіемъ*, *Щекомъ* и *Хоревомъ*; что онъ населенъ и распространенъ Славянами; что долго жили они спокойно и счастливо; что наконецъ Козары напали на нихъ, и заставили платить себѣ дань. «Благодарите боговъ, любезные наши единоземцы!» отвѣчала дружина — «Рабство и униженіе ваше предъ чуждымъ народомъ кончились. Мы также Славяне, и пришли къ вамъ, чтобы помогать слабымъ, и освобождать собратій отъ притѣсненія чуждыхъ намъ народовъ. Не сопротивляйтесь намъ, мы изгонимъ отсюда общихъ враговъ въ ихъ степи. Одна у насъ вѣра, одинъ

языкъ, одна любовь къ независимости. Мы составимъ одинъ народъ, сильный, страшный для непріятелей.»

Какъ быстрая молнія пронеслась радостная вѣсть изъ конца въ конецъ многолюднаго города. Народъ бросился толпами на встрѣчу къ своимъ избавителямъ. Козары, не ожидавшіе такого смятенія въ тихомъ народѣ, и видя съ высокаго городскаго вала стройное и готовое къ отраженію войско, не смѣли приняться за оружіе; безъ всякаго сопротивленія вышли изъ города; переправились на восточный берегъ Днѣпра къ своимъ единоземцамъ, и никогда съ оружіемъ не показывались передъ Кіевомъ. При радостныхъ крикахъ народа Аскольдъ и Диръ вступили въ городъ. Шумныя толпы окружали ихъ со всѣхъ сторонъ, и провозгласили ихъ своими освободителями-князьями. Имя Полянъ исчезло.

Такъ началось Кіевское княжество, и вскорѣ сдѣлалось страшнымъ для сосѣднихъ народовъ. Кіевляне, по сношенію своему съ Греками, знали о богатствѣ жителей Царя-града и о слабости ихъ. Аскольдъ и Диръ собрали отъ нихъ достаточныя свѣдѣнія о Днѣпрѣ, о его порогахъ и о Черномъ морѣ. Этотъ путь предпочли они трудянымъ переходамъ по лѣсамъ. Они рѣшились испытать счастіе противъ Константинополя; повелѣли строить легкія ладьи, и быть готовыми къ походу всѣмъ, кто хочетъ прославить себя, или получить важныя выгоды. Варяги, готовые на всякое военное предпріятіе, Новгородская вольница, и Кіевляне, приялись за оружіе, и составили сильную рать.

На другой годъ Днѣпръ покрылся множествомъ лодокъ съ вооруженными воинами. Ни опасные пороги Днѣпровскіе, ни бурныя волны моря Чернаго,

ни что не могло удержать ополченія, жаждущаго славы и корысти. Опытная предпріимчивость Норманновъ преодолѣла всѣ препятствія; каменистые берега Босфора (Константинопольскаго пролива) огласились радостными и пеистовыми криками воиновъ; огонь и грабительство распространились по мирнымъ селамъ. Греки не знали о нашествіи врага сильнаго, невѣдомаго. Войско ихъ съ Императоромъ Леономъ III, сражалось противъ Агарянъ, поклонниковъ Магомета, въ странѣ отдаленной. Ни съ какой стороны не льзя было ожидать помощи. Въ полной надеждѣ на силу Бога хрістіанскаго, Патріархъ Фотій, по слезномъ совершеніи молебствія въ церкви Влахерискої, въ виду непріятеля, вынесъ ризу Пресвятой Дѣвы, и омочилъ край ея въ морс. Вдругъ ясное небо покрылось тучами; градъ и дождь рѣкою полились съ неба на невѣрныхъ; ужасные громы потрясали землю, а поднявшаяся съ страшнымъ свистомъ буря, разносила ладіи русскія въ разныя стороны по быстрому проливу, и раздробляла ихъ въ щепы объ утесистые берега. Не было никакого спасенія для гордыхъ сыновъ сѣвера. Объятые страхомъ, они спасались бѣгствомъ, и гибли или отъ пламени зажженныхъ ими окрестностей, или въ волнахъ Босфора. Аскольдъ, пораженный чудомъ, со многими сподвижниками своими, позналъ всю силу Бога хрістіанскаго; принялъ святое Крещеніе, и нареченный *Николаемъ*, съ Диромъ и малою дружиною, возвратился въ Кіевъ не съ сокровищами, похищенными у Грековъ, но съ сокровищемъ, полученнымъ отъ Неба—съ Вѣрою Хрістіанскою. Спасительная заря заблистала надъ холмомъ, на которомъ Св. Андрей водрузилъ Крестъ Хрістовъ, и предрѣкъ

просвѣщеніе въ полуночныхъ странахъ Россіи; багровое пламя отъ кровавыхъ жертвъ начало потухать мало по-малу, и отніамъ отъ безкровной жертвы проникалъ уже смрадный дымъ, поднимавшійся съ алтарей идольскихъ.

Между тѣмъ Рюрикъ занимался устроеніемъ порядка, тишины и доставленіемъ блага подвластнаго ему народа. Трудно повѣрить, чтобы онъ, по Норманской склонности и любви къ славѣ, не имѣлъ никакихъ военныхъ предпріятій; но исторія не говоритъ объ этомъ ни слова. Какъ бы то ни было; но Новгородцы въ первый разъ почувствовали счастіе подъ сѣнію единодержавной власти.

Наконецъ этотъ благодѣтельный государь достигъ предѣла своей жизни; но на смертномъ одрѣ занимался онъ благомъ народа. Онъ приказалъ собираться къ себѣ всѣмъ знатнымъ Варягамъ и старшинамъ Новгородскимъ, и въ присутствіи ихъ поручилъ воспитаніе малолѣтнаго Игоря родственнику своему Олегу, и ему же, какъ мужу опытному въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ, предоставилъ правленіе до совершеннаго возраста законнаго наслѣдника Великокняжескаго престола.

Рюрикъ скончался въ 879 году, бывъ на престолѣ 17 лѣтъ.

ОЛЕГЪ,

КНЯЗЬ

ПРАВИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВА.

879 — 912

33 г.

Малолѣтство Игоря не требовало большихъ попеченій, да и воспитаніе князей въ то время не было слишкомъ великимъ дѣломъ. Оно состояло въ крѣпости и легкости тѣла, въ быстрой скачкѣ верхомъ на конѣ, въ мѣткомъ, на всемъ скаку, стрѣляніи изъ лука и метаніи копья, также въ искусствѣ дѣйствовать мечемъ. Игорь былъ еще слабъ для такихъ упражненій, Олегъ расположился воспитывать его въ бранномъ полѣ.

Тишина и спокойствіе были въ тягость Олегу. Онъ любилъ бранный шумъ оружія. Варяги, приплывавшіе изъ за моря, и предлагавшіе ему свои силы и искусство въ дѣлахъ военныхъ, разсказывали ему о бранныхъ подвигахъ Норманновъ, своихъ единоземцевъ, о славѣ и корысти, пріобрѣтенной ими въ Британіи, Франціи и даже въ Италіи. Все это возбудило славолюбіе въ Олегѣ. Не всѣ Кривичи признавали надъ собою власть Великаго Князя Рюрика, и

2.

ОЛЕГЪ. Князь.

Изъ Исторіи Россійскаго Государства.

Т. 1. Стр: 20.

этого довольно уже было для жаждущаго брани Олега сдѣлать на нихъ нападеніе. Составивъ для себя храбрую дружину изъ Варяговъ и сильное ополченіе изъ Веси, Чуди и Мери, въ 882 году двинулся онъ къ Смоленску. Юный Игорь былъ въ его станѣ. Олегъ заблаговременно хотѣлъ ознакомить его съ трудами военными, пріучить къ свисту стрѣлъ, къ звуку мечей, къ треску ломающихся копій и къ стону раненыхъ. Игорь не былъ свидѣтелемъ такой ужасной картины. Смоленскъ безъ сопротивленія преклонился предъ Олегомъ.

Давно уже вѣсть о дѣлахъ на югѣ перенеслась на сѣверъ. Давно молва о красотѣ Днѣпровской страны и о бѣдствіяхъ нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, стенящихъ въ оковахъ рабства у народа чуждаго, разносилась по Новгороду. Одни расчитывали выгоды, которыми можно было бы пользоваться, живя въ сосѣдствѣ съ Греками, утопающими въ роскоши и изобиліи; другіе сожалѣли о своихъ собратіяхъ, униженныхъ народомъ дикимъ, и господствующимъ еще въ странахъ плодороднѣйшихъ. Всѣ искали средствъ сблизиться съ Кіевскими Славянами, и всѣ находили непреодолимыя препятствія. Быстрый и глубокій Днѣпръ, непроходимые лѣса на правой его сторонѣ, а на лѣвой Козары, удерживали ихъ корыстолюбивые порывы. Храброму Олегу предоставлено было соединить всѣхъ Славянъ въ единый народъ.

Обладая всѣмъ почти сѣвероиъ, западною Двиною, Волховомъ и частію озера Ладожскаго; не видя прежней строптивости въ Славянахъ, Олегъ начерталъ планъ, и немедленно приступилъ къ исполненію его. Оставивъ въ Смоленскѣ осторожнаго воеводу съ дружиною изъ Варяговъ, самъ, со всѣмъ ополченіемъ,

двинулся онъ къ югу на многихъ ладіяхъ. Воины его частію плыли по Днѣпру, частію пробирались сквозь лѣса, покрывавшіе лѣвый его берегъ. Такими новыми путями грозное ополченіе достигло земли Радимичей (въ южной части Могилевской губерніи), и не встрѣтивъ никакого сопротивленія, вступило во владѣнія Сѣверянъ (въ Черниг. губерніи), платившихъ дань Козарамъ, и городъ Любечъ не сдѣлалъ никакого сопротивленія, предѣлы Сѣверянъ не остановили Олега. Кіевъ былъ его предметомъ.

Пролить, въ случаѣ сопротивленія, кровь будущихъ подданныхъ; предать разграбленію лучшій на Днѣпрѣ городъ; показаться жестокимъ противъ мирныхъ гражданъ; заставить ихъ сожалѣть о спокойствіи подъ кроткимъ правленіемъ князей добрыхъ, тяжело лежало на сердцѣ Олега. Послѣ глубокаго и прискорбнаго размышленія, онъ рѣшился принести кровавую жертву: умертвить своихъ единоземцевъ, Аскольда и Дира. Для вѣрнѣйшаго успѣха въ такомъ жестокомъ поступкѣ, онъ выдумалъ хитрость; приказалъ войску своему остановиться на границахъ Кіевскихъ; не дѣлать никакого насилія жителямъ; препятствовать всякому сообщенію съ Кіевомъ, и черезъ нѣсколько времени слѣдовать за собою по обѣимъ сторонамъ рѣки. Сдѣлавъ такое распоряженіе, самъ съ нѣсколькими отборными, онъ сѣлъ на ладіи, распустилъ разноцвѣтные мирные флаги, и присталъ къ высокому берегу Кіева. Надобно было, чтобы князья Кіевскіе не имѣли при себѣ большой свиты, и для того приказалъ онъ извѣстить о себѣ, что Нормандскій купецъ, отправляясь съ дорогими товарами изъ Новгорода съ Константинополь, принялъ отъ Великаго Князя Рюрика важное къ нимъ пору-

ченіе; что онъ, по болѣзни своей, не можетъ подняться на крутую гору, и представиться имъ лично. Аскольдъ и Диръ не предполагали хитраго обмана; опоясались одними мечами, и съ небольшою дружиною взошли на ладію Олега, въ надеждѣ видѣть своего единоземца; узнать обо всемъ, что ихъ занимало, и принять порученіе отъ бывшаго своего князя. Олегъ вышелъ на палубу, ведя за руку юнаго Игоря. Его видъ, осанка, грозный взоръ и полное вооруженіе открыли неосторожнымъ князьямъ не мирнаго гостя, но хитраго и властолюбиваго воина. «*Вы не князья и не знаменитаго рода, но вотъ князь сынъ Рюрика!*» было привѣтствіемъ Олега. Изумленные и оскорбленные князья Кіевскіе обнажили мечи; Олегъ воззвалъ къ своимъ, и вооруженные воины выскочили изъ подъ палубы, окружили беззащитныхъ и убили ихъ. Поступокъ вѣроломный, но его требовало спокойствіе многихъ подъ крѣпкою державою единаго.

Невозвратная потеря князей, непріятельское войско, вышедшее изъ-за лѣсу, и покрывшее весь песчаный противоположный берегъ Днѣпра, привели Кіевлянъ въ ужасъ. Сопротивленіе было невозможно; съ хлѣбомъ и солью, передъ городскими воротами, встрѣтили они новаго своего властелина. Олегъ вступилъ въ Кіевъ, и легкимъ, важнымъ наклоненіемъ головы, привѣтствовалъ толпы народа. Игорь шелъ по правую его сторону, и невинною улыбкою отвѣчалъ на дѣланныя ему привѣтствія.

Восхитительный видъ съ горъ Кіевскихъ, Днѣпръ, растилающійся тихою, свѣтлою полосою при ихъ подошвѣ, стеченіе богатыхъ купцевъ изъ Греческаго Херсонеса, изъ Козарской Тавриды, изъ Болгаріи и

Константинополя; дорогіе товары, состоявшіе въ шелковыхъ тканяхъ, въ золотомъ шитьѣ, въ самоцвѣтныхъ камняхъ, въ золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, въ нѣжныхъ плодахъ и вкусныхъ винахъ поразили Олега, и онъ въ восторгѣ своемъ сказалъ: «*Да будетъ Кіевъ матерію городовъ Россійскихъ!*»

Честь Нормана требовала большихъ, труднѣйшихъ и славнѣйшихъ подвиговъ. Непріязненные Древляне, нападавшіе уже на Кіевъ, не переставали дѣлать своихъ набѣговъ, Олегъ явился передъ дубравами Древлянъ. Они сдѣлали сопротивленіе; но храбрые и искусные только въ борьбѣ съ медвѣдями и волками, Древляне не могли устоять противъ искусства Варяго-Руссовъ, и обратились въ бѣгство. Главный городъ ихъ *Коростень* сдался побѣдителю; дремучіе лѣса, покрывавшіе берега рѣки Припети, были слабымъ убѣжищемъ для бѣглецевъ: мечъ Олега проникъ въ извѣстныя только имъ густоты лѣса. Всё покорялось непобѣдимому, и народъ полудикій, свирѣпый, призналъ надъ собою власть, и обязался платить дань черными куницами. Медъ, воскъ и множество медвѣжьихъ, волчьихъ, лисьихъ и другихъ мѣховъ были богатою добычею для Олеговыхъ воиновъ.

Брапоносный и мудрый правитель государства не ограничивается одною воинскою славою. Прямое и безопасное сношеніе Кіева съ Новгородомъ было необходимо; но между ними лежали земли, надъ которыми владычествовали Козары. Олегъ прошелъ ихъ на пути къ Кіеву; но онъ пронесся, какъ бурное облако, и оставилъ до времени бросить на нихъ свои громы. Это время наступило скоро. 883 годъ былъ началомъ новыхъ подвиговъ Олега. Подъ предлогомъ

освободить Славянъ отъ дани чужеземцамъ, онъ съ войскомъ явился при устьѣ р. Десны. Козары встрѣтили его у предѣловъ своихъ владѣній: но были побѣждены. Вся сѣверская страна признала надъ собою власть Кіевлянъ; и Радимичи, жившіе отъ нихъ къ сѣверу, добровольно признали себя данниками Олега.

Послѣ таковыхъ успѣховъ, открылось только свободное сообщеніе съ Новгородцами. Но Олегъ захотѣлъ имѣть ближайшее сосѣдство съ Греческимъ Императоромъ и съ плодородными Черноморскими странами. Сообщеніе Днѣпромъ, по причинѣ быстрыхъ пороговъ, было весьма затруднительно, а на сухомъ пути, между Кіевомъ и р. Дунаемъ, жили исподвластные Кіеву Лутичи и Тиверцы, которые могли нападать на безоружныхъ купцовъ, проѣзжавшихъ съ товарами чрезъ ихъ земли. Право сильнаго, или то, что нѣкоторые изъ этихъ народовъ были въ зависимости отъ Козаровъ, подали Олегу поводъ дѣйствовать противъ нихъ оружіемъ. Совершенные успѣхи увѣнчали его предпріятіе. Подольская, Волынская и часть Херсонской губерніи вошли въ составъ Россіи.

Распространивъ Россію до рр. Прута и Дуная на югѣ, Олегъ жилъ мирно съ Императоромъ Константинопольскимъ. Онъ не препятствовалъ Греческому духовенству проповѣдывать въ Кіевѣ Вѣру во Христа, и позволялъ воинамъ своимъ служить подъ знаменами Византійскихъ полководцевъ. Двадцать одинъ годъ спокойствіе царствовало въ сѣверной и южной Россіи. Олегъ, усталый отъ завоеваній, отдыхалъ на лаврахъ; но не предавался ни праздности, ни роскоши, ни пьянству. Дѣла правленія занимали его столько же, какъ и дѣла военныя. Онъ каралъ недостойныхъ, награждалъ вѣрныхъ и усердныхъ исполнителей

его воли. Олегъ путешествовалъ съ княземъ Игоремъ по Россіи. И кто знаетъ, можетъ быть, во время этого путешествія тамъ, гдѣ Неглинная и Яуза втекаютъ въ Москву рѣку, онъ, съ своими спутниками, отдыхалъ въ шалашахъ—кущахъ, кучкахъ—отъ чего и мѣсто города Москвы называлась прежде Кучковымъ станомъ. Можетъ быть, это преданіе столько же справедливо, какъ и то, что Олегъ въ 903 году выбралъ во Псковѣ для Игоря невѣсту, называвшуюся прежде Прекрасою, а потомъ Ольгою; или, что Игорь, гоняясь за звѣрями на охотѣ, около села Выбудскаго, встрѣтилъ поселянку Прекрасу; плѣнился ея красотою, умомъ, и вступилъ съ нею въ бракъ.

Исторія не говоритъ о причинѣ разрыва Россіянъ съ Греками; но войско многочисленное, отправленное противъ Грековъ, на двухъ тысячахъ ладіяхъ, заставляетъ думать, что Греки чѣмъ либо важнымъ оскорбили Россіянъ, и что Олегъ рѣшился потребовать отъ нихъ удовлетворенія. Напрасно, по повелѣнію робкаго Императора Леона, заградили проливъ цѣпію; напрасно греческіе полководцы устрояли полки, и возбуждали храбрость въ воинахъ. Олегъ шелъ, какъ древній богъ войны, всё приходило предъ нимъ въ смятеніе, всё по слѣдамъ его превращалось въ развалины. Гордая Византія отворила ему свои ворота. Олегъ вступилъ въ столицу, какъ грозный побѣдитель; предписалъ торговыя условія, выгодныя для купцовъ Русскихъ; повѣсилъ свой щитъ на воротахъ Града-Царя; взялъ съ Грековъ 12 гривенъ серебра на каждаго воина; возвратился въ отечество, и названъ *Вѣщимъ*.

Олегъ скончался мирно въ 912 году, а по народному преданію, отъ уязвленія змѣи.

3.й

ИГОРЬ.

В. К. Кіевскій.

Ч. 1. Стр: 27.

ИГОРЬ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.

912 — 945

33 г.

Тогда, какъ Олегъ, на поляхъ брани, чертилъ мечемъ предѣлы въ отдаленныхъ краяхъ для Россіи, Игорь, на берегахъ Днѣпра, возрасталъ среди Русскаго юношества. Никогда тайная грусть не омрачала веселаго лица его; горделивая поступь не безобразила стройнаго стана. Игорь былъ тихъ, кротокъ, дружелюбенъ.

Такъ провелъ Игорь дѣтскія лѣта, и такъ достигъ юношескаго возраста. Чувствуя себя способнымъ поднять бремя правленія, онъ не простиралъ видовъ далѣе своихъ обязанностей. Воинскія игры, тѣлесныя упражненія, и звѣриная ловля были любимымъ его занятіемъ, а сладость семейственной жизни, которую позналъ онъ въ объятіяхъ тихой, доброй и прекрасной супруги своей Ольги, почиталъ выше всякаго земнаго величія.

При такомъ расположеніи души и сердца, Игорь былъ счастливъ и не на престолѣ. Льстецы не мог-

ли заразить его властолюбіемъ, и склонить высокой души его къ низкому роптанію на Олега, который не исполнялъ послѣдней воли Рюрика, и не передавалъ ему жезла правленія въ зрѣломъ возрастѣ. Игорь видѣлъ княжескій вѣнецъ на главѣ мудрой, и былъ свидѣтелемъ довольства и спокойствія своихъ подданныхъ, зависть—отличительное свойство людей слабыхъ, низкихъ, не смѣла коснуться его благороднаго сердца.

Смерть Олега указала наконецъ Игорю путь къ престолу, и открыла предъ нимъ великія и труднѣйшія обязанности единодержавца.

Еще неизмѣримыя Сибирскія степи не истощились отъ переселенія народовъ и во время княженія Игоря. Печенѣги тучею устремились на западъ. Игорь отклонилъ ихъ направленіе; но не предвидѣлъ, что этотъ шумный народный потокъ, остановясь въ предѣлахъ, разольется по мѣстамъ сосѣдственнымъ; наводнитъ южную Россію, и произведетъ въ ней опустошеніе.

Послѣ удачнаго похода противъ Древлянъ, которые, узнавъ о кончинѣ страшнаго для нихъ Олега, отказались платить дань Кіеву, и послѣ нетруднаго приведенія ихъ къ прежнему повиновенію, Игорю, неимѣвшему Олеговой опытности, показалось, что также легко побѣждать и налагать дани на другіе народы. Не извѣстно, одно ли корыстолюбивое желаніе обогатить себя и своихъ сподвижниковъ, или то, что сами Греки, можетъ быть, нарушили унизительную для нихъ статью: «*Довольствовать русскихъ купцовъ на щетъ императорскаго двора, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, и давать имъ все нужное для обратнаго пути*,» побудили Игоря разорвать

связь между Россіею и Грецією; но несомнительно то, что онъ, собравъ великое ополченіе, съ половиною его вторгнулся въ Босфоръ, а другой приказалъ опустошать южные берега Чернаго моря. Начались ужасы Олегова времени—тѣ же пожары, тѣ же грабежи, то же опустошеніе; но не тотъ же конецъ!

Давно уже Греки изобрѣли неугасаемый огонь. Съ этимъ страшнымъ — неизвѣстнымъ имъ снарядомъ, окружили они Русскія ладіи, и бросили его на нихъ изъ какихъ-то мѣдныхъ трубъ. Бросая во всѣ стороны ослѣпляющія искры, распространилось пожирающее пламя по волнамъ; прилипло къ осмоленнымъ ладіямъ, и ничто не могло спасти ихъ отъ гибели. Онѣ были превращены въ пепелъ. Войско, свирѣпствовавшее въ Виѳиніи, было также истреблено Греками, и Игорь съ малою дружиною возвратился въ Кіевъ.

Греческій огонь, попалившій Русскія суда, не устрашилъ Игоря, но воспламенилъ въ немъ свирѣпость. Онъ поклялся всѣми своими богами отмстить Грекамъ. Нанялъ Варяговъ, искусныхъ въ сраженіяхъ на морѣ и на сухомъ пути, Печенѣговъ, жадныхъ къ добычѣ, и, вооруживъ Кіевлянъ, покрылъ военными судами Черное море. Греческій императоръ, зная, сколь опасно сражаться съ отчаяннымъ непріятелемъ, и щадя кровь подданныхъ своихъ, предложилъ Игорю и всему его воинству дары. Игорь медлилъ, но его полководцы, предпочитая настоящія выгоды будущей неизвѣстной удачѣ, склонили его согласиться на предложеніе Грековъ. Золото, серебро, дорогіе камни, золототканныя, шелковыя парчи, и пр., были трофеями Игорева похода.

Удача однихъ всегда почти возбуждаетъ зависть

въ другихъ. Богатство, съ которымъ возвратились воины изъ Царя-градскаго похода, произвело негодованіе въ отрокахъ велико-княжескихъ. Они просили части отъ полученной добычи, но Игорь, не желая обидѣть тѣхъ, которые подвергались опасности, отказалъ отрокамъ своимъ.

Война съ Греками кончилась клятвеннымъ подтвержденіемъ, въ Царь-градѣ и Кіевѣ, Олегова мирнаго договора.

Послѣ того, Игорь съ вооруженными воинами вступилъ въ область Древлянъ для обычнаго собранія дани. Древляне, какъ покорные волѣ своего князя, принесли ему медъ, воскъ и дорогіе мѣхи. Игорь, раздѣливъ эту дань между воинами, отпустилъ ихъ; а самъ остался съ небольшею дружиною изъ отроковъ и потребовалъ себѣ дорогихъ камней, золота и серебра.

Напрасно Древляне представляли правое свое дѣло. Игорь не внималъ ничему. Напрасно призывали они боговъ во свидѣтели, что не знаютъ никакихъ сокровищъ, кромѣ даровъ природы. Игорь не вѣрилъ имъ, и упорно стоялъ въ своемъ требованіи. Напрасно, бросясь на колѣна, умоляли они неумолимаго обратить вниманіе на ихъ бѣдность. Игорь оставался непреклоннымъ; далъ знакъ своимъ Отрокамъ, и черный дымъ заклубился на загорѣвшихся нивахъ.

Тогда-то ожесточенные Древляне бросились на Игоря. Ни отчаянное мужество, ни отроки, поспѣшившіе на помощь своему князю, не могли спасти его отъ погибели. Онъ палъ — и надъ его курганомъ совершилась въ послѣдствіи времени кровавая *тризна*.

№ 14.

ОЛЬГА. В. Княгиня.

Правительница русскаго Государства

Ч. 1. Стр: 31.

ОЛЬГА,

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ,

ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Горько плакала великая княгиня Ольга о несчастной кончинѣ супруга своего. Ни утѣшенія знатныхъ женъ боярскихъ, ни дивные разсказы усердныхъ рабынь ея, ни нѣжныя ласки и дѣтскія игры оспротѣвшаго Святослава, ничто не могло утѣшить горестную; щеки ея покрывались блѣдностію, посинѣвшія губы трепетали, и произносили: *мщеніе*!

Уединенно стоялъ высокій курганъ на полянѣ, уже могильная трава одѣла его покрываломъ своимъ. Одни пустынные враны, чуя скорую добычу, гнѣздились вокругъ его. Никто не подходилъ къ одинокому, спротствующему на чужбинѣ, кургану, чтобы пролить нѣсколько слезъ о несчастной участи князя.

Беззаботно пировали Древляне въ Коростенѣ. Они торжествовали убіеніе князя Кіевскаго, свою независимость и свободу отъ платежа дани. За полными грубыхъ яствъ столами шумно расчитывали они свои выгоды, и въ буйствѣ отъ крѣпкаго меда умышляли овладѣть всѣмъ Русскимъ княжествомъ, женивъ князя своего Мала на овдовѣвшей Ольгѣ.

Забывъ мучительную смерть, которой предали они Игоря, отправили Древляне посольство къ пылающей мщеніемъ Кіевской княгинѣ; но не получили вѣсти; отправили другое, также не было отвѣта. Ольга предала лютой смерти посланниковъ. Наконецъ явился передъ воротами Коростеня гонецъ изъ Кіева, и возвѣстилъ обрадованнымъ жителямъ, что великая княгиня съ знатнѣйшими боярами своими идетъ въ землю Древлянскую.

Малъ, съ дружиною своею, въ лучшемъ нарядѣ вышелъ къ ней на встрѣчу, и готовъ былъ подать ей свою руку; но курганъ надъ Игоремъ былъ въ виду. Ольга пожелала въ послѣдній разъ плакать подлѣ него, и совершить тризну въ память князя. Воскурилась передъ курганомъ жертва Чернобогу на деревомъ алтарѣ. Ольга стала на колѣна, и тихо призывала боговъ въ свидѣтели справедливаго мщенія, и предавала проклятію убійцъ Игоревыхъ. Разнѣженный и упоенный любовію Малъ не могъ угадать умысла своей невѣсты.

Между тѣмъ изготовлены уже были столы, и уставлены вкусными яствами. Жертвенный огонь погасъ. Ольга отерла свои слезы, приняла веселый видъ; сама усадила гостей, и наливъ серебреную стопу крѣпкаго меду, подошла къ жениху своему. «Не пробудить мнѣ своего мужа рыданіями и стономъ, не согрѣть мнѣ холоднаго его трупа горячими слезами,» сказала она, «выпей въ успокоеніе Игоря въ жилищѣ Одина!» Вкусные меды полились въ чаши пирующихъ. Полу-дикіе Древляне насыщались сладкими яствами, и слабѣли отъ крѣпкихъ напитковъ.

Вдругъ, по данному знаку, воины, слѣдовавшіе за

Ольгою, бросились изъ за густыхъ деревъ съ обнаженными мечами, и началось убійство. Кровь пролилась за кровь, и трупы Древлянъ достались въ добычу вѣщимъ врànамъ и звѣрямъ.

Князь Древлянскій, обреченная жертва мщенія Ольги, спасся бѣгствомъ. Малочисленная дружина и укрѣпленія Коростена остановили карающую руку ожесточенной княгини, но не поколебали въ ней твердаго намѣренія, съ огнемъ и мечемъ преслѣдовать враговъ своихъ въ самомъ ихъ вертепѣ.

Наконецъ Кіевское воинство, предводимое храбрымъ полководцемъ Свенельдомъ и юнымъ княземъ Святославомъ, пробралось сквозь чащу деревъ, и остановилось при выходѣ изъ лѣса. Воины преклонили копья, и хранили глубокое молчаніе. Ольга, опершись лѣвою рукою о дерновой жертвенникъ, на которомъ курился еще тонкій дымъ, стояла, какъ грозная богиня мщенія, среди окровавленныхъ и бездыханныхъ труповъ. Святославъ отдалъ копіе и щитъ своему отроку; бросился съ коня, и снявъ съ головы легкій шишакъ, почтительно подошелъ къ своей матери.

«Здѣсь,» сказала Ольга, указывая на курганъ лѣвою рукою, и положивъ правую на плечо своего сына «здѣсь уединенно истлѣваютъ кости твоего отца, неоплаканнаго, не имѣвшаго достойнаго погребенія. Крѣпкія руки его придавлены гробовою доскою, и подъ стальнымъ щитомъ его, брошеннымъ, можетъ быть, въ болото, укрываются теперь презрѣнные гады.» Святославъ зарыдалъ. «А тамъ, за видимымъ тобою лѣсомъ, гнѣздятся робкіе убійцы того, кто далъ тебѣ жизнь для славы Руссовъ. Многихъ изъ нихъ принесла я въ жертву Чернобогу, и топтала

ихъ трупы; но между ними не было трупа врага моего Мала, и я не сыта еще кровію. Клянись, Святославъ, отмстить злодѣямъ!» «Клянусь!» отвѣчалъ съ рыданіемъ Святославъ, и воины ударили копьями по щитамъ. «Мщеніе и смерть лютымъ врагамъ Кіева!» раздалось въ рядахъ ихъ.

Громкіе крики и звукъ трубъ дали знать въ Коростенѣ о нашествіи сильнаго воинства. Малъ, собравъ ополчіи Древлянъ, ожидалъ его на широкомъ полѣ. Войска сближались. Ими управляло мщеніе. Святославъ въ первый разъ увидѣлъ вооруженнаго непріятеля, и закипѣлъ яростію. Онъ поскакалъ впередъ, и первый бросилъ копье, но оно упало предъ ногами его коня: слабая рука измѣнила геройскому порыву. Свенельдъ слѣдовалъ за юнымъ княземъ; принялъ на свой щитъ дротикъ, который направленъ былъ въ грудь Святославу—и началась кровавая сѣча.

Отчаянно сражались Древляне; но не могли устоять противъ храбрыхъ Кіевлянъ, ободряемыхъ Ольгою. Они обратились въ бѣгство, и заперлись въ Коростенѣ; но Ольга нанесла имъ рѣшительный ударъ. Она приказала изготовить горючія вещества, привязать ихъ къ стрѣламъ; зажечь, и, подобно птицамъ, пустить ихъ на соломенныя кровли городскихъ домовъ. Вскорѣ страшный пожаръ разлился по всему Коростену. Несчастные жители, палимые огнемъ, гибли отъ мечей раздраженныхъ Кіевлянъ. Малъ погибъ отъ руки Свенельда.

Успокоивъ, по тогдашнему мнѣнію, тѣнь убіеннаго, Ольга, какъ мудрая правительница, обратила вниманіе на благо своихъ подданныхъ. Святославъ не вступилъ еще въ зрѣлый возрастъ, и любилъ одни воинскія упражненія. Они укрѣпили тѣло его для

геройскихъ подвиговъ, и расположили его къ перенесенію всѣхъ трудностей.

Давно уже великіе князья, занятые бранными дѣлами на югѣ, не обозрѣвали областей своихъ. Давно отдаленныя сѣверныя страны не оглашались радостными и привѣтливыми криками. Одни старцы, въ семейномъ кругу, въ темные вечера осенніе, разсказывали своимъ дѣтямъ и внукамъ о милосердомъ князѣ Рюрикѣ, о грозномъ Олегѣ. Объ Игорѣ знали они только по слуху. Но при вѣсти объ его несчастной кончинѣ, готовы были всѣ положить за него животъ свой.

Ольга была милостива къ своимъ подданнымъ: никто не замѣчалъ въ ней суроваго взгляда, никто не отходилъ отъ нея съ лицемъ печальнымъ. Слабые находили въ ней подпору, гонимые — защиту, бѣдные—помощь, обиженные — правосудіе, вдовицы — покровъ, а сироты—нѣжную мать. Одни злые люди боялись ея взора. Онъ, при всей кротости, казался имъ небесною молніею.

Ольга знала Русскихъ. Знала, что путешествіе государя для нихъ есть то же, что для охладѣвшей и томной природы кроткое сіяніе солнца. Она рѣшилась осчастливить собою отдаленныя сѣверныя страны, и оживить въ нихъ утомленную и унылую дѣятельность.

Со всѣмъ княжескимъ дворомъ своимъ, Ольга предприняла путь на сѣверъ. Иногда, среди частаго бора, расположась станомъ, подъ густыми елями, ея ловчіе разсыпались по лѣсу; трубили въ охотничьи рога; поднимали изъ логовищъ робкихъ звѣрей, убивали ихъ, или гнали къ своему становищу. Тогда Ольга, сама, на быстромъ конѣ, гналась за добычею,

и поражала ее изъ своихъ рукъ копьемъ, или мѣткими стрѣлами.

Иногда останавливалась она подлѣ рѣки, въ шалашахъ, изъ ивовыхъ вѣтвей, и занималась любимою ловлею рыбы. Неиспытавшіе еще приманчиваго обмана обитатели стихіи, никогда еще невозмущенной, станицами шли на вѣроломную уду, и во множествѣ попадались въ непримѣтныя для нихъ сѣти.

Долго такія мѣста хранились въ памяти Русскихъ подъ названіемъ Ольгиныхъ ловищъ и перевѣсищъ!

Не одна охота, не одно удовольствіе бесѣдовать съ подданными, какъ съ дѣтьми своими, и довольствовать ихъ вкусными яствами и медомъ, заставили великую княгиню предпринять далекое путешествіе. Она вникла въ народныя нужды; открывала источникъ обилія и скудости, и налагала соразмѣрныя подати; усмотрѣла затрудненія въ сообщеніи одного селенія съ другими, и приказала въ лѣсахъ проложить дороги, осушить топкія мѣста, строить мосты на небольшихъ, а на широкихъ и быстрыхъ рѣкахъ учредить переправы. Она узнала, какъ трудно городскимъ старшинамъ хранить тишину и порядокъ въ селеніяхъ отдаленныхъ, и раздѣлила ихъ на погосты.

Такъ обозрѣла Ольга полуночныя области, а Пскову, какъ родинѣ своей, дала особенныя, предъ другими, преимущества, и возвратилась въ Кіевъ. Долго Псковитяне, какъ величайшую рѣдкость, хранили сани Ольги.

На сѣверномъ краю стараго Кіева, недалеко отъ того мѣста, гдѣ посланникъ Христовъ, водрузилъ святый Крестъ, уединенно стоялъ Божій храмъ, имени Иліи посвященный. Онъ былъ весьма бѣденъ предъ капищемъ Перуна, и деревянный крестъ едва пока-

зывался изъ за домовъ сосѣднихъ;—но сердца, съ вѣрою молящихся въ немъ, превосходили злато и дорогіе камни своею чистотою, а молитвы ихъ проникали сводъ небесъ, и возносились къ престолу Всевышняго.

Здѣсь-то, въ утреннее и вечернее время, собиралось небольшее общество Христіанъ Кіевскихъ! Благочестивый инокъ, проповѣдникъ Святаго Евангелія, украшенный сѣдинами, совершалъ божественное служеніе, и молилъ Бога просвѣтить омраченныхъ свѣтомъ Евангелія. Молитва его была услышана.

Въ одно майское утро, когда пробудившаяся природа дышетъ новою жизнію, Ольга, встревоженная какимъ-то чудеснымъ видѣніемъ, съ одною рабынею вышла на высокій берегъ Днѣпровскій. Восходящее солнце, нѣжная зелень и пѣніе птицъ, на другой сторонѣ Днѣпра, возбудили въ сердцѣ княгини необыкновенное, сладостное чувство. Въ глубокой задумчивости она шла далѣе и далѣе, и остановилась подлѣ деревяннаго зданія; изъ него, сквозь желѣзной рѣшетки узкаго окна, выходило пріятное благоуханіе, и слышно было протяжное пѣніе голосовъ. Непреодолимое любопытство влекло ее во внутренность храма. Она приблизилась.

Согласная и восхитительная Херувимская пѣснь, открытые царскіе врата, старецъ предъ престоломъ въ священномъ облаченіи и съ обращенными къ небу руками; изображеніе пригвожденнаго ко кресту Спасителя, умиленіе молящихся и таинственный сумракъ, мѣшающійся со слабымъ свѣтомъ отъ пылающихъ свѣчь—все проникало въ душу Ольги, и располагало сердце ея къ какому-то благоговѣнію. Она почувствовала невидимое присутствіе Бога Христіанскаго.

Бывъ свидѣтельницею благочестія и смиренія предъ Богомъ, она представила безобразнаго идола Перуна, жрецевъ, приносящихъ ему кровавую жертву и ихъ отвратительныя движенія; народъ съ плесками и дикимъ крикомъ пляшущій вокругъ истукана, предъ которымъ поднимался смрадный дымъ отъ горящаго дуба и нечистой жертвы; вообразила всё, и, на возвратномъ пути въ теремъ, отворотилась отъ поставленнаго на высокомъ холмѣ идольскаго капища.

Благодать осѣнила Ольгу, свѣтъ правовѣрія открылъ предъ глазами ея тщету идолопоклонства, а уединенныя бесѣды съ кроткимъ старцемъ—инокомъ убѣдили ее принять св. Крещеніе. Возложивъ бремя правленія на возмужавшаго уже Святослава, Ольга съ приближенными къ себѣ, отправилась въ градъ Константиновъ. Ничто не могло остановить Ольги на святомъ пути ея.

Съ твердою рѣшительностію предстала она предъ императоромъ, и объявила свое намѣреніе. Радость Константинопольскаго двора была неописанна. Греки пріобрѣтали союзницу мудрую, сильную, и оружіемъ вѣры покоряли себѣ народъ воинственный. Самъ патріархъ принялъ на себя научить Ольгу первымъ догматамъ исповѣданія.

День крещенія Великой Русской Княгини былъ днемъ торжественнымъ для Цареградскихъ жителей. Еще съ темной зари народъ толпился на улицахъ, ведущихъ къ соборному Софійскому храму. Ожиданіе было нетерпѣливо. Наконецъ звонъ колокола возвѣстилъ торжественное шествіе. Впереди шла императорская гвардія. За нею придворные чиновники,— а въ нѣкоторомъ отдаленіи въ богатомъ нарядѣ сама Ольга съ масличною, въ правой рукѣ, вѣтвію. Вос-

пріемникъ — Императоръ съ воспріемницею шли по обѣимъ сторонамъ ея, а за ними всѣ чины императорскіе.

Въ западныхъ дверяхъ церкви встрѣтилъ Ольгу самъ патріархъ; ввелъ въ притворъ храма, и поставилъ на мѣстѣ оглашенныхъ. Съ великимъ благоговѣніемъ новопросвѣщаемая слушала начало божественной литургіи, и потомъ приступила къ пріятію спасительнаго Крещенія. Патріархъ, провозгласивъ крещаемую *Еленою*, возлилъ на нее изъ златой чаши освященную воду, и возложилъ на ея перси крестъ животворящій. Душа отрожденной Елены съ ѳиміамомъ возносилась къ небу.

Прошло лѣто. Уже осень мертвила всё, что имѣло еще въ себѣ жизнь растительную, и холодный вѣтеръ съ полуночи наводилъ ледъ на воды; но въ Кіевѣ не получали вѣсти изъ Царя-града.

Денно и нощно Христіяне молили Бога о сохраненіи здоровья и жизни своей покровительницы. Съ криками и воплями язычники сожигали жертвы предъ Бѣл-богомъ, и просили скорѣе возвратить имъ княгиню. Но Ольги не было!

Отъ ранняго утра до глубокаго вечера тоскующіе по ней старцы сидѣли на высокомъ Днѣпровскомъ берегу, или на южной крутизнѣ надъ Лыбедью; разсказывали другъ другу о милостяхъ своей Благодѣтельницы, и посматривали въ даль по тихой рѣкѣ, или къ лѣсу, по Царе-градской дорогѣ. Княгини-матери не было!

Наконецъ насталъ день радости и торжества для Кіевлянъ. Въ облакѣ густой пыли, на быстромъ конѣ, несся гонецъ по дорогѣ, прямо къ Кіеву. Народъ обложилъ собою городскій валъ, или летѣлъ на встрѣ-

чу къ гонцу, давно ожидаемому. Вѣстникъ радости предсталъ предъ народомъ, отеръ съ своего лица пыль, и увѣдомилъ, что онъ оставилъ княгиню у высокихъ кургановъ. Скоро радостная вѣсть разнеслась по всему городу и его окрестностямъ. Жрецы спѣшили въ идольскія капища принести богамъ своимъ жертву благодаренія. Хрістіяне, ознаменовавъ себя крестомъ, смиренно шли въ храмъ Божій воспѣть пѣснь хвалебную.

Наконецъ длинный рядъ дорожныхъ колесницъ потянулся изъ лѣса. Святославъ съ отборною дружиною поскакалъ на встрѣчу къ своей матери, и преклонилъ предъ нею свой стягъ (знамя). Торжественно, и при радостныхъ крикахъ народа, вступила Елена въ Кіевъ, и, миновавъ капища идоловъ, предъ которыми курились жертвы, остановилась у смиреннаго Хрістіянскаго храма.

Здѣсь старецъ-иноkъ стоялъ въ дверяхъ церкви. Ольга-Елена приложилась къ кресту, и, окропленная святою водою, вошла въ храмъ, гдѣ въ первый разъ познала Бога Хрістіянскаго; стала на колѣна предъ Распятымъ, и смиренно, въ пламенной молитвѣ благодарила Его за ниспосланіе на нее Своей благодати, и за совершеніе спасительнаго ея обѣта.

Оставивъ колесницу, сопровождаемая народомъ, тихо и въ глубокомъ размышленіи, пошла она къ своему терему по высотамъ Днѣпровскимъ; остановилась на высокомъ холмѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ крестъ, водруженный св. Андреемъ, и, обозрѣвъ окрестности, теряющіяся въ туманномъ отдаленіи, произнесла его пророческія слова: *Отсюда разольется свѣтъ Евангелія по всей странѣ полунощной!*»

и предположила на этомъ мѣстѣ построить церковь въ Его Св. имя.

Еще до прибытія княгини всё перемѣнилось въ ея теремѣ. Храмину, гдѣ нѣкогда, въ жестокой горести умыслила Ольга кровавое на Древлянъ мщеніе, приказала она превратить въ молельную, а по прибытіи своемъ, украсила ее рѣзнымъ Распятіемъ и литыми иконами, изъ Царь-града. Въ ней предавалась она воспоминанію минувшаго; умоляла Бога простить ей безчеловѣчный, съ врагами Игоревыми, поступокъ, содѣланный ею во тьмѣ идолопоклонства, и низпослать на всѣхъ благословеніе. Миръ и тишина со всѣми хрістіянскими добродѣтелями водворились въ Берестовскомъ теремѣ Ольги.

СВЯТОСЛАВЪ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.

945 — 972

27.

Какъ ни прекрасна добродѣтель въ ангельскомъ своемъ образѣ; но предразсудки, глубоко укоренившіеся въ сердцѣ, часто отвлекаютъ отъ нея слабаго человѣка.

Ольга представляла собою образъ такой добродѣтели. Ея благочестіе, ея миролюбіе, ея кротость, какъ утренній свѣтъ зари, отражались на лицахъ всѣхъ, ее окружавшихъ. Но лице сына ея Святослава всегда было подобно черному облаку, пожирающему златые лучи солнца, а сердце не уступало холодному камню въ нечувствительности и твердости. Сколь часто нѣжная мать его представляла ему всю сладость, которую Хрістіянская вѣра доставляетъ во временной жизни; какими живыми красками, въ благочестивомъ восторгѣ, ни описывала ему рай, уготованный избраннымъ, и адъ невнемлющимъ гласу Евангелія. Святославъ слушалъ и не понималъ. Онъ не вкусилъ сладости Хрістіянской жизни, а идолопоклонническая льстила его воображенію и чувствамъ.

5.

СВЯТОСЛАВЪ. I.

В. В. Кіевскій.

Ч. I. Стр: 49.

Рожденный для трудовъ и дѣлъ воинскихъ, онъ былъ врагъ покоя и мирныхъ занятій. Свѣтлый княжескій теремъ былъ для него темень, душенъ — чистое поле и мрачный лѣсъ казались ему чертогомъ, достойнымъ богатырей; холодная земля, покрытая густою травою—мягкимъ ложемъ; небесный сводъ, усыпанный звѣздами—богатымъ шатромъ; свистъ вѣтра и вой волковъ—пріятными пѣснями; а звѣриныя полусырыя мяса -самыми вкусными яствами.

При таковомъ грубомъ образѣ жизни, сердце Святослава не было совершенно чуждо чести. Храбрость и великодушіе составляли отличительное его свойство. Онъ не имѣлъ расположенія къ Христіанамъ; но никогда не былъ и врагомъ ихъ. Сѣверный рыцарь не обезчестилъ себя грабежемъ и насиліемъ. Онъ искалъ противника могучаго и достойнаго себя. Не дѣлалъ нападенія нечаяннаго, а всегда давалъ знать о своемъ нашествіи, и вступалъ въ бой съ непріятелемъ, собравшимъ уже свои силы.

Еще Козары, уступившіе Кіевъ Аскольду и Диру, а нѣкоторыя сѣверныя области Олегу, владѣли странами, отъ восточнаго берега Днѣпра за Донъ до горъ Кавказскихъ, и собирали дань съ нѣкоторыхъ народовъ славянскаго племени. Святославъ потребовалъ этой дани на Кіевъ, и получилъ отказъ отъ Козарскаго хана.

Раздраженный сопротивленіемъ, князь призвалъ къ себѣ отважнѣйшаго изъ своей дружины; приказалъ ему отправиться въ землю Козаровъ, и сказать имъ: «*Князь Кіевскій идетъ на васъ!*» Съ азіятскою спѣсью принялъ посланника ханъ Козарскій въ бѣломъ шатрѣ своемъ, съ гордостію выслушалъ слова

князя Кіевскаго, и, вмѣсто отвѣта, ударилъ по мечу крѣпкою рукою.

Начались приготовленія къ войнѣ неминуемой. Стукъ молотовъ, свистъ отъ мечей на точилахъ, шумъ народа, толпящагося на площадяхъ и улицахъ Кіевскихъ умолкали только въ одну полночь.

Между тѣмъ Ольга съ приближенными къ ней, затворясь въ храминѣ, стоя на колѣнахъ предъ иконами, возносилась душею къ престолу Всевышняго, и умоляла Царя царей благословить оружіе Россійское. Она просила даровать побѣду не для временной славы; но чтобы соединить разноплеменные народы во едино стадо, и даровать имъ единаго Пастыря-Христа. Свѣтъ отъ лампады, горящей передъ Распятіемъ, и въ самую полночь видѣнъ былъ въ высокихъ окнахъ терема Ольги.

Святославъ пріучалъ отборную свою дружину нападать стремительно, стоять другъ за друга крѣпко, скрываться между деревьями и въ лощинахъ; ожидать удобнаго времени, и врасплохъ бросаться на утомленнаго непріятеля.

Въ пыли и поту прискакалъ гонецъ изъ за-Днѣпра, и возвѣстилъ Святославу, что сильное Козарское ополченіе, подъ начальствомъ самаго хана, идетъ къ предѣламъ Кіевскимъ. «Тѣмъ славнѣе для насъ побѣда,» отвѣчалъ Святославъ, и приказалъ всему воинству собираться на Подолѣ, отлогомъ берегу Днѣпровскомъ.

Съ чувствомъ сыновней обязанности, и съ горячею любовію къ своей матери, Святославъ спѣшилъ въ ея теремъ. Ольга приняла его предъ своею молитвенною храминою. Святославъ сталъ на колѣно предъ матерію. Ольга, давъ наставленіе, не подвергаться

опасности безъ крайней нужды, и щадить безоружнаго непріятеля, возложила крестообразно на главъ его свои руки, и, благословляя, въ пламенной молитвѣ просила Бога низослать на него благословеніе свыше.

Въ смущеніи и съ какимъ-то новымъ чувствомъ сходилъ Святославъ съ высокой лѣстницы; но при видѣ коня браннаго и оружія своего, въ рукахъ отрока, страсть къ подвигамъ на ратномъ полѣ снова воскипѣла въ его сердцѣ. Какъ легкая серна, бросился онъ на своего коня; взялъ щитъ и тяжелое копье, и стрѣлою понесся къ ожидавшему его воинству. Долго княгиня-мать сидѣла подъ окномъ, и уныло смотрѣла въ слѣдъ сыну.

Подъ восточнымъ краемъ небеснаго свода, какъ густое облако, показалось непріятельское воинство. Копья его были подобны частому лѣсу, а обнаженные мечи, на которыхъ отсвѣчивались лучи солнца, представляли непреодолимую стальную стѣну. «Козары! Козары!» раздалось на высотахъ Кіевскихъ. Смѣшенные крики воиновъ были отвѣтомъ оробѣвшимъ Кіевлянамъ.

Русское воинство понеслось къ предстоящей ему преградѣ. Мощный Святославъ, на бранномъ конѣ, вооруженный тяжелымъ копіемъ и мечемъ, скакалъ впереди; за нимъ неслась храбрая дружина его. На выстрѣлъ изъ лука далъ знакъ къ стремительному нападенію на непріятеля, и вихремъ бросилось впередъ Русское воинство. Пыль, поднявшаяся изъ подъ конскихъ копытъ, закрыла вступившихъ въ битву. Трескъ отъ сокрушающихся копій, пронзительный звукъ мечей, крики воиновъ, ржаніе коней доходили только до слуха Кіевлянъ.

Русскіе воины многократно поражали стѣну непріятеля; но она долго стояла, какъ гранитная скала среди моря, наконецъ поколебалась. Гордый ханъ Козарскій, испытавъ на себѣ силу руки Русскаго князя, обратился въ бѣгство.

Святославъ чрезъ гонца обрадовалъ мать свою и Кіевлянъ одержанною побѣдою; предалъ землѣ русскихъ витязей, падшихъ на полѣ брани и двинулся по слѣдамъ враговъ своихъ.

Мертвое молчаніе заступило мѣсто криковъ на мѣстѣ побоища. Станицы плотоядныхъ птицъ слетались на трупы непогребенныхъ Козаровъ Народъ оставилъ высоты Кіевскія, и разошелся по домамъ своимъ. Хрістіяне въ Божіемъ храмѣ, Ольга въ своемъ теремѣ, не переставали молиться о князѣ и его сподвижникахъ.

Между тѣмъ Святославъ безъ сопротивленія шелъ далѣе и далѣе; миновалъ степи, видѣлъ уже зеленые луга, растилающіеся передъ ложемъ богатаго и сіящаго Дона. Утомленные воины ободрились; но имъ предстоялъ труднѣйшій ратный подвигъ. Ханъ Козарскій для защищенія Бѣлой Вежи, столицы своей, собралъ новое ополченіе. Храбрые, хищные, быстрые на коняхъ, мѣткіе въ стрѣляніи изъ лука, ловкіе въ киданіи аркановъ, неутомимые въ сѣчѣ обитатели горъ кавказскихъ составляли главную его опору. Но Святославъ ударилъ, и сломилъ. Единодушные Русскіе витязи въ яростной, убійственной сѣчѣ крѣпко стояли. Разноплеменное Козарское воинство жестоко сразилось въ первомъ жару своемъ, разсѣялось и Бѣлая Вежа во власти побѣдителей. Русскіе воины въ первый разъ напоили коней изъ тихаго Дона.

Приволжскія песчаныя степи казались хану вѣрнымъ убѣжищемъ; но и тамъ достигъ его мечъ Святослава. Изнеможенный ханъ подалъ Святославу мирную руку, и уступилъ ему всѣ свои владѣнія до береговъ Днѣпровскихъ.

Таковое расширеніе предѣловъ Россіи и пріобрѣтеніе обильнѣйшихъ странъ, при мудромъ и мирномъ правленіи, могли бы тогда же доставить Россіянамъ неоцѣненныя выгоды; но страсть къ военнымъ подвигамъ закрывала ихъ отъ Святослава, и не давала ему времени узнать, въ чемъ состоитъ истинное благо народа. Мечтательный блескъ славы ослѣпилъ и побѣдителя Козаровъ и его сподвижниковъ.

Потомокъ Аспаруха Петръ, царь Болгарскій, не препятствовалъ Венграмъ, со стороны Адріатическаго моря, вторгаться во владѣнія Греческой имперіи. Недальновидный и слабый императоръ Никифоръ Фока, по непріязненнымъ для него обстоятельствамъ, не могъ самъ дѣйствовать противъ Болгаровъ. Онъ получилъ изъ Тавриды свѣденія о побѣдахъ и мужествѣ Святослава; предложилъ ему завоевать Болгарію, какъ собственность Славянъ, и на содержаніе войска съ Калокиромъ, сыномъ намѣстника Тавриды, прислалъ нѣсколько пудовъ золота.

Рыцарская честь, слава бороться съ народомъ, одолѣвшимъ сильныхъ Аваровъ, и искуснымъ въ военномъ дѣлѣ, возбудили въ Святославѣ всю воинскую пылкость, и ревнительность на новые подвиги. Онъ далъ Калокиру княжеское, и священное для всѣхъ Русскихъ, честное слово, исполнить желаніе императора, и оправдать его надежду. Напрасно мать его представляла сыну несправедливость его поступка; напрасно напоминала ему опасность похода чрезъ

земли хищныхъ Печенѣговъ, и доказывала, что Болгары, народъ мирный, и ничѣмъ не оскорбили Россіянъ; обманчивыя внушенія славы заглушали тихія слова справедливости. «Щади, покрайней мѣрѣ, Христіянскіе храмы!» были послѣднія слова Елены. Молва о новомъ походѣ, быстрою волною опять разлилась по всему Кіевскому княжеству.

Святославъ занимался важнѣйшимъ и труднѣйшимъ дѣломъ. Не одна Болгарія съ своимъ обиліемъ и богатствомъ была предметомъ его думы. Хитрый Калокиръ, возбудивъ военный жаръ въ сѣверномъ героѣ, уловилъ его въ свои сѣти. Онъ описывалъ ему слабость и неспособность къ правленію императора Никифора; увеличилъ неудовольствіе его подданныхъ, и со всею греческою хитростію представилъ, какъ легко, послѣ Болгаріи, овладѣть страною, господствующею надъ четырмя морями, и собирающею дань съ трехъ частей свѣта, производя въ нихъ свою торговлю. Притомъ не забылъ сдѣлать намекъ, что Болгарія вѣчно останется за Россіею, если Святославъ, по низложеніи Никифора, возведетъ на престолъ Константинопольскій человѣка достойнаго и совершенно преданнаго ему. Святославъ представлялъ возможность соединить Россіянъ, Грековъ, Болгаровъ въ одинъ народъ, и прогнать Печенѣговъ, какъ хищныхъ варваровъ, въ ихъ за-Уральскія степи. Святославъ повѣрилъ словамъ измѣнника, и не предвидѣлъ послѣдствій.

Безопасность требовала предосторожности. Спокойствіе и обиліе во всемъ царствовали повсюду; общія выгоды разноплеменныхъ Славянъ связывали ихъ братскими узами. Святославъ спокойно оставлялъ своихъ подданныхъ; но не упустилъ изъ вида Козаровъ,

которыхъ втѣснилъ въ ущелія Кавказскихъ горъ, и которые, узнавъ объ его отсутствіи, могли вторгнуться въ прежнія свои владѣнія, и пронести свое гибельное оружіе до Оки и Днѣпра. Чтобы оградить Кіевъ съ этой открытой стороны, онъ поручилъ опытному воеводѣ Претичу охранять Днѣпръ, и наблюдать движенія Козаровъ за Дономъ. Оставивъ Кіевъ подъ охраненіемъ возмужалыхъ уже своихъ сыновей: Ярополка, Олега и Владиміра съ небольшою дружиною, самъ со всѣмъ войскомъ двинулся къ югу.

Уже вдали открылись Бессарабскія степи и разсѣянные аулы Печенѣговъ. Русское воинство шло небольшими отрядами; но не встрѣчало никакого сопротивленія. Самъ Печенѣжскій князь прибылъ къ князю Кіевскому со всѣми знаками дружества; обѣщалъ доставлять все нужное для продовольствія войска; далъ надежныхъ проводниковъ до Дуная, и клятвенно обѣщалъ скрывать отъ Болгаровъ походъ Русскихъ. Святославъ, его воевода Свенельдъ, и хитрый Калокиръ были обольщены преданностію Печенѣжскаго князя.

При такомъ добромъ началѣ воинство Русское, безъ всякихъ препятствій, дошло до Дуная. А здѣсь Святославъ, по совѣту Калокира, раздѣлилъ его на двѣ части. Съ одною расположился самъ отправиться на ладіяхъ, вверхъ по Дунаю до Переславца, а другой приказалъ слѣдовать за собою по правому берегу, и быть готовою ударить на Болгаръ съ стороны неожиданной.

Князь Куря, чтобы замедлить успѣхи Святослава, и воспользоваться его отсутствіемъ, далъ знать Болгарамъ о нашествіи Русскихъ. Мирный царь Петръ, не ожидавшій на себя врага, по скорости, собралъ

тридцать тысячь войска, и расположилъ его по берегу рѣки, для отраженія непріятеля, со стороны Дуная. Крутый берегъ и сдѣланныя на немъ укрѣпленія; храбрость воиновъ, готовыхъ умереть за своего государя и отечество, казались Петру сильными противъ враговъ, ищущихъ одной славы и корысти. Онъ не думалъ о нападеніи съ другой стороны.

Тихая поверхность Дуная не успѣла еще озолотиться отъ восходящаго солнца, какъ Русскія ладіи, движимыя сильнымъ и частымъ дѣйствіемъ веселъ, взволновали ее. Повременный окликъ стражи, стоявшей на городскихъ валахъ, превратился въ отрывистый, безпрерывный крикъ, и жители Переяслава, едва забывшіе во снѣ наступающую опасность, пришли въ смятеніе. Смѣлые спѣшили соединиться съ воинами; робкіе укрывались въ мѣстахъ недоступныхъ.

Ладіи приставали уже къ берегу, и воины выходили на берегъ. Туча коній, стрѣлъ и тяжелыхъ камней, брошенныхъ изъ метательныхъ орудій, разразилась надъ смѣлыми Россіянами, но они покрылись щитами, подвигались впередъ. Рукопашный бой былъ необходимъ для Болгаровъ. Стремительно бросились они на непріятеля; но были приняты имъ съ твердостію. Убійственный безпорядокъ сдѣлался всеобщимъ. Русскіе поражали мечами, острыми съ обѣихъ сторонъ; Болгары, занимая возвышенности, имѣли надъ ними преимущество, тѣснили ихъ назадъ, и побѣда не бросала еще лавроваго вѣнка ни на ту, ни на другую сторону.

«Спасите! спасите!» кричали жители, бѣгущіе изъ городскихъ воротъ. «Тамъ, тамъ еще непріятель!» Въ самомъ дѣлѣ, Калокиръ, съ частію войска, овладѣвъ уже Доростоломъ—Силистріею, приближал-

ся къ Переяславу. Царь Петръ, бывшій душею своихъ сподвижниковъ, боровшихся съ Кіевлянами, и нещадившихъ жизни за своего государя, бросился для защищенія столицы отъ нападенія съ другой стороны. Воинство Болгарское раздѣлилось и ослабѣло; подалось назадъ отъ превосходившей силы, и ввело за собою непріятеля въ городъ. Стягъ великокняжескій распахнулся на стѣнахъ великаго Переслава—Переяслава. Съ другой стороны Петръ хотѣлъ удержать Русскихъ; но не былъ счастливѣе. Войско его отъ сильнаго напора непріятелей поколебалось и разсыпалось. Потомокъ храбраго Куврата — Петръ скрылся, и умеръ отъ горести; сынъ его Борисъ отдался во власть Святослава, и получилъ отъ него разныя царскія украшенія. Этотъ благородный поступокъ князя Русскаго показалъ недовѣрчивымъ Болгарамъ рыцарскую честь ихъ побѣдителя. Спокойствіе, прерванное нашествіемъ враговъ, возстановилось въ Переяславѣ. Болгары изъ другихъ городовъ, Греки, Венгры и злонамѣренные Печенѣги собирались въ столицу Болгаріи. Ширшества, зрѣлища, воинскія и разныя другія потѣхи были непрерывны. Святославъ, видя себя обладателемъ страны богатѣйшей и народа веселаго, утопалъ въ морѣ удовольствій, и впивалъ надежды, подаваемыя ему Калокиромъ.

Въ сладкой безпечности пировалъ Святославъ съ знатнѣйшими изъ своей дружины въ палаткѣ, раскинутой на широкомъ полѣ; въ полномъ разгулѣ хвалились собесѣдники его своими подвигами, или смѣялись надъ трусостію и слабостію побѣжденныхъ; съ громкимъ крикомъ Русскіе, Болгарскіе и Греческіе воины оспоривали другъ у друга побѣду въ

скачкѣ на коняхъ, и въ метаніи копій и стрѣлъ. Въ это разгульное время гонецъ въ пыли и кровавомъ потѣ вбѣжалъ въ шатеръ велико-княжескій, и вскричалъ: «князь! спѣши спасти свою родину! Кіевъ, твои дѣти и престарѣлая мать твоя скоро будутъ во власти лютыхъ враговъ!». Святославъ бросилъ на полъ чашу съ греческимъ виномъ; и, ударивъ по мечу, вскричалъ съ яростію: «мщеніе врагу! мщеніе!» загремѣли воеводы. «Походъ! походъ!» раздалось въ Русскомъ войскѣ.

Куря, князь Печенѣжскій, преданностію своею умѣлъ обмануть Святослава, занятаго одною славою, прозорливаго и недовѣрчиваго Свенельда, и перехитрилъ хитраго Эллина Калокира. Мирно пропустилъ онъ Русское войско, раздѣленное на мелкіе отряды, чрезъ мѣста, занятыя печенѣжскими многолюдными аулами, и, узнавъ, что въ Кіевѣ осталась небольшая дружина, подъ начальствомъ неопытныхъ князей, почелъ лучшимъ для себя временемъ разграбить Кіевъ, овладѣть всѣмъ княжескимъ семействомъ, и тѣмъ смирить предъ собою гордаго Святослава. Губительною саранчею налетѣлъ онъ съ Печенѣгами на плодородныя страны Днѣпровскія, и обложилъ Кіевъ. При такомъ неожиданномъ нападеніи не было взято никакихъ предосторожностей. Съѣстные припасы исчезли; немногіе колодези изчерпались, а на Днѣпръ и Лыбедь за водою выѣхать было невозможно. Голодъ и жажда дали сильно почувствовать себя и въ княжескомъ теремѣ. Ольга, страдая мученіями народа, призвала къ себѣ внуковъ и бояръ Кіевскихъ, и предложила имъ, отворить на другой день ворота, и отдать себя на волю враговъ, чтобы только сохранить жизнь безпомощныхъ гражданъ. Какъ ни же-

стоко было предложеніе; но всѣ, изъ любви къ княгинѣ-матери, согласились на него съ самоотверженіемъ.

Печенѣгъ, служившій въ дружинѣ молодыхъ князей, и приверженный къ нимъ, зная вѣроломство своихъ соотечественниковъ, переговоривъ о чемъ-то съ князьями, рѣшился спасти Кіевъ, избавить отъ безчестія великую княгиню, и сохранить отъ разграбленія имущество Кіевлянъ.

Насталъ темный осенній вечеръ. Трепещущій огонёкъ теплился на восковой свѣчѣ предъ Распятіемъ; освѣщалъ и оттѣнялъ какое-то небесное видѣніе. Ольга стояла на колѣнахъ и молилась, и тихая, никѣмъ неслышимая молитва ея громко раздавалась въ небѣ.

Въ это время кто-то, не поруски одѣтый, спустился съ городскаго палисада въ ровъ, взошелъ на валъ и сошелъ съ него. «Гдѣ моя лошадь?», слышно было на Печенѣжскомъ языкѣ. «А кто ее знаетъ—наши здѣсь,» отвѣчали Печенѣги. «Она не паслася, и вѣрно побѣжала къ рѣкѣ.» «Ну, такъ ищи ее тамъ!» Неизвѣстный, гремя уздою, бѣжалъ къ подолу; сбросилъ съ себя печенѣжское платье, и ринулся въ Днѣпръ. Плескъ воды открылъ обманъ. Копья и стрѣлы пустились за плывущимъ. Но они только падали въ воду.

Великодушный незнакомецъ—къ сожалѣнію, исторія не сохранила его имени—отдохнувъ на пескѣ, побѣжалъ въ лѣсъ, за которымъ, съ небольшимъ отрядомъ, стоялъ Претичъ. «Завтра Ольга, великая княгиня Россійская въ цѣпяхъ у варваровъ!» вскричалъ онъ, вбѣжавъ въ шатеръ воеводы. «Ты сытъ, воевода, а тамъ княгиня томится отъ голода; тамъ мла-

дѣцы сосутъ изсохшую грудь матери, и погибаютъ отъ пылающей въ нихъ жажды!» Претичь былъ пораженъ какъ громомъ. Онъ не ожидалъ грозы съ юга. Всадники поскакали въ разныя стороны, и, при мерцаніи утренней зари, отсвѣчивались копья отрядовъ войскъ, которые, по приказу Претича, шли къ Днѣпровскому берегу, и со всякою тишиною становились противъ Кіева. Обезпеченные Печенѣги спали около давно потухшихъ огней, какъ убитые. Вдругъ трубный звукъ раздался за Днѣпромъ. «Святославъ! Святославъ!» кричали въ городѣ. Печенѣги вскочили съ мѣстъ, встревожились. Самъ Куря, въ испугѣ, не зналъ, что дѣлать. Между тѣмъ ладіи и паромы нагружались вооруженными воинами; трубный звукъ грозно раздавался уже въ горахъ праваго Днѣпровскаго берега. «Святославъ! къ оружію!» разнеслось въ безпорядочныхъ толпахъ печенѣжскихъ, и Куря приказалъ всему полчищу отступить на поле за Лыбедь. Печенѣги отъ Лыбеди потянулись къ своимъ улусамъ, встрѣтились со Святославомъ, спѣшившимъ на помощь Кіеву, и были имъ разбиты. Куря поклялся отмстить побѣдителю.

Ольга, обремененная лѣтами, и пораженная бѣдствіемъ Кіевлянъ, лежала на одрѣ болѣзненномъ. Святославъ, гордый побѣдитель трехъ народовъ, съ чувствомъ сыновней обязанности, сталъ предъ нею со всею покорностію. «Ты ищешь чужаго, а теряешь свое,» сказала Ольга слабымъ голосомъ. «Я уже отмстилъ нарушителямъ твоего покоя,» отвѣчалъ Святославъ. «Печенѣги обманули тебя, обманутъ и Греки.» «Я овладѣлъ Болгаріею, въ родственномъ союзѣ съ Венгріею, и Греки въ моихъ рукахъ. Раздѣлю Россію между сыновьями; перенесу столицу

на Дунай, и прославлю имя Руссовъ.» «Горе тебѣ, горе твоимъ дѣтямъ, горе мирнымъ нашимъ подданнымъ,» пророчески сказала святая. «Чтобы не видѣть мнѣ твоихъ дѣлъ, закрой прежде глаза мои гробовою доскою!» Въ самомъ дѣлѣ черезъ четыре дня праведная не слышала уже суетныхъ и пагубныхъ намѣреній Святослава. Она переселилась на небо (969).

Святославъ былъ тронутъ послѣдними словами матери; но Калокиръ совѣтами своими умѣлъ успокоить его. Отдавъ послѣдній долгъ усопшей, по обряду Хрістіянской церкви, какъ завѣщала праведница, Святославъ призвалъ къ себѣ сыновей, воеводъ и знатнѣйшихъ бояръ. «Любезные дѣти, и вы вѣрные мои сподвижники! Не напрасно мы боролись на берегахъ Дуная, не напрасно завоевали плодородную Болгарію. Честь и слава Русскаго народа требуютъ удержать за собою пріобрѣтенное мечемъ. Я избралъ Переяславъ своею столицею. Венгерскій король Гейза, отецъ моей княгини Предславы, матери Ярополку и Олегу, откроетъ свои сокровища; не откажетъ въ помощи, и слабые Греки въ моей власти. Но, чтобы не оставить сѣверной Россіи безъ верховной власти, Ярополку, какъ старшему сыну, поручаю въ полное управленіе Кіевъ со всѣми областями; Олегу, землю Древлянскую, а Владиміру, какъ сыну Новгородской гражданки, — Новгородъ. Добрыня, дядя его, будетъ ему совѣтникомъ.» Всѣ были довольны.

Святославъ съ воинствомъ двинулся въ походъ. Печенѣги, боясь раздраженнаго князя, оставили свои улусы. Открылись высокіе берега Дуная; открылся во всей красотѣ Переяславъ; но на стѣнахъ его не было княжескаго стяга. Отворились вороты,

и вмѣсто мирныхъ жителей, съ радушнымъ привѣтомъ, высыпали воины, и Святославъ не дрогнулъ. «Впередъ друзья!» закричалъ онъ, и началась страшная сѣча.

Въ то время, какъ побѣдитель Козаровъ, Болгаровъ, Печенѣговъ и обладатель сѣвера, не предвидя ничего, почиталъ себя властелиномъ всего извѣстнаго тогда міра, и раздѣломъ Россіи предавалъ ее судьбѣ непредвидимой; тогда въ Греціи открылся замыселъ Калокира и намѣреніе Русскаго князя. Никифоръ Фока раскаялся и самъ былъ уже готовъ вооружиться противъ Святослава; но былъ свержень съ престола. Мѣсто его заступилъ храбрый, хитрый, дальновидный полководецъ его Іоаннъ Цимисхій. Новый императоръ видѣлъ еще прежде, какой опасности Никифоръ подвергалъ Грецію сосѣдствомъ съ народомъ воинственнымъ, и бывшимъ въ тѣсномъ союзѣ съ Венграми. Онъ представилъ Болгарамъ-Христіанамъ стыдъ и непростительный грѣхъ признать надъ собою и надъ святою церковію власть идолопоклонника. Къ довершенію всего прислалъ въ Переяславъ часть своего войска. Болгары вооружились.

Сѣча подъ Переславомъ была лютая. Одни за свободу, другіе за месть рубились безъ всякой пощады. Русскіе утомились, и подались назадъ. «Стыдъ!» закричалъ Святославъ «Русскіе бѣгутъ! убитые витязи! посмотрите на станъ вашихъ братьевъ! встаньте! я одинъ съ вами одержу побѣду; а вы робкіе! у васъ есть еще ноги—бѣгите!» и бросился впередъ. Святославъ одолѣлъ; распахнулъ свой стягъ надъ дворцемъ Аспаруховъ, и Болгары опять подъ его властію.

Вѣсть о новыхъ успѣхахъ и о храбрости Русскихъ

переселась въ Константинополь. Хитрый Цимисхій обдумалъ всё, и расположился побѣдить непріятеля миролюбіемъ, искусствомъ и силою. Онъ отправилъ къ Святославу своихъ сановниковъ съ подарками и съ предложеніемъ возобновить Олеговъ договоръ; но съ условіемъ: выступить изъ Болгаріи. Святославъ обошелся съ посланниками гордо; не принялъ даровъ; сказалъ, что онъ не выступитъ изъ Болгаріи, и самъ для переговоровъ будетъ въ Греческой столицѣ. Гордость Русскаго князя не удивила хладнокровнаго и прозорливаго Цимисхія. Чтобы раздражить еще больше пылкаго и гордаго Святослава, онъ лишилъ Бориса царскихъ украшеній, данныхъ ему идолопоклонникомъ, и объявилъ Болгарію провинціею Греческой имперіи.

Калокиръ, надѣясь воспользоваться замѣшательствами въ Греціи, убѣдилъ Святослава спѣшить къ Константинополю, и объявивъ Цимисхія убійцею Никифора и похитителемъ престола, склонить Грековъ на свою сторону. Гордый Русскій князь почиталъ уже себя обиженнымъ; собралъ войско и объявилъ ему свое негодованіе. «Друзья! Русское знамя блещется на стѣнахъ Переяслава. Грекъ Цимисхій отнимаетъ у насъ Болгарію. Олегъ повѣсилъ свой щитъ на стѣнѣ Царяграда. Почему намъ не распустить княжескаго стяга надъ дворцемъ императорскимъ?» «Раскинемъ его на копьѣ! веди насъ всюду!» было шумнымъ отвѣтомъ. Калокиръ торжествовалъ, и, какъ знавшій удобнѣйшія пути чрезъ Балканъ, повелъ передовое войско. Святославъ слѣдовалъ за нимъ.

На поляхъ, орошаемыхъ быстрою Марицею, въ виду Адріанополя; византійскій полководецъ, съ фалангою

изъ Грековъ встрѣтилъ Русскихъ. Но Греки увидѣли, что ихъ окружаютъ почти со всѣхъ сторонъ, отступили и заперлись въ Адріанополѣ. Святославъ почиталъ уже себя побѣдителемъ, и приказалъ раскидывать шатры подъ тѣнію городскихъ садовъ. Онъ ожидалъ покорности отъ Цимисхія. Цимисхій готовился унизить гордаго. Россіяне и ихъ союзники, по обыкновенію, разсѣялись по беззащитнымъ окрестностямъ для добычи; Греки собирались въ Адріанополѣ, чтобы защитить свою собственность. Наконецъ Варда (полк. Визант.) улучилъ случай, и, соединясь съ братомъ своимъ Константиномъ Патрикіемъ, напалъ на безпечныхъ Россіянъ. Святославъ, не смотря на превосходство силъ непріятеля, сразился, но послѣ упорной битвы, потерявъ храбрѣйшихъ, принужденъ былъ отступить отъ Адріанополя.

Не стыдъ, не отчаятіе, но месть были въ сердцѣ побѣжденнаго. Онъ грозилъ собрать всѣ силы своего государства, и выгнать Грековъ изъ Европы. Поручивъ Царю Борису и Калокиру защищать Переяславъ; самъ укрѣпился въ Доростолѣ, и поклялся не уступить Болгаріи до послѣдней крайности. Іоаннъ Цимисхій, съ своей стороны, далъ Грекамъ слово вытѣснить Русскихъ, чего бы то ни стоило. Онъ зналъ упорство князя; былъ свидѣтелемъ его отчаянной храбрости, и предвидѣлъ опасность для имперіи, если Святославъ получитъ подкрѣпленіе. Чтобы пресѣчь ему всякое сношеніе съ Кіевомъ, Дунаемъ, Чернымъ моремъ и Днѣпромъ, онъ приказалъ флоту съ огненнымъ снарядомъ запереть устье Дуная, а самъ пошелъ сухимъ путемъ къ Переяславу. Онъ узналъ отъ перемѣтчиковъ, что въ этой столицѣ Болгаріи остался Борисъ, котораго лишилъ онъ царскаго

достоинства, и измѣнникъ Калокиръ, главный виновникъ войны Русскихъ съ Греками.

Русскій князь сказалъ слово: *защищать города!* и его было довольно для Русскихъ. Цимисхій, обложивъ Переяславъ, требовалъ, чтобы защитники его сдались добровольно; но они встрѣтили Грековъ въ предмѣстіяхъ города; сразились съ обыкновенною имъ храбростію; уступили превозмогавшимъ силамъ, и заперлись въ царскомъ дворцѣ. Калокиръ, подъ предлогомъ увѣдомить Святослава объ осадѣ, бѣжалъ изъ Переяслава. Царь Борисъ съ знатнѣйшими Болгарами взятъ въ плѣнъ, и обласканъ хитрымъ императоромъ. Русскіе остались на произволъ судьбы. Цимисхій дружелюбно предложилъ имъ сдаться. «Намъ не велѣно,» было отвѣтомъ. Твердость и вѣрность въ исполненіи воли государя, тронули императора; но рѣшительное дѣло требовало крайности. Онъ приказалъ бросить снаряды неугасимаго огня, и дворецъ запылалъ со всѣхъ сторонъ. Ни одинъ Русской не выбѣжалъ для спасенія, и Греки не слышали вопля отъ погибавшихъ въ пламени.

Устье Дуная было заперто флотомъ; мелкія Греческія суда, съ страшнымъ для Русскихъ огнемъ, усѣяли весь противоположный берегъ рѣки. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ оказался въ станѣ Святослава; но князь не унывалъ, и не смотря на утомленное голодомъ войско, рѣшился встрѣтить Цимисхія: побѣдить его, или умереть со славою. Всѣ воины поклялись не уступить въ славѣ погибшимъ въ Переяславѣ.

Два воинства сближались. Греки ободряемы были искусствомъ военачальника; Русскіе—самоотверженіемъ, Императоръ отдалъ приказъ воинамъ, искать

гордаго князя, и поразить его. Началась кровопролитнѣйшая битва. Святославъ былъ вездѣ; ободрялъ своихъ сподвижниковъ, и самъ рубилъ непріятелей; но въ сильной свалкѣ былъ жестоко пораженъ булавою по головѣ, и упалъ съ коня. Русскіе отступили, и заперлись въ Доростолѣ. Быть безъ всякаго дѣйствія, и умирать отъ голода мучительнѣе всякой смерти. Гордый сѣверный рыцарь смирился, и предложилъ миръ врагу. Цимисхій принялъ предложеніе съ радостію. Олеговъ договоръ подтвержденъ съ условіемъ, чтобы Русскимъ не только не возставать противъ Грековъ; но и непріятелей ихъ почитать своими собственными. Говорятъ, что вся вражда кончилась свиданіемъ обоихъ ратоборцевъ, и что Святославъ приплылъ на лодкѣ, которою управлялъ самъ, а императоръ встрѣтилъ его на конѣ, окруженный тѣлохранителями въ латахъ, насѣченныхъ золотомъ; что они имѣли разговоръ: одинъ, сидя на кормѣ ладьи, а другой на конѣ, богато убранномъ.

Получивъ отъ императора всё нужное для обратнаго пути, Святославъ спустился въ низъ по Дунаю, и благополучно, держась береговъ Чернаго моря, вошелъ въ Днѣпровскій лиманъ. Полководецъ Свенельдъ совѣтовалъ ему оставить ладіи, и идти въ Россію сухимъ путемъ. Святославъ не согласился, опасаясь, можетъ быть, съ малою дружиною проходить улусами Печенѣговъ, которые твердо помнили свое пораженіе. Онъ рѣшился Днѣпромъ подняться до самаго Кіева; но наступила холодная осень; ледъ показался на рѣкѣ; быстрота воды въ порогахъ увеличилась, и дальнѣйшее плаваніе сдѣлалось невозможнымъ. Надобно было остановиться, и провести зиму при Днѣпровскихъ порогахъ.

Были ли Печенѣги побуждены Цимисхіемъ, или увѣдомлены Болгарами, что Святославъ возвращается съ малымъ числомъ войска, но съ большими сокровищами; или Куря, поклявшійся отмстить Русскому князю, наблюдалъ его?—не извѣстно, а говорятъ только, что Печенѣги окружили Святослава; что онъ былъ изрубленъ, и что одинъ Свенельдъ спасся съ немногими, и принесъ печальную вѣсть въ Кіевъ.

Непонятно, какъ Ярополкъ, знавшій, безъ сомнѣнія, объ опасности своего отца, не подалъ ему никакой помощи?

ЯРОПОЛКЪ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.

972—980.

ОЛЕГЪ,

КНЯЗЬ ДРЕВЛЯНСКІЙ.

972—977.

ВЛАДИМІРЪ,

КНЯЗЬ НОВГОРОДСКІЙ.

972—980.

Обиліе во всемъ, и братское согласіе были повсемѣстны въ Россіи, когда великій князь Святославъ оставилъ ее и прельстился красотою страны чуждой. Россія тосковала; но утѣшилась, когда вмѣсто одного, три князя обратили на нее вниманіе. Кіевляне хвалились добродушіемъ князя своего Ярополка; Древляне превозносили Олега за его любовь къ охотѣ и смѣлость при нападеніи на звѣрей; Новгородцы не уступали имъ, и спорили, что ихъ князь Владиміръ превосходитъ ихъ князей и добродушіемъ и смѣлостію. Такъ спорили Кіевляне, Древляне и Новгородцы на торговыхъ съѣздахъ, и мирные братья отъ одной матери Россіи — не рѣдко разставались съ недружелюбіемъ.

6й.

ЯРОПОЛКЪ 1й

В. К. Кіевскій

Т. I. Стр. 69.

Любовь къ государямъ есть основа любви общественной, она соединяетъ всѣ сословія общими выгодами; но и отчуждаетъ отъ тѣхъ, которые повинуются другой верховной волѣ. Послѣднее произошло въ Россіи послѣ ея раздѣленія, и по кончинѣ Святослава. Свенельдъ вооружилъ мирнаго Ярополка противъ Олега, и Кіевляне раздружились съ Древлянами. Владиміръ ненавидѣлъ Ярополка, и Новгородцы охолодѣли къ Кіевлянамъ. Таково было слѣдствіе перваго раздѣленія Россіи.

Лютъ, сынъ Свенельда, не раздѣлявшій, какъ видно, трудовъ своего отца, во время его походовъ, жилъ, какъ сынъ богатаго боярина, въ Кіевѣ, и любилъ одну охоту. Не довольствуясь лѣсами Кіевской области, онъ съ ловчими заѣхалъ въ землю Древлянскую, и въ заповѣдной лѣсъ, въ которомъ охотился одинъ только князь Олегъ. Лѣсничіе, оберегавшіе княжескій звѣринецъ, говорили ему, что никто постороній, изъ другаго княжества, не можетъ бить звѣрей въ лѣсахъ Древлянскихъ; но гордый Лютъ отвѣчалъ имъ съ презрѣніемъ, что вся земля Русская принадлежитъ в. князю Ярополку. Лѣсничіе—Древляне, оскорбленные неуваженіемъ къ ихъ князю, гордостію и наглостію Кіевлянъ, заставили собою дорогу въ звѣринецъ, и употребили силу. Началась драка. Лютъ съ своими ловчими, былъ слабъ противъ тѣхъ, которые привыкли побѣждать медвѣдей и другихъ сильныхъ звѣрей, въ рукопашномъ бою. Древляне одолѣли, и Лютъ израненный, и избитый, полумертвый былъ спасенъ его ловчими. Онъ разсказалъ отцу своему, что, проѣзжая мимо Древлянскаго лѣса, встрѣтился съ Олегомъ, который, узнавъ, что онъ сынъ Свенельда, первый поразилъ

его бердышемъ, и грозился не только истребить весь домъ ихъ, но и свергнуть Ярополка съ великокняжескаго престола.

Въ Полоцкѣ, гдѣ тихая Двина напоитъ берега и цвѣтущія поля, жила Рогнеда, дочь Полоцкаго князя Рогвольда. Болтливая молва разнеслась повсюду о красотѣ княжны Полоцкой, и ея говоръ слышанъ былъ и въ Кіевѣ и въ Новгородѣ. Ярополкъ искалъ себѣ подругу добрую, нѣжную. Пылкій и любострастный Владиміръ хотѣлъ имѣть красавицу. Оба предложили Рогвольду желаніе имѣть за собою Рогнеду. Княжна Полоцкая, гордая, какъ Нордманка, зная происхожденіе, а больше правъ обоихъ князей, объявила согласіе быть женою Ярополка, а посланнымъ отъ Владиміра отвѣчала: «не хочу повиноваться сыну рабыни Малуши.» Несчастная не предвидѣла ужасныхъ послѣдствій для себя, для своего отца, братьевъ и для всего Полоцка. Владиміръ обидѣлся, услышавъ отвѣтъ гордой Рогнеды; онъ сказалъ яростнымъ голосомъ: «волею, или неволею будешь моею, Рогнеда и почувствуешь на себѣ крѣпкую руку Владиміра!»

Престарѣлый Свенельдъ забылъ милости великаго князя Святослава, чувствовалъ только скорбь осиротѣвшаго отца, и помнилъ послѣднія слова умиравшаго сына. Блудъ, другъ его, коварный и властолюбивый любимецъ Ярополка, условился съ нимъ воспользоваться смертію Люта, какъ удобнѣйшимъ, единственнымъ случаемъ овладѣть княжествомъ Древлянскимъ, и, изгнавъ Владиміра изъ Новгорода, возстановить единодержавіе, а самимъ, по добротѣ великаго князь, управлять Россіею. Убѣдительныя внушенія и доказательства ихъ на умыселъ Олега:

овладѣть Кіевомъ, побѣдили добрыя и миролюбивыя наклонности Ярополка. Онъ не внималъ добрымъ и спасительнымъ совѣтамъ своей матери: не поднимать меча на единоутробнаго брата; но за убіеніе знатнаго Кіевлянина въ землѣ Древлянской, объявилъ князю ея войну. Олегъ оправдывался, что не имѣлъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ, и убѣждалъ неразрывать союза по случаю, который не нарушалъ общественнаго спокойствія и не охлаждалъ любви между братьями. Мстительный Свенельдъ и властолюбивый Блудъ, погасили послѣднюю искру братской любви; братъ возсталъ на брата. Ярополкъ выступилъ противъ Олега съ войскомъ.

Олегъ, не думавшій имѣть себѣ врага въ родномъ братѣ, съ малою дружиною встрѣтилъ его недалеко отъ Овруча, не для битвы, а для мирныхъ переговоровъ. Мстительный Свенельдъ яростно ударилъ на неосторожныхъ. Древляне смѣшались; побѣжали въ безпорядкѣ, и увлекли съ собою князя. Преслѣдуемые Кіевлянами, они стѣснились на деревянномъ мосту, и обломили его. Несчастный Олегъ обрушился съ своимъ конемъ; за нимъ повалились всѣ, и подавили его своею тяжестію. Свенельдъ торжествовалъ. Ярополкъ съ горестнымъ чувствомъ вступилъ въ Овручъ, не при радостныхъ и привѣтливыхъ крикахъ народа, но ѣхалъ по опустѣлымъ улицамъ къ терему княжескому, и не встрѣчалъ никакого сопротивленія. Два сына Олеговы были въ своихъ удѣлахъ: Судиславъ во Псковѣ, Позвиздъ въ Берестовѣ, а жители Овруча или разбѣжались, или скрылись въ домахъ.

Унылый звукъ трубъ раздался по главной улицѣ Овруча, и далъ знать о печальномъ шествіи. Древ-

лянскіе воины несли на щитахъ своего князя, погибшаго несчастнымъ образомъ, и положили его передъ Ярополкомъ, сидѣвшимъ съ растерзаннымъ сердцемъ на дворѣ княжескомъ. Ярополкъ любилъ Олега, онъ наклонился надъ обезображеннымъ тѣломъ брата, зарыдалъ, и слезы его полились на раздавленное и окровавленное лице брата. «Вотъ твоя жертва!» сказалъ онъ Свенельду—«князь погибъ за Кіевлянина!» «Кровь за кровь!» отвѣчалъ безчувственный старикъ. Добрый и пораженный участію князь, и, какъ бы предчувствуя свою погибель, Ярополкъ не могъ быть при погребеніи Олега, и въ мрачной думѣ возвратился въ Кіевъ; мать встрѣтила его съ горькими слезами; онъ заперся въ своей храминѣ; предался мучительному воспоминанію; но хитрый и сладкорѣчивый Блудъ утѣшилъ его лестною властію надъ всею Россіею. Свенельдъ заставилъ Древлянъ покориться великому князю Кіевскому, и платить ему дань.

Надежды двухъ зломыслящихъ вельможъ Блуда и Свенельда, вполовину исполнились. Оставалась одна Новгородская область независимою отъ Кіева. Тамъ княжилъ Владиміръ, котораго изгнать, казалось имъ, весьма не трудно. Единодержавіе спасительно; но мѣры честолюбцевъ пагубны. Они убѣдили Ярополка послать въ Новгородъ повелѣніе, чтобы Новгородцы отказались отъ своего князя, какъ рожденнаго отъ Ольгиной ключницы, и признали бы надъ собою власть великаго князя Кіевскаго. Въ противномъ случаѣ войска всей южной Россіи явятся предъ Новгородомъ и Владиміра постигнетъ Олегова участь.

Новгородцы, покойные подъ рукою любимаго ими князя, поколебались. Добрыня, братъ Малуши матери Владиміра, узнавъ опасность со стороны Кіева и

расположеніе Новгородцевъ, совѣтовалъ ему на время удалиться за море. Варяги не измѣнили Владиміру, и онъ съ дружиною ихъ оставилъ Новгородъ, и поспѣшилъ увидѣть отечество предка своего Рюрика.

Ярополкъ сдѣлался единодержавнымъ, и послалъ Блуда намѣстникомъ для управленія Новгородскою областію. Новгородцы смирились предъ Ярополкомъ. Два года великій князь Кіевскій покоился на ложѣ тишины. Владиміръ не дремалъ, и не забывалъ оскорбленія и потери. Мужественный видъ и крѣпость тѣла заставили Варяговъ признать его вождемъ своимъ, и помогать ему въ войнѣ противъ Ярополка. Съ такою преданною дружиною Владиміръ приближался къ Новгороду; Блудъ, зная нравъ князя, и не видя расположенія къ себѣ Новгородцевъ, бѣжалъ. Добрыня, съ почтеннѣйшими гражданами, съ радостію встрѣтилъ возвращающагося съ чужбины князя. Тишина должна была возстановиться въ Россіи, по слова: *сынъ гражданки Новгородской, сынъ рабыни* уязвляли сердце Владиміра, а властолюбіе Ярополка не давало ему покоя. Онъ рѣшился жестоко отмстить гордой Рогнедѣ и жениху ея князю Кіевскому.

Однажды престарѣлый Рогволодъ, сподвижникъ Святослава въ войнѣ съ Козарами, и отецъ своихъ подданныхъ, сидѣлъ у окна, обращеннаго къ западу, и въ задумчивости сравнивалъ себя съ охладѣвшимъ и закатывавшимся за лѣсъ, свѣтиломъ. Два сына его, служившіе примѣромъ юношеству, возвратились съ охоты съ добычею, и приказывали слугамъ сдѣлать изъ нее приготовленіе къ столу. Рогнеда, обреченная невѣста Ярополка, образецъ ума и красоты, занималась рукодѣліемъ, и готовила какой-то подарокъ же-

ниху своему. Вдругъ поднялась страшная пыль, на дорогѣ къ востоку, вотъ уже засвѣтились и бердыши отъ лучей солнечныхъ. Мирный Рогвольдъ не ожидалъ ничьего нашествія, онъ не имѣлъ враговъ, но смутился.

Владиміръ приказалъ Варягамъ, подъ начальствомъ другаго воеводы, идти по дорогѣ къ Кіеву, а самъ съ Добрынею, ведя Новгородцевъ, пошелъ къ Полоцку, и горѣлъ отъ нетерпѣнія отмстить невинной Рогнедѣ самымъ лютымъ образомъ.

«Вольница новгородская и съ своимъ княземъ!» кричали жители Полоцка, бѣгавшіе по улицамъ въ смятеніи. Рогвольдъ не зналъ, что дѣлать. Онъ узналъ причину нечаяннаго нападенія Владиміра. Рукодѣліе выпало изъ рукъ Рогнеды. Она поблѣднѣла, затрепетала и упала. Ея братья хотѣли остановить бѣгущихъ; собрать дружину, и встрѣтить непріятеля; но напрасно. Окруженный Полоцкъ запылалъ со всѣхъ сторонъ, и новгородская вольница, съ обнаженными мечами и тяжелыми бердышами, скакала по всѣмъ улицамъ. Рогвольдъ, два его сына были схвачены жестокимъ Добрынею, и изрублены передъ глазами полумертвой и безчувственной уже Рогнеды. Объявивъ себя княземъ Полоцкимъ, Владиміръ поспѣшилъ къ Варяжскому войску, которое вступало въ землю Сѣверянъ, и послалъ къ Ярополку, чтобы онъ приготовился дать отчетъ въ умерщвленіи Олега, въ своевольномъ присвоеніи верховной власти надъ всею Россіею, и утвердить право свое оружіемъ.

Ярополкъ оробѣлъ, оробѣли и Кіевляне. Они знали, что Варяги, искусные въ военномъ дѣлѣ, превозмогутъ ихъ на полѣ брани, а Новгородская вольница покажетъ всѣ свое неистовство въ стѣнахъ Кі-

евскихъ. Одинъ только Блудъ оставался спокоенъ. Для низкой души его было всё равно служить Ярополку, или Владиміру, онъ умыслилъ предать князю Новгородскому своего князя и благодѣтеля. Вѣрный Ярополку, но мало уважаемый отрокъ Варяжко, зналъ коварство и измѣну Блуда; совѣтовалъ Ярополку удалиться изъ Кіева къ Печенѣгамъ; составить изъ нихъ и вѣрныхъ Кіевлянъ войско, и сразиться съ Владиміромъ. Блудъ представилъ послѣдствія совѣтовъ Варяжка въ ужасномъ видѣ; убѣдилъ слабаго князя укрѣпиться въ городѣ, и держаться въ немъ, пока не примирится Владиміръ. Спасительное предостереженіе вѣрнаго раба осталось безъ вниманія. Предатель близокъ былъ къ своей цѣли. Владиміръ, увѣренный въ своемъ успѣхѣ, обложилъ городъ. Блудъ представилъ Ярополку невозможность удержаться въ Кіевѣ, и совѣтовалъ съ преданною дружиною удалиться въ городъ Родню. Побѣдитель вступилъ въ Кіевъ, и расположился на Берестовѣ, въ теремѣ Святослава. Сильный отрядъ войска окружилъ городъ Родню.

Блудъ связалъ уже сѣти для своего государя, онъ давалъ знать Владиміру обо всемъ, и всё дѣлалось по его желанію. Томительный голодъ и нестерпимая жажда убивали и воиновъ и гражданъ. *Быда аки въ Родни*! долго говорили Русскіе во время неурожая хлѣба. «Не иди, князь, къ брату своему въ Кіевъ!» говорилъ вѣрный слуга Варяжко, когда Ярополкъ, по совѣту предателя Блуда, не внимая рыданіямъ своей супруги, готовившей уже наслѣдника великокняжескому Кіевскому престолу, собирался ѣхать къ Владиміру. «Тамъ наше спасеніе!» сказалъ грозно Блудъ, и указалъ вѣрноподданному на свои

мечъ. Варяжко замолчалъ передъ сильнымъ вельможею.

Звукъ трубъ далъ знать о прибытіи великаго князя Кіевскаго на Берестовъ. Владиміръ, окруженный Варягами, державшими въ рукахъ длинныя копья, сидѣлъ на высокой скамьѣ въ той самой храминѣ, въ которой Святославъ принималъ измѣнника Калокира. Два Варяга, исполины ростомъ, вооруженные съ ногъ до головы, съ обнаженными мечами стояли по обѣ стороны дверп. Предатель Блудъ отворилъ и затворилъ ее съ поспѣшностію, чтобы никто не вошелъ въ нее. Ярополкъ ступилъ за порогъ, и сильные Варяги подняли его на мечи. Блудъ подошелъ къ Владиміру, и поздравилъ его съ совершенною побѣдою. Владиміръ, при всей своей жестокости, видя передъ собою умирающаго брата, отворотился отъ предателя.

Г.

ВЛАДИМІРЪ I" Во Свя. Крещеній Василій

Вл. Кн. Кіевскій.

Ч. I. Стр: 71.

ВЛАДИМІРЪ

(Василій),

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.

980 — 1015

35.

Рукою, обагренною въ крови добраго Рогвольда, невинныхъ сыновъ его и роднаго своего брата, осквернennою похищеніемъ Рогнеды и гречанки, жены Ярополковой, Владиміръ-идолопоклонникъ возложилъ на себя вѣнецъ велико-княжескій; но онъ скоро омылся въ водѣ всеочищающей, спасительной.

Пагубный раздѣлъ Россіи, ненависть и междоусобная война между братьями были для Мечеслава, короля Польскаго, лучшимъ временемъ возвратить Червенскіе города, завоеванные Олегомъ, но не вошедшіе еще въ крѣпкій составъ Россіи. Владиміръ, сдѣлавшись обладателемъ многихъ народовъ, не могъ терпѣть этой потери. Съ великою ратію наступилъ онъ на Волынь; покорилъ ее; простеръ оружіе свое до горъ Карпатскихъ, и богатая Галиція признала власть его надъ собою. Счастливый въ побѣдахъ и

надъ другими народами, Владиміръ славно началъ свое царствованіе. Воспитанный въ идолопоклонствѣ, онъ поставилъ богатый кумиръ Перуна, и хотѣлъ принести ему въ жертву двухъ Христіанъ: Ѳеодора и сына его Іоанна. Презрѣніе ихъ къ идоламъ, и христіянская трердость въ мученическомъ страданіи поколебали Владиміра въ его поклоненіи; но бунтъ и усмиреніе Радимичей, война съ Камскими Болгарами заняли его, какъ славолюбиваго воителя. Заключивъ выгодный миръ съ послѣдними, Владиміръ возвратился въ Кіевъ успокоиться отъ военныхъ трудовъ, и усладиться пріятностями жизни

Рогнеда, лишившаяся нѣжности своего супруга, оплакивала отца, братьевъ; съ тоскою вспоминала объ Ярополкѣ, кроткомъ женихѣ своемъ, и, за всегдашнія слезы и горесть названа *Гореславою*. Владиміръ удалилъ ее отъ себя, и она съ сыномъ своимъ Изяславомъ жила въ уединеніи, въ особенномъ теремѣ, построенномъ на рѣкѣ Лыбеди. Въ одинъ жаркій день Владиміръ, утомясь на звѣриной ловлѣ, заѣхалъ въ теремъ Рогнеды. Усталость заставила его отдохнуть и забыться въ крѣпкомъ снѣ. Оскорбленная Рогнеда давно ожидала случая отмстить убійцѣ ея родныхъ. Она изострила ножъ, и уже готова была поразить грудь невѣрнаго; но какъ говорятъ—сильный ударъ грома разбудилъ спавшаго Владиміра. Онъ затрепеталъ, взглянувъ на разъяренную жену, и удержалъ руку, поднятую на его пораженіе. Не внимая справедливымъ жалобамъ и укоризнамъ Рогнеды, Владиміръ приказалъ ей одѣться въ лучшее платье, и ожидать смерти отъ руки его. Отчаянная Рогнеда твердо исполнила волю повелителя своего. Сынъ ея, юный Изяславъ, взялъ мечъ, которымъ

учился уже дѣйствовать, и сталъ подлѣ своей матери. Крѣпкіе и скорые шаги яростнаго судіи слышны были издалека. «Не робѣй, Изяславъ! ты внукъ храбраго Рогвольда, и сынъ великаго князя!» сказала спокойно Рогнеда.

Съ пылающими отъ гнѣва глазами, Владиміръ вбѣжалъ къ Рогнедѣ, и обнажалъ уже мечъ на ея пораженіе. Изяславъ сталъ между нимъ и своею матерію, и подавая свой мечъ, сказалъ: «этотъ острѣе твоего, родитель! отрубп имъ голову мнѣ! не хочу видѣть смерти моей матери!» Спокойный и свѣтлый взглядъ невинности поразилъ сердце Владиміра, тихія дѣтскія слова были оглушительнымъ для него громомъ. Онъ опустилъ мечъ и вышелъ изъ терема. На другой день призвавъ бояръ, разсказалъ имъ всё случившееся, и требовалъ отъ нихъ суда надъ Рогнедою. «Виновна Рогнеда, князь, но пусть совѣсть твоя, а не наша, произнесетъ приговоръ надъ нею!» отвѣчали бояре. Владиміръ сознался самъ въ себѣ, что онъ виновнѣе Рогнеды, и согласился на совѣтъ бояръ: дать Изяславу въ удѣлъ Полоцкъ, какъ собственность дѣда его Рогвольда, и такимъ образомъ, безъ народныхъ толковъ, удалить отъ себя опасную Рогнеду.

Примѣръ, великой въ благочестіи, Ольги; мученическая, но торжественная смерть Ѳеодора и Іоанна; смиреніе Хрістіянъ Кіевскихъ; буйное приношеніе жертвъ безобразнымъ идоламъ, даже невинная твердость юнаго Изяслава, занимали Владиміра, и погружали его въ глубокія думы. Часто входилъ онъ въ молитвенную храмину своей бабки; смотрѣлъ святыя иконы; припоминалъ, съ какимъ благоговѣніемъ праведница преклоняла предъ ними колѣна, и выходилъ

съ сердцемъ, біющимся отъ непонятнаго для него чувства. Предвѣчное Солнце начинало согрѣвать его лучами благодати.

Наконецъ, получивъ чудеснымъ образомъ отвращеніе къ идоламъ, Владиміръ созвалъ бояръ на дворъ княжескій, и, послѣ ласковаго привѣта, говорилъ имъ съ какимъ-то вдохновеніемъ: «вѣрные мои сподвижники! давно уже въ Кіевѣ и во всей Россіи есть подданные мирные, вѣрные князьямъ; но они не вѣрны Перуну и другимъ нашимъ богамъ. Еще въ княженіе Рюрика научены они отъ Грековъ покланяться единому Богу, и Сыну Его, распятому на крестѣ. У нихъ не горятъ дубы передъ Перуномъ, и не льется кровь на алтаряхъ другихъ нашихъ боговъ, а курится благоуханіе, и вмѣсто криковъ и пляски вокругъ кумировъ, они, при тихомъ и согласномъ пѣніи, молятся своему Богу, и цѣлуются при словахъ: *Возлюбимъ другъ друга.* Аскольдъ былъ пораженъ ихъ Богомъ, и не покланялся уже Перуну. Мудрая бабка моя Ольга не напрасно оставила нашу вѣру, и поклонилась Распятому; твердость Ѳеодора и сына его Іоанна, и смиреніе всѣхъ Хрістіянъ заставляютъ меня думать, что вѣра во Христа лучше вѣры въ идоловъ. Бояре задумались. «Поклонимся Богу Хрістіянъ!» отвѣчали они Владиміру. «Друзья! продолжалъ Владиміръ—много вѣръ на землѣ. Есть вѣра Іудейская; но Іуден за грѣхи разсѣяны по всей землѣ; есть вѣра Магометова, но она обѣщаетъ добрымъ на Небѣ то же, чѣмъ мы пользуемся на землѣ, есть еще Католическая-Хрістіянская; но папа, глава этой Церкви, хочетъ быть главою всѣхъ государей, а я великій князь Россійскій.» «Не надобно намъ ни Жидовъ, ни Магомета, ни Папы! Русскіе

приняли вѣру отъ Грековъ, прими и ты ее отъ нихъ, а мы всѣ за тобою!» раздались восклицанія на дворѣ княжескомъ.

Ольга княгиня, какъ кающаяся, долго ожидала пріема отъ императора, и терпѣливо сносила неуваженіе отъ гордыхъ Грековъ. Какъ обладатель всего почти сѣвера, и побѣдитель многихъ народовъ, Владиміръ, расположился принять Крещеніе прилично великому князю. Съ сильнымъ ополченіемъ вступилъ онъ въ Таврриду; взялъ городъ Корсунь, и потребовалъ отъ Греческихъ императоровъ, Василія и Константина сестру ихъ Анну себѣ въ супружество, съ угрозою воевать противъ Грековъ, въ случаѣ отказа. Предложеніе было ужасно для обоихъ братьевъ. Выдать Хрістіянку за идолопоклонника значило вооружить противъ себя святую Церковь; но князь Россійскій былъ силенъ, императоры слабы. Они рѣшились принести жертву, спасительную для всей Греціи. Отечество, находившееся въ опасности, идолопоклонникъ женихъ, неизвѣстная, варварская страна, всё смущало царевну: но упованіе на Бога, устрояющаго всё ко благу, надежда обратить невѣрующаго ко Хрісту, давали ей мужескую твердость и не земную силу рѣшиться на всё.

Корабль былъ уже готовъ. Патріархъ благословилъ жертву для спасенія Греціи, и для счастія Сѣвера. Анна прибыла въ Таврриду. Тамошніе жители встрѣтили ее, какъ посланницу съ неба. Владиміръ былъ пораженъ красотою царевны. Она предстала предъ нимъ со всею важностію императорскаго достоинства, и съ величіемъ Хрістіянки. Владиміръ зналъ Греческій языкъ, какъ и многіе Кіевляне, по сношенію съ Греками — но не могъ привѣтствовать

царевну, какъ привѣтствуетъ всякій женихъ свою невѣсту. Онъ только указалъ на мѣсто, противъ себя. «Князь! ты требовалъ жертвы; она предъ тобою. Я обрекла себя за кровь многихъ. Повели вести меня къ алтарю, но только не къ идольскому, а къ Хрістіянскому.

Владиміръ смутился. Всё прошедшее представилось ему въ самомъ ужасномъ видѣ. «Нѣтъ, царевна! отвѣчалъ онъ, не поведу тебя къ идольскому алтарю, я поклянусь кровію, проливаемою на немъ, обратить ко Христу дѣтей и всѣхъ моихъ подданныхъ.»

Въ одеждѣ крещаемаго, окруженный свитою своею, Владиміръ приближался къ церкви. Въ притворѣ для оглашенныхъ слушалъ начало литургіи; но его не вывели, какъ оглашеннаго. Митрополитъ съ священнымъ соборомъ вышелъ въ притворъ, омылъ просвѣщавшагося водою очищенія, провозгласилъ его именемъ Василія; ввелъ въ церковь вѣрныхъ, и сподобилъ принятія Тѣла и Крови Христовой. На другой день въ той же церкви совершенъ бракъ, и въ палатахъ княжескихъ празднованъ со всею пышностію Русскихъ князей того вѣка.

Не желая болѣе видѣть зловонныхъ кумирницъ и безобразныхъ идоловъ, просвѣтившійся Владиміръ послалъ въ Кіевъ Добрыню (Димитрія въ крещеніи), чтобы онъ истребилъ въ немъ всё, что могло напомянуть ему слѣпое заблужденіе; чтобы изъ казны княжеской наградилъ онъ бывшихъ женъ и любимицъ, и отпустилъ ихъ безъ всякаго оскорбленія. Добрыня-хрістіянинъ исполнилъ повелѣніе: капища сожжены, идолы скатились съ горы въ Днѣпръ, и унесены водою. На Берестовѣ остались одни только

дѣти великаго князя; въ церкви Св. Иліи воспѣто: *Тебе Бога хвалимъ.*

Въ доказательство благодарности къ Византійскому престолу, Владиміръ послалъ императорамъ часть своей дружины, которая подъ начальствомъ императора Василія разбила бунтовщика Склира, который хвалился побѣдою, одержанною имъ надъ Святославомъ при Адріанополѣ. Отрожденный и усмиренный святою вѣрою, Владиміръ ласково обращался съ жителями Корсуня, и заставилъ ихъ любить себя, отказался отъ Тавриды. Многіе иноки, готовившіеся проповѣдывать вѣру во Хріста на Сѣверѣ знали Славянской языкъ. Они съ благочестивою радостію согласились отправиться въ Кіевъ съ Владиміромъ. Благолѣпіе церкви требовало украшенія иконами, и прочей необходимой утвари. Владиміръ приказалъ сдѣлать образцы поставцевъ для иконъ. Трудно было везти иконы, писанныя на доскахъ красками, великій князь повелѣлъ снять съ нихъ рисунки въ уменьшенномъ видѣ, и вылить изъ мѣди для писанія ихъ на доскахъ въ Кіевѣ. Мѣдныя иконы и понынѣ въ великомъ уваженіи у старообрядцевъ, а писаніе съ нихъ называется Греческимъ. Новопросвѣщенный князь всѣмъ жертвовалъ Церкви. Золото и серебро было употреблено на сосуды, кресты и прочую утварь. Великая княгиня Анна сама шила священническія ризы, и убирала ихъ жемчугомъ и дорогими камнями.

Кіевъ былъ уже очищенъ отъ капищъ и кумировъ. Владиміръ, изготовивъ всё нужное для церкви, принявъ благословеніе отъ митрополита, и простившись съ народомъ, отправился въ путь со святынею и со священнымъ соборомъ, состоявшимъ изъ иноковъ и

іереевъ. Жители Тавриды далеко провожали князя-хрістіянина. Гонецъ возвѣстилъ въ Кіевѣ о приближеніи государя. Кіевляне встрѣтили его съ восторгомъ, и на другой же день были готовы къ крещенію. Берегъ Днѣпра, новаго Іордана, покрылся толпами народа обоего пола. Великій князь, омывъ дѣтей своихъ водою крещенія, сопровождаемый священнымъ соборомъ, прибылъ къ ожидавшимъ просвѣщенія. Воды Днѣпра въ первый разъ (988) освятились троекратнымъ погруженіемъ креста, и послѣдовало совершеніе таинства Святаго Крещенія.

Послѣ такого святаго дѣла, Владиміръ обратилъ вниманіе и на земное. Кіевъ былъ многолюденъ; поклонниковъ Хрісту-Спасителю родилось множество. Храмъ Св. Иліи былъ тѣсенъ, и великій князь Василій построилъ другую деревянную церковь во имя св. Василія на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ же поставленъ былъ кумиръ Перуна, а вскорѣ каменную Богоматери тамъ, гдѣ пролилась кровь Ѳеодора и Іоанна. Достоинство хрістіянина доставляется твердымъ знаніемъ догматовъ вѣры. Князь повелѣлъ строить училища, собирать въ нихъ дѣтей, даже взрослыхъ, и научать ихъ закону Божію.

Хищные Печенѣги, въ кроткое правленіе Владиміра, сдѣлали четыре набѣга на землю Русскую. Въ первый самъ князь встрѣтилъ враговъ на р. Трубежѣ, и одержалъ надъ ними побѣду поединкомъ Яна усмаря-кожевника съ какимъ-то Печенѣжскимъ великаномъ; вторый былъ неудаченъ для Владиміра. Онъ спасся отъ плѣна подъ мостомъ, на р. Стугнѣ, близъ Василёва, и въ память дня своего избавленія, —это случилось въ 6 Августа—построилъ храмъ Преображенію Господню въ Василёвѣ. Причина несча-

стія для Русскихъ очевидна. Печенѣги напали на нихъ въ то время, какъ они, окруживъ походную церковь, благоговѣли при совершеніи литургіи. Третій набѣгъ произведенъ былъ тогда, какъ Владиміръ находился въ Новгородѣ Жители Бѣлгорода, осажденные Печенѣгами, готовы были уже сдаться; но непріятель отступилъ, повѣривъ, что въ колодезяхъ Бѣлгородскихъ накопляется не одна вода, но и достаточная пища. Четвертый набѣгъ былъ не задолго до кончины великаго князя. Онъ по болѣзни своей не могъ самъ дѣйствовать противъ враговъ, а поручилъ войско любимому своему сыну Борису, князю Ростовскому.

Любовь Владиміра къ своимъ дѣтямъ, и надежда, что они, какъ хрістіяне, сохранятъ между собою братской миръ и согласіе, заставили его дать имъ города съ принадлежащими волостями съ тѣмъ, чтобы они зависѣли отъ князя Кіевскаго. Ярославъ, получившій Новгородскую область, смежную съ Полоцкою, первый открылъ слѣдствіе пагубнаго раздѣла. Онъ объявилъ себя независимымъ; выслалъ изъ Новгорода сановниковъ своего отца, и отказался отъ взноса положенной дани. Пораженный такою вѣстію Владиміръ, приказалъ собирать ополченіе, чтобы наказать неблагодарнаго; но заболѣлъ и скончался въ 1015 году, 68 лѣтъ рожденія.

СВЯТОПОЛКЪ

сынъ Ярополка,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.

1015 — 1019

4.

Вскорѣ, по раздѣленіи Россіи, молодые князья разъѣхались по своимъ удѣламъ. Одинъ только Святополкъ оставался въ Кіевѣ. Онъ, какъ сынъ великаго князя Ярополка, старшаго въ родѣ, былъ недоволенъ удѣломъ, даннымъ ему на р. Пруети, гдѣ былъ, забытый почти, со временъ Рюрика, городокъ Туровъ, и рѣшился удержать права свои силою: по трупамъ достигнуть до великокняжескаго престола, а при помощи тестя своего Болеслава, храбраго короля Польскаго, утвердиться на немъ. Борисъ, князь Ростовскій, Глѣбъ, князь Муромскій и Святославъ, князь Древлянскій были для него помѣхою.

Святополкъ дождался времени. Онъ уловилъ бояръ въ свои сѣти лестными обѣщаніями, а народъ милостями и щедростію. Борисъ, однимъ сраженіемъ кончивъ войну съ Печенѣгами, не погнался за ними въ

8и.

СВЯТОПОЛКЪ 1и.

А. И. Кіевскій

Ч. 1. Стр: 80.

ихъ стези. Онъ, услышавъ о болѣзни своего родителя, и оставивъ войско за собою, съ малою дружиною спѣшилъ въ Кіевъ. Властолюбецъ узналъ о приближеніи Бориса, и послалъ къ нему на встрѣчу не привѣтливыхъ поздравителей, а лютыхъ убійцъ Печенѣговъ.

Наступала ночь, туча показалась на западѣ, быстро неслась къ востоку. Добрый князь Борисъ, заботясь о своей дружинѣ, остановился на берегу р. Альты, впадающей въ Трубежъ; приказалъ раскинуть наметы, и молилъ Бога объ утоленіи гнѣва Его. Праведный не зналъ, что поразитъ его молнія не изъ небесной, но изъ адской тучи. «Печенѣги! слуги Святополка! убійцы!» раздались многіе голоса. Борисъ не прерывалъ своей молитвы. Онъ слышалъ крикъ, понялъ злое намѣреніе Святополка; но стоялъ на колѣнахъ передъ распятіемъ, и умолялъ Карающаго преступниковъ, да не поразятъ громы Его ни единаго изъ нихъ. Убійцы ворвались въ наметъ, и пронзили, молившагося за нихъ, копьями; опрокинули наметъ, и, обернувъ имъ свою жертву, прискакали въ Кіевъ, и, при освѣщающей кровавымъ огнемъ молніи, представили сію жертву своему князю. Борисъ еще дышалъ. Самъ Святополкъ, какъ говорятъ, вонзилъ ему кинжалъ въ грудь, и прекратилъ жизнь князя, который тѣлесною и душевною красотою восхищалъ всѣхъ.

Въ теремѣ, построенномъ на высокой горѣ надъ р. Окою, Глѣбъ, князь Муромскій, сидя передъ разстворенным окномъ, смотрѣлъ на Оку, на поля за рѣкою, на лѣсъ, и находилъ большое сходство съ Кіевскимъ мѣстоположеніемъ. «Кіевъ!» сказалъ онъ со вздохомъ, и впалъ въ какую то глубокую, зловѣ-

щую думу. Ему представились Аскольдъ и Диръ, падающіе подъ мечами Варяговъ, прадѣдъ его Игорь, умирающій мученическою смертію въ лѣсу древлянскомъ; Дѣдъ его Святославъ, изнеможенный голодомъ, борющійся съ варварами, и погибающій на берегахъ Днѣпровскихъ; дядя его Олегъ, князь Древлянскій, жертва мщенія Свенельда и коварнаго Блуда; Ярополкъ... Глѣбъ вздрогнулъ.

Тяжелая дверь разстворилась. Гонецъ въ пыли и потѣ сталъ передъ задумавшимся княземъ. «Спѣши, князь, въ Кіевъ! родитель твой въ тяжкой, неизлѣчимой болѣзни. Онъ хочетъ видѣть тебя и благословить,» сказалъ коварный слуга. «Родитель при смерти! о! дайте мнѣ крылья быстраго голубя! полечу черезъ лѣса муромскіе. «Тамъ ждутъ тебя ястребы, молодый голубь!» сказалъ кто-то невидимо. Глѣбъ, пораженный вѣстію объ опасной болѣзни своего отца, не слыхалъ спасительнаго голоса; бросился на коней, и поскакалъ къ Смоленску. Москвы тогда еще не было, не было и прямой дороги къ Кіеву.

Судно, для отплытія въ Кіевъ, было уже готово, и стояло у берега Днѣпра. Глѣбъ занялъ свое мѣсто, и Смольяне взялись за весла. «Стой!» вскричалъ имъ на встрѣчу всадникъ. «Не смѣешь остановить Муромскаго князя!» кричали съ судна. «У насъ, по кончинѣ Владиміра, нѣтъ никакихъ князей, кромѣ Святополка великаго князя!» дерзко отвѣчалъ всадникъ. Смольяне оробѣли. Глѣбъ обнажилъ мечъ; но онъ былъ агнецъ среди волковъ, жаждущихъ крови. Злодѣи обезоружили его, и повели въ близи лежащій лѣсъ. Князь не унизился передъ убійцами; но въ сердцѣ своимъ просилъ Бога отпустить грѣхи исполняющимъ волю своего властелина. Князь пора-

женъ былъ прямо въ сердцѣ и упалъ; душа его вознеслась къ небу. Убійцы положили тѣло невиннаго страдальца между двухъ колодъ. Надъ нимъ горѣли огни, какъ отъ большихъ восковыхъ свѣчъ, и показали мѣсто, гдѣ покоилось тѣло праведнаго.

Князь! ты въ опасности!» сказалъ Святославу Древлянинъ, прискакавшій изъ Кіева въ Овручъ. «Святополкъ умертвилъ князей, Бориса и Глѣба, и провозгласилъ уже себя великимъ княземъ Кіевскимъ, Ростовскимъ, Муромскимъ и даже Древлянскимъ. Убійцы уже на пути.» Святославъ, не желая кровопролитія, спасая жизнь свою, своей супруги и сына Іоанна, не теряя времени, собрался въ дорогу, и поскакалъ въ Венгрію къ тестю своему, королю Стефану. Побѣгъ ихъ былъ открытъ измѣнниками. Злодѣи настигли князя при горахъ Карпатскихъ, и пролили кровь невиннаго семейства.

Святополкъ торжествовалъ, и замышлялъ уже овладѣть Новгородомъ; но тамъ княжилъ осторожный и любимый народомъ Ярославъ. Властолюбіе и мщеніе двухъ гордыхъ и сильныхъ князей разорвали вновь связь между сѣверною и южною Россіею. Ярославъ, составивъ сильное ополченіе, вошелъ въ землю Сѣверянъ (въ Черниговской губерніи). Святополкъ, разсѣявъ слухи о жестокости князя Новгородскаго, обѣщаніемъ наградъ и угрозами, собралъ рать, и встрѣтилъ своего непріятеля у Любеча; два разъярѣнныя войска бросились одно на другое. Кіевляне сразились храбро; но, видя превосходство силъ Новгородцевъ, и искусство Варяговъ, подались назадъ; и по маломъ сопротивленіи, не смотря на всѣ усилія и убѣжденія своего князя, обратились въ бѣгство. Разбитый и оставленный своими Святополкъ, не те-

рялъ надежды возвратить престолъ отца своего Ярополка. Онъ съ малою дружиною ускакалъ въ Польшу къ тестю своему, сильному въ то время королю, Болеславу.

Правдивый, и храбрый король Польскій не любилъ своего зятя за низкіе и жестокіе поступки противъ его братьевъ; но, имѣя въ виду пользу своего королевства, и желая распространить его, обѣщалъ самъ выступить съ войскомъ, и возвратить зятю великокняжескую корону, которую возложилъ на себя Ярославъ; но съ условіемъ, чтобы Россія отказалась отъ городовъ Червенскихъ и Галиціи, завоеванныхъ Владиміромъ. Святополкъ согласился на всё, и сильное Польское войско, подъ начальствомъ самого короля, двинулось къ р. Бугу. Здѣсь Болеславъ одержалъ надъ Русскими совершенную побѣду. Ярославъ съ малою дружиною бѣжалъ въ Новгородъ. Святополкъ, обагренный кровію, вступилъ торжественно на престолъ, освященный и прославленный Владиміромъ.

Злодѣйство и властолюбіе ненасытны. Святополкъ, сдѣлавшись обладателемъ большей части Россіи, не думалъ исполнить даннаго тестю своему слова: отказаться отъ Галиціи и городовъ Червенскихъ; напротивъ, умыслилъ погубить Болеслава, расположившагося въ Кіевѣ безъ всякой осторожности, и далъ тайное повелѣніе убить Поляковъ, какъ враговъ, разсѣявшихся по городамъ и селамъ; потомъ, составивъ сильное ополченіе изъ Россіянъ и Печенѣговъ, напасть врасплохъ на Польшу, и овладѣть ея престоломъ. Болеславъ твердо зналъ коварнаго и хищнаго своего зятя; наблюдалъ всѣ его поступки, проникъ въ его мысли, и открылъ измѣну. Раздраженный и гордый король, послѣ жестокой укоризны неблаго-

дарному зятю, далъ повелѣніе войску готовиться къ походу; грабить церкви и домы въ Кіевѣ Дымъ отъ запылавшихъ домовъ, набатный звонъ колоколовъ, стоны горожанъ и вопль младенцевъ—были отголоскомъ повелѣнія Болеслава. Король Польскій, похитивъ всѣ церковныя сокровища, вышелъ изъ Кіева съ богатою добычею; предалъ Святополка его участи, и заставилъ города Червенскіе отложиться отъ Россіи и присягнуть Польшѣ.

Святополкъ, ослѣпленный успѣхомъ битвы на Бугѣ, почиталъ уже себя обладателемъ четырехъ обширныхъ, многолюдныхъ княжествъ; но Кіевляне не любили его; Ростовцы, Муромцы, Древляне ненавидѣли и проклинали. Не долго торжествовалъ похититель. Ярославъ съ войскомъ приближался къ р. Альтѣ. Князь Кіевскій призвалъ къ себѣ на помощь Печенѣговъ, жаждущихъ крови и добычи; встрѣтилъ Новгородцевъ и Варяговъ на р. Альтѣ; сразился отчаянно, онъ подавалъ примѣръ всему ополченію, ободрялъ всѣхъ и каждаго; но былъ разбитъ, и израненный обратился въ бѣгство. Отъ стыда, или отъ страха онъ миновалъ Кіевъ, не смѣлъ показаться въ Польшѣ, а рѣшился искать покровительства въ Богеміи. Онъ не могъ сидѣть на конѣ; не многіе, приверженные къ нему, сплели изъ вѣтвей носилки, и, неся его на своихъ плечахъ, добрались до лѣсовъ Богемскихъ. Тамъ онъ и умеръ на 47-мъ году отъ рожденія.

ЯРОСЛАВЪ

(Георгій или Юрій),

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.

1019 — 1054

45.

Ярославъ, родился въ 978 году. Онъ, едва вышелъ изъ дѣтства, а уже искусно дѣйствовалъ мечемъ, и мѣтко стрѣлялъ изъ лука. Кромѣ таковыхъ уважаемыхъ въ то время достоинствъ, Ярославъ легко читалъ рукописи; печатныхъ книгъ тогда еще не было; писалъ отличнымъ того времени почеркомъ; любилъ въ особенности Греческій языкъ; собралъ, чрезъ Греческихъ купцевъ, нѣсколько свитковъ на ихъ языкѣ, читалъ ихъ съ великимъ вниманіемъ, особливо свитокъ законовъ, написанныхъ Трибоніаномъ, извѣстныхъ нынѣ подъ названіемъ законовъ Юстиніановыхъ. Съ большимъ еще вниманіемъ читалъ онъ Ветхій Завѣтъ на Греческомъ языкѣ, и даже началъ переводить пророка Исаію на Славянской языкъ.

Отецъ Ярослава, Владиміръ, бывъ еще въ идолопоклонствѣ, любилъ его, и не запрещалъ ему зани-

9.

ЯРОСЛАВЪ. 1.

В. Н. Татищевъ.

Т. 1. Стр: 86.

маться такими полезными дѣлами. Ярославъ рѣдко бывалъ на играхъ въ гридницѣ князя Владиміра, рѣдко видался съ братьями своими, особливо убѣгалъ отъ Святополка, въ лицѣ коего видѣлъ онъ гордость, презрѣніе и какую-то свирѣпость. Напротивъ, съ свѣтлымъ лицемъ показывался онъ передъ знатнѣйшимъ Кіевскимъ юношествомъ, кротостію и умными разговорами съ ними заставлялъ ихъ любить себя; но не принималъ участія въ ихъ воинскихъ играхъ, не по гордости, а по нерасположенію къ забавамъ. Чтеніе и размышленіе были для него самымъ лучшимъ дѣломъ. Такъ провелъ Ярославъ время до 988 года. Просвѣтившись послѣ омытія водою Св. Крещенія, онъ сдѣлался достойнѣйшимъ княземъ.

Не съ такою скоростію тихій весенній дождь проникаетъ въ корни растеній, съ какою таинственная вода Крещенія умягчаетъ сердце, загрубѣлое въ смрадной тинѣ невѣрія. Озаренный Св. Вѣрою, Ярославъ почувствовалъ всё превосходство истиннаго Христіанина, и сдѣлался ревностнымъ помощникомъ отцу своему въ дѣлахъ правленія, въ благочестивыхъ подвигахъ, въ облегченіи бремени бѣдности, и въ просвѣщеніи юношества. Всѣ отдавали Ярославу преимущество предъ прочими его братьями; но Ярославъ былъ кротокъ. Онъ не позавидовалъ, когда, при раздѣленіи Россіи на удѣлы, Вышеславъ, вѣроятно, по просьбѣ матери своей Варяженки, получилъ богатый Новгородъ, а ему данъ былъ отдаленный Ростовъ. Смиренно, приняв благословеніе отъ отца, и, взявъ съ собою іерея, безъ всякаго ропота, отправился въ страну неизвѣстную, полудикую. Ему сопутствовалъ Глѣбъ, получившій въ удѣлъ Муромъ.

Разставшись съ братомъ своимъ, Ярославъ занялъ-

ся учрежденіемъ порядка въ Ростовѣ и во всей его области. Изъ вѣрныхъ юношей составилъ для себя дружину; избралъ безкорыстныхъ городскихъ старшинъ, и поручилъ имъ судъ и расправу подъ своимъ надзоромъ; распредѣлилъ налоги, соразмѣрные промышленности Ростовцевъ; построилъ деревянную церковь, а при ней училище, и возложилъ на іерея проповѣдывать Евангеліе, и учить дѣтей закону Божію.

Въ одинъ день, вышелъ князь на берегъ Ростовскаго озера. «Князь, поспѣши въ Кіевъ, родитель твой имѣетъ до тебя какое-то важное дѣло,» сказалъ всадникъ и въ удостовѣреніе подалъ пергаментъ съ восковою печатію Владиміра. Ярославъ изумился, разспрашивалъ гонца; но могъ узнать отъ него только, что великій князь здоровъ и что всё въ Кіевѣ спокойно.

Воля родителя, недоумѣніе, любопытство не давали покоя Ярославу. Онъ приказалъ немедленно изготовить все необходимое въ пути, и къ полуночи былъ уже далеко отъ Ростова. Вскорѣ Кіевъ увидѣлъ среди себя уважаемаго всѣми князя Ростовскаго. Ярославъ вошелъ въ теремъ, гдѣ мирно и сладко проводилъ юношескія лѣта, а потомъ въ гридницу великаго князя. Владиміръ, склонивъ голову на обѣ руки, сидѣлъ на широкой скамьѣ, покрытой греческимъ ковромъ, и былъ занятъ важною думою. Святополкъ стоялъ по правую, а Борисъ по лѣвую сторону. Наконецъ Владиміръ открылъ глаза, и увидѣлъ передъ собою Ярослава.

«Сынъ мой!» сказалъ Владиміръ слабымъ голосомъ. Ярославъ поцѣловалъ колѣно своего родителя. Святополкъ измѣнился въ лицѣ. Глаза Бориса горѣли ра-

достію при взглядѣ на брата. «Сынъ мой! твой старшій братъ Вышеславъ умеръ, и Новгородъ теперь безъ князя. Изяславъ родился прежде тебя и владѣетъ богатою и обширною Полоцкою областью. Тебя, какъ старшаго по Изяславѣ, благословляю на княженіе въ Новгородѣ, а Борисъ займетъ мѣсто твое въ Ростовѣ.» Ярославъ и Борисъ цѣловали колѣна вѣнценоснаго старца. Святополкъ стоялъ, какъ пораженный громомъ. «Дѣти, не теряйте времени! Ты, Ярославъ, знаешь, каковы Новгородцы. Твоя медленность приведетъ имъ на память прежнюю строптивую вольность. Отправляйтесь съ Богомъ!» сказалъ Владиміръ и благословилъ обоихъ сыновей. Ярославъ и Борисъ вышли изъ гридницы, обнялись, и разстались.

Ярославъ былъ еще на половинѣ пути, а въ Новгородѣ знали уже день отъѣзда его, расчислили время, которое надобно употребить въ дорогѣ, и приготовились принять своего князя достойнымъ образомъ. Дружина Вышеславова, составленная еще Владиміромъ изъ Варяговъ и Новгородцевъ, вычистивъ, какъ стекло, латы, шишаки и бердыши, въ полномъ вооруженіи, вышла изъ Новгорода, и заняла мѣста, по обѣимъ сторонамъ Кіевской дороги. Посадникъ, съ хлѣбомъ и солью на золотомъ, заморской работы, блюдѣ, радостно ожидалъ своего повелителя. Епископъ, со всѣмъ священнымъ соборомъ, былъ уже въ церкви Св. Софіи.

«Ѣдетъ! ѣдетъ!» раздались голоса за городомъ, разнеслись по улицамъ, и отозвались въ церковныхъ сводахъ Всѣ двинулись впередъ, чтобъ видѣть ближе своего государя. Не было бы конца такой сума-

тохъ, если бы не показались передовые изъ дружины княжеской. Вдругъ всё пришло въ порядокъ.

На гордомъ болгарскомъ конѣ, среди отборной вооруженной дружины, Ярославъ тихимъ шагомъ въѣзжалъ въ городъ. Народъ привѣтствовалъ его громкими криками радости. Ярославъ кланялся на обѣ стороны. Онъ миновалъ мѣсто вѣчи, и поворотилъ коня къ церкви св. Софіи. Здѣсь, осѣненный крестомъ, и окропленный св. водою, вступилъ въ храмъ, и преклонилъ колѣна предъ св. иконами. Принявъ поздравленіе отъ епископа и отъ всего клира, отправился къ тому мѣсту, гдѣ ожидалъ его посадникъ съ старѣйшинами; благосклонно принялъ хлѣбъ и соль, и, спросивъ посадника о благополучіи города, прибылъ во дворецъ княжескій. Народъ до глубокой ночи толпился вокругъ его, желая еще увидѣть своего князя.

Ингегерда, дочь Шведскаго короля Олава, славилась умомъ и красотою. Ярославъ, чтобъ привести въ безопасность Новгородскую область отъ нападеній со стороны Швеціи, рѣшился просить ея руки. Онъ отправилъ въ Швецію старца Якуна, Варяга, бывшаго издавна въ Русской службѣ, съ знатнѣйшими сановниками Новгородскими. Олавъ принялъ предложеніе съ удовольствіемъ. Ингегерда не противилась, и брачный союзъ былъ заключенъ. Шведская королевна съ знатнѣйшими придворными, сопровождаемая, по желанію Ярослава, множествомъ вооруженныхъ Гаряговъ, прибыла въ Новгородъ. Научившись хрістіанскому закону, и принявъ, во св. Крещеніи, имя Ирины, вступила она въ бракъ съ Ярославомъ.

Обласканные княземъ и принятые въ службу Варяги, надѣясь на покровительство своей королевны,

возгордились. Они презирали Новгородцевъ, и дѣлали имъ разныя насилія. Гордые жители великаго града, уважая свою княгиню, терпѣли нѣсколько времени презрѣніе и насиліе отъ пришельцевъ. Своевольство Варяговъ не уменьшалось. Новгородцы жаловались князю; но онъ, изъ угожденія любимой своей супругѣ, дѣлалъ выговоры чиновникамъ варяжскимъ; но не употреблялъ необходимой строгости. Варяги, узнавъ о жалобѣ, на нихъ принесенной, и оставленной безъ всякаго дѣйствія, увеличили свои неистовства. Они вырывали дѣвицъ изъ объятій ихъ матерей, и похищали имущество горожанъ. Тогда-то Новгородцы, выведенные изъ терпѣнія, не видя защиты отъ князя, сами рѣшились усмирить безчестныхъ похитителей, и, на торговой площади, условились: по первому удару въ утренній колоколъ, убивать Варяговъ, разставленныхъ по ихъ домамъ; что и было исполнено.

Оскорбленная Ингегерда, съ горькими слезами жаловалась супругу на звѣрскій поступокъ его подданныхъ, и, возбудивъ въ немъ ожесточеніе, склонила добраго Ярослава наказать виновниковъ смертію. Подъ видомъ охоты, со многими ратниками выѣхалъ онъ изъ города въ загородный дворецъ; послалъ за главнѣйшими заговорщиками съ повелѣніемъ, что князь призываетъ ихъ для выслушанія настоящаго дѣла, и для оправданія въ убійствѣ, а между тѣмъ приказалъ охотникамъ скакать по опушкамъ лѣса, и трубить въ рога. Заговорщики, получивъ повелѣніе князя, предчувствовали гнѣвъ его и свою погибель; но не смѣли противиться его волѣ, и явились съ повинною головою. «Вы бунтовщики! дружина, руби ихъ!» сказалъ отрывисто князь, и скрылся въ отда-

ленной храминѣ. Повелѣніе исполнено. Несчастные пали подъ мечами, и трупы ихъ брошены въ Волховъ.

Съ мученіемъ совѣсти и съ напраснымъ раскаяніемъ Ярославъ ускакалъ во дворецъ свой и бросился на ложе. Ни въ одномъ окнѣ дворца не было уже свѣта, всѣ предались покою. Одинъ Ярославъ не спалъ. Тяжелые вздохи давали знать о мучительномъ состояніи души его. «Нигегерда!» вскричалъ онъ. «Я принесъ тебѣ жертву кровавую. И за кого же? — за людей, мнѣ чуждыхъ!... «Князь! гонецъ изъ Кіева!» отозвался голосъ. «Сестра твоя княжна Предслава поручила мнѣ довести до тебя печальныя вѣсти.» «Что? что такое?» «Родитель твой скончался.» «Родитель! любезный родитель!» «Святополкъ хитростію и обманомъ вступилъ на велико-княжескій престолъ; онъ умертвилъ Бориса, Глѣба, Святослава, и собираетъ сильную рать противъ тебя.» Гонецъ, разсказавъ всѣ подробности, вышелъ. Ярославъ ужаснулся.

Наконецъ онъ всталъ со скамьи, и преклонилъ колѣна предъ св. Иконами. «Боже правосудный и милосердый къ кающимся грѣшникамъ! не попусти, чтобы злодѣйство торжествовало на землѣ, и братъ проливалъ кровь своихъ братьевъ, жертвуя одному своему властолюбію!» Смиренный князь долго молился со слезами; на другой день онъ рѣшился быть на вѣчѣ.

Солнце стояло уже высоко. Народъ съ поникшими головами приближался къ мѣсту вѣчи. Ярославъ безъ всякаго оружія, одинъ, явился предъ народомъ, и взошелъ на возвышенное мѣсто. «Вѣрные мои подданные!» Глубокое молчаніе. «Жители великаго града!» Тяжелые вздохи послышались въ рядахъ

«Я не правъ предъ вами!» Нѣкоторые, изъ стоявшихъ вблизи, подняли глаза на Ярослава. «Я въ пылу гнѣва, не отнесясь къ вѣчѣ, наказалъ главныхъ заговорщиковъ смертію.» Шумный говоръ разнесся по толпѣ народной. «Я неправъ предъ вами, но Богъ правосуденъ. Въ нынѣшнюю полночь, когда всё покоилось въ городѣ, когда я одинъ мучился раскаяніемъ, Онъ наказалъ меня вѣстію убійственною Не за-долго до этого времени я уступилъ справедливымъ вашимъ представленіямъ, что великій градъ не можетъ быть подданнымъ двумъ государямъ; отказался отъ дани на Кіевъ, и оскорбилъ своего родителя.... Увы, онъ скончался!» «Умеръ! Великій Владиміръ умеръ!» раздались жалобные голоса въ народѣ. «Злобный Святополкъ обманомъ занялъ престолъ велико-княжескій. Онъ убилъ добраго Бориса, невиннаго Глѣба, кроткаго Святослава; изострилъ мечъ и на мою голову.» Шумное негодованіе потрясло вѣче. «Я не правъ передъ вами! Бросьте жребій между мною и Святополкомъ!» «Мы хотимъ имѣть князя добраго, мудраго! не надобно намъ Святополка! не надобно убійцу своихъ братьевъ! Ты умертвилъ нашихъ родственниковъ и друзей; но ты нашъ князь. Ты предалъ ихъ смерти для народнаго спокойствія; а тотъ на невинныхъ братьевъ поднялъ свою руку. Веди насъ, князь, противъ него! Мы всѣ за тебя!» Ярославъ, съ легкимъ наклоненіемъ головы, сошелъ съ своего мѣста, вѣче слѣдовало за нимъ. «Здравіе Ярославу! Гибель Святополку! Кто противъ Бога и великаго Новгорода!» раздалось по улицамъ. Ярославъ, вошедши въ свою храмину, палъ на колѣна и со слезами благодарилъ Бога за его милости.

Въ тотъ же самый день гонцы, рипулись во всѣ

стороны, а на другой день спокойный, купеческій городъ превратился въ военный. Варяги всегда были готовы къ битвѣ. Княжеская хоругвь, съ изображеніемъ креста, была водружена на большой торговой площади. Гости иноземные поставили отъ себя нѣсколько ратныхъ людей.

Вскорѣ показались полки Кривичей, Чуди, Бѣлозерцевъ, Двинянъ, Мери, и близились къ своему сердцу-Новгороду. Крикъ военачальниковъ, звукъ трубъ, всё мѣшалось на Волотовомъ полѣ, всё представляло готовность къ походу и битвѣ. Ярославъ съ отроками выѣхалъ на бранномъ конѣ. «Здравіе князю!» раздалось по всѣмъ полкамъ. Ростовцы и Муромцы, услышавшіе о вооруженіи противъ похитителя, желая отмстить за кровь своихъ князей, прискакали въ Новгородъ, и соединились съ ополченіемъ.

Призвавъ, съ колѣнопреклоненіемъ, на помощь праведнаго и карающаго неправду Бога, воинство двинулось всею своею массой по дорогѣ къ Кіеву. Оно шло спѣшно, послѣ извѣстія, что Святополкъ, на пути къ Новгороду, остановился у Любеча. Ярославъ достигъ устья р. Сожи, впадающей въ Днѣпръ. Воинства были въ виду другъ у друга; но наступившая темная ночь положила мрачную преграду между ними. Одни протяжные крики передовыхъ стражей давали знать о пространствѣ, какое занимали оба ополченія.

Едва заря начала раскидывать свѣтъ свой на небѣ, какъ всё было уже готово къ битвѣ. Ярославъ ступилъ крѣпкимъ шагомъ противъ своего врага, и камни изъ пращей и стрѣлы съ звонкой тетивы, тучею, понеслись съ обѣихъ сторонъ. По мѣрѣ сближенія войскъ вытянулись длинныя копья. Ихъ стукъ о

сталь и трескъ отъ ломавшихся оружій, показывали, что противники стояли другъ противъ друга каменными стѣнами. «Кровь Бориса! кровь Глѣба!» вскричали Ростовцы и Муромцы, и бросились на полкъ Древлянскій. «Кровь Святослава!» отвѣчали имъ громкимъ крикомъ Древляне, и положили оружіе. Кіевляне дрогнули, и обратились въ бѣгство. Святополкъ, пораженный, ускакалъ.

Торжественно вступилъ побѣдитель въ Кіевъ. Епископъ со всѣмъ священнымъ соборомъ, съ Крестомъ и со св. иконами встрѣтилъ его предъ вратами ограды десятинной церкви. «Здравіе Ярославу! здравіе побѣдителю убійцы!» раздавалось по улицамъ въ громкихъ крикахъ. Вступивъ въ родительскій теремъ, Ярославъ призвалъ къ себѣ сановниковъ Кіевскихъ, и повелѣлъ возстановить во всемъ порядокъ, какой былъ при Владимірѣ. Почитая себя въ совершенной безопасности, онъ далъ богатый пиръ своимъ сподвижникамъ; наградилъ щедро воиновъ; поручилъ раздать золото и серебро оставшимся безъ помощи послѣ Любеческой битвы, и отпустилъ всѣхъ, удержавъ при себѣ небольшую дружину изъ Варяговъ.

Миръ и тишина водворились въ Кіевѣ; порядокъ и правосудіе, надъ которымъ самъ князь имѣлъ строгій надзоръ, возъимѣли правильное свое дѣйствіе; промышленность и ремесла оживились, и Ярославъ началъ вкушать плоды дѣйствій своихъ. Онъ давалъ правый судъ, смягчалъ жестокій приговоръ Тіуновъ, и самые преступники, готовившіеся принять наказаніе, лобзали, такъ сказать, руку, ихъ наказующую. Въ свободное время нѣсколько часовъ отдавалъ онъ любимой своей охотѣ. Сложивъ всѣ признаки князя, въ простомъ платьѣ съ однимъ служителемъ и съ удою

ходилъ онъ или на Выдыбичи, или на мостъ черезъ Днѣпръ ловить рыбу.

Однажды, во время подобныхъ занятій его, всадникъ подскакалъ прямо къ нему. «Великій князь! три дня и три ночи, какъ я гналъ изъ Кракова. Тамъ Святополкъ и Болеславъ собрали сильное воинство на Россію.» Ярославъ, тотчасъ возвратился во дворецъ, приказалъ трубить тревогу и сборъ на Лыбеди. Встревоженные Кіевляне сбѣжались на сборное мѣсто, и не знали причины тревоги. Ярославъ выѣхалъ къ нимъ на конѣ. «Дѣти! Святополкъ съ Болеславомъ идутъ на насъ. Будьте готовы къ походу!» «Мы готовы. Будь только ты съ нами!» отвѣчали Кіевляне. На другой день не сильное, но добрее ополченіе выступило изъ Кіева, и когда оно пришло къ Бугу, король Польскій стоялъ уже на другой сторонѣ рѣки. Смѣлость Кіевлянъ, разъѣзжавшихъ передъ Поляками на вѣрный выстрѣлъ изъ лука, заставила Болеслава употребить военную хитрость. Онъ приказалъ двумъ сильнымъ отрядамъ переправиться черезъ рѣку выше и ниже Русскаго стана, и напасть на Русскихъ съ боковъ, когда услышатъ звукъ трубъ; Ярославъ не предвидѣлъ такой хитрости, хотя воины его, поившіе рано по утру коней, донесли ему, что вода въ Бугѣ отъ чего-то вдругъ помутилась отъ дна до самаго верха. Храбрый князь улыбнулся, и стоялъ бодро противъ короля Польскаго.

Говорятъ, что насмѣшки Кіевлянъ надъ необыкновенною тучностію Болеслава, ускорили битву. Какъ бы то ни было, только храбрый король, не дожидаясь окончанія наведенія моста, бросился на конѣ въ рѣку, а за нимъ и всѣ Поляки. Кіевляне приняли ихъ грудью, и, скользя по крови своихъ и непріятелей, рубились,

и не отступали ни на шагъ. Побѣда была сомнительна, какъ вдругъ съ правой и съ лѣвой стороны наскакали польскіе отряды. Храбрые воины, окруженные съ трехъ сторонъ, оробѣли. Они не знали съ кѣмъ сражаться, и отъ кого защитить себя; замѣшались и обратились въ бѣгъ. Ярославъ, оставленный своими, боясь плѣна, и безчестной смерти отъ руки звѣрскаго Святополка, съ четырьмя всадниками, ускакалъ въ Новгородъ.

Жажда Болеслава къ завоеваніямъ, искусство Поляковъ въ военномъ дѣлѣ и лютое мщеніе Святополка приводили Ярослава въ отчаяніе. Онъ, по совѣту Ингегерды, рѣшился плыть въ Швецію, просить у Олава помощи, и приказалъ готовить лодки на Волховѣ. Новгородцы возпегодовали, узнавъ о малодушіи своего князя. Посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрыни, безъ доклада вошелъ къ своему государю. «Князь! ты приказалъ изготовить лодки на Волховѣ, а я велѣлъ изрубить ихъ. Какъ! Русскій великій князь бѣжитъ отъ Поляковъ, которыхъ били Олегъ и твой отецъ Владиміръ! развѣ нѣтъ у тебя вѣрныхъ подданныхъ? развѣ нѣтъ у тебя казны? — наше богатство твое. Мы всѣ отъ малаго до стараго готовы за тебя положить свои головы. Скоро всё возмутилось въ Новгородѣ.

Среди приготовленій къ защищенію отечества, пала въ стѣнахъ Новгородскихъ скорая вѣсть со всѣми подробностями объ умыслѣ Святополка, о разграбленіи Кіева и объ отступленіи Поляковъ. Собралось вѣче, и Коснятинъ убѣдилъ сознававшагося въ малодушіи князя, явиться къ народу. «Гибель Святополку, убійцѣ и измѣнпику!» кричало все вѣче.

«Князь! веди насъ скорѣе! Мы хотимъ затоптать змѣя!»

Ярославъ выступилъ, и, доведши до р. Альты, остановился, Святополкъ съ Печенѣгами явился въ виду Новгородцевъ, и готовился сдѣлать стремительное нападеніе. «Борисъ!» громко вскричалъ Ярославъ. «Борисъ!» разлилось по всему воинству; Новгородцы, какъ львы, бросились на Печенѣговъ; Печенѣги приняли ихъ съ яростію тигровъ, и открылось невыразимое остервенѣніе между обоими войсками. Казалось, смерть обрекла всѣхъ себѣ на жертву, какъ вдругъ конная дружина, оставленная Ярославомъ для подкрѣпленія, грянула на непріятеля съ длинными копьями, и низринула передніе ряды его. Новгородцы съ новою силою возобновили сѣчу. Святополкъ, получивъ тяжелыя раны, скрылся и невозвратно. Печенѣги бѣжали съ поля битвы.

Утомленный Ярославъ, увидѣвъ многихъ, погибшихъ изъ любви къ нему, проливъ слезы при ихъ погребеніи, и съ скорбію отца, потерявшаго дѣтей своихъ, вошелъ въ Кіевъ. Слухъ о бѣдственной погибели Святополка навелъ на Ярослава какое-то уныніе; но народная къ нему любовь, и заботы о благѣ своихъ подданныхъ, развлекли и успокоили его. Два года протекли мирно. Въ это благотворное для Россіи время, Ярославъ обрадованъ былъ рожденіемъ сына, котораго, въ память своего родителя, нарекъ Владиміромъ, и поздравилъ его княземъ Новгородскимъ. Пиры, данные боярамъ во дворцѣ, а народу на улицахъ, были роскошны.

Ярославъ, какъ нѣжный отецъ, находилъ великое удовольствіе подлѣ колыбели первороднаго своего сына. Въ такомъ пріятномъ занятіи, однажды доло-

жили, что посолъ изъ Полоцка желаетъ видѣть самого князя. Пусть войдетъ! Узнаемъ, чего хочетъ мой племянникъ Брячеславъ Изяславичъ.» Посланный подалъ Ярославу пергаменъ, за княжескою печатію. Князь-отецъ положилъ сына, уснувшаго на его рукахъ, и, читая посланіе, улыбался. «Скажи своему князю, что въ Новгородѣ есть уже князь Владиміръ! Ты видишь его передъ собою въ колыбели. Брячеславъ угрожаетъ мнѣ силою, я не страшусь его.

Ярославъ, зная строптивость своего племянника, приказалъ войску быть въ готовности. Между тѣмъ Брячеславъ, получивъ неудовлетворительный отвѣтъ отъ своего дяди, съ готовыми всегда ратниками напалъ на Новгородъ; разграбилъ его, и, какъ шумный потокъ, увлекая съ собою сорванную съ береговъ добычу, съ плѣнниками утекалъ въ свою область. На берегахъ Судомы (Пск. губ.) встрѣтилъ онъ преграду. Тамъ Ярославъ ожидалъ уже хищника; остановилъ его, сразился, побѣдилъ, отобралъ плѣнниковъ и похищенныя сокровища, и отослалъ всё въ Новгородъ. Брячеславъ смирился, Ярославъ простилъ его. Цѣлый годъ Россія была спокойна. Но Провидѣніе искусило еще твердость Ярослава. «Голодъ въ Суздалѣ! моръ въ Суздалѣ! Тамъ убиваютъ чародѣевъ, они напустили лихо на бѣдный городъ!» такъ говорили тихомолкомъ старики, собравшись въ кружокъ на площадяхъ, на улицахъ и въ домахъ; но тихій говоръ ихъ прокрался въ княжескіе чертоги. «Гласъ народа есть гласъ Божій!» сказалъ Ярославъ. «Коней!» Онъ сошелъ внизъ, кони съ нетерпѣніемъ стояли у крыльца. «Великій князь! отъ брата твоего Мстислава Владиміровича, князя Тмутаракапскаго!» сказалъ подошедшій къ

нему воинъ, и подалъ посланіе. «Козарія со времени нашего дѣда Святослава, великаго князя Кіевскаго, неоспоримо принадлежитъ Кіеву.» сказалъ Ярославъ. сѣлъ на коней, и поскакалъ въ Суздаль.

Мстиславъ получилъ отъ Владиміра Тмуторокан-скую область до р. Дона; покорилъ остатокъ Коза-ровъ; сдѣлался властелиномъ надъ Косогами (Черке-сами), одолѣвъ въ рукопашной борьбѣ князя ихъ, ис-полина ростомъ, Редедю, и названъ *Удалымъ*. Всё льстило Мстиславу, всё представляло ему покой и обиліе; но вскорѣ область его показалась ему тѣс-ною; величественныя Кавказскія горы съ вершинами, покрытыми снѣгомъ, были для глазъ его утомитель-ны, и сладкій, свѣтло-янтарный виноградъ Терека казался ему горькимъ. Мстиславъ тосковалъ о своей родинѣ. Въ такомъ расположеніи духа онъ отправилъ мирное посланіе объ уступленіи ему Чернигова и всей бывшей Козарской области; но получилъ отказъ. Къ тоскѣ по отчизнѣ присоединилось оскорбленіе. Мстиславъ, сказалъ: «я возьму силою то, въ чемъ отказываютъ мнѣ.» Онъ составилъ войско изъ Коза-ровъ, Косоговъ и другихъ храбрыхъ Кавказскихъ наѣздниковъ, и двинулся на западъ.

Ярославъ наказывалъ въ Суздалѣ виновныхъ въ убійствѣ слабыхъ, повелѣлъ служителямъ вѣры вну-шить, что голодъ, и слѣдствіе его моръ, не есть ча-родѣйство, но гнѣвъ Божій, который является въ наказаніе за грѣхи не въ одномъ Суздалѣ, но и во всѣхъ странахъ, надъ которыми лежитъ рука Господ-ня, и приказалъ плыть къ Камскимъ Болгарамъ за хлѣбомъ по Волгѣ. Въ это время Мстиславъ сталъ съ воинствомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Кіева, и послалъ въ городъ, чтобы онъ миролюбиво

отворилъ ему вороты. «Съ нами нѣтъ князя, вороты отворены. Пусть князь *удалой* покажетъ свое удальство въ искусствѣ рубить головы мирнымъ гражданамъ! Мы присягали великому князю Ярославу, и не хотимъ имѣть у себя другаго.» Такой твердый отвѣтъ Кіевлянъ поразилъ Мстислава. Онъ отступилъ отъ Кіева, и пошелъ къ Чернигову, занятому Козарами. Черниговцы, бывшіе долго подъ властію иноплеменныхъ, и потерявшіе гордое достоинство Славянъ, своихъ знаменитыхъ предковъ, отворили ему городскія вороты. Ярославъ съ горестію услышалъ о нашествіи брата, и послалъ скораго гонца въ Кіевъ, чтобы Якунъ собралъ и устроилъ ополченіе. Получивъ хлѣбъ Волгою, и раздавъ его неимущимъ, поспѣшилъ для защищенія своей собственности. Ополченіе было готово. Слабый зрѣніемъ Якунъ, съ лудою (повязкою) на глазахъ былъ его предводителемъ. Ярославъ выступилъ изъ Кіева; Мстиславъ изъ Чернигова. Два брата сошлись у селенія *Листвена*, и остановились другъ противъ друга. Ярославъ ожидалъ примиренія; Мстиславъ — случая, привести Кіевское войско въ замѣшательство. Кіевляне, не видя ничего враждебнаго со стороны противной, предались, подобно своему князю, безпечному покою.

Въ одну ночь, какъ Кіевляне спали беззаботно въ своихъ ставкахъ, настала ужасная буря. Проливной дождь, крупный градъ и сильные удары грома пробудили спавшихъ, и привели ихъ въ смятеніе. Они не знали, гдѣ укрыться отъ палящихъ стрѣлъ небесныхъ. Въ это самое время нагрянулъ на нихъ Мстиславъ съ Козарами и Косогами. Варяги стали противъ ихъ крѣпко. Ярославъ и Якунъ не могли

собрать и устроить своего ополченія. Видя, что и Варяги смѣшались отъ сильнаго натиска, предводители поскакали въ Кіевъ.

Разсѣянные воины небольшими толпами собирались въ Кіевъ. Мстиславъ, желая имѣть переговоры лично съ Ярославомъ, вступилъ съ войскомъ въ Кіевскую область, остановился въ Городцѣ, противъ Кіева, и предложилъ брату своему свиданіе. Ярославъ какъ старшій братъ и великій князь, не хотѣлъ бы унизиться предъ младшимъ; но лютые Черкесы, на другой сторонѣ Днѣпра, разстроенные, унылые воины и кровь гражданъ заставили его уступить необходимости.

«Здравствуй, князь Ярославъ Владиміровичъ!» привѣтствовалъ братъ брата, «не вини меня, что я поступилъ противъ воинской чести! Войско мое состоитъ изъ Козаровъ, жаждущихъ Русской крови, и изъ хищныхъ горцевъ, которые или убиваютъ на смерть, или, что еще хуже, продаютъ плѣнныхъ въ безчеловѣчную неволю. Я просилъ Бога отвратить кровопролитіе, и Онъ послалъ чудесную бурю. Любезный братъ! не мое оружіе побѣдило тебя, но оружіе небесное, тебя побораетъ Самъ Богъ!»

Ярославъ обнялъ Мстислава. «Братъ! я вижу на себѣ перстъ Божій. Да будетъ Его святая воля! Владѣй Козаріею до лѣваго берега Днѣпра, и до южныхъ береговъ Оки!» Братья обнялись съ нѣжностію, и заключили вѣчный союзъ цѣлованіемъ Креста. Ярославъ возвратился въ Кіевъ, Мстиславъ въ Черниговъ, и этотъ городъ сдѣлался столицею князей Черниговскихъ (1026 г.).

Благодатный миръ поселился въ Россіи. Не было враговъ, ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ; но междо-

усобія князей дали смѣлость жителямъ Ливоніи, Чуди и Латышамъ отказаться отъ платежа дани. Ярославъ могъ бы привести ихъ въ прежнюю покорность чрезъ храбраго посадника Коснятина; но рѣшился самъ пресѣчь своевольство. Онъ съ небольшою дружиною вступилъ въ землю мечтавшихъ о независимости и привелъ въ трепетъ малодушныхъ. Не смотря однакожъ на покорныхъ Ливонцевъ, онъ построилъ въ землѣ ихъ городъ; назвалъ его своимъ именемъ: Юрьевъ-Дерптъ, и оставилъ въ немъ воеводу съ внутреннею стражею, и съ повелѣніемъ собирать дань (1030).

Вѣчный миръ со Мстиславомъ и тишина во всей Россіи не могли успокоить великаго князя. Воспоминаніе о бѣдствіяхъ, которыя встрѣтили его на первой ступени къ престолу; потеря Кіевскихъ сокровищъ и завоеваній его родителя волновали сердце Ярослава. Болеславъ былъ храбръ и страшенъ; но смерть сразила его, и подала Русскому князю оружіе на пораженіе слабаго Мечеслава. Ярославъ соединился съ храбрымъ своимъ братомъ и возвратилъ всё потерянное.

Въ 1036 году скончался въ Черниговѣ Мстиславъ, и ни одинъ врагъ не могъ хвалиться одержанною надъ нимъ побѣдою. Два сына его Іоаннъ и Евстафій умерли прежде, и Россія по прежнему раскинулась до Кавказа. Ярославъ, сдѣлавшись единодержавнымъ, помнилъ, какую любовь оказали къ нему Новгородцы во времена смутныя; взялъ съ собою юнаго Владиміра, и, къ восторгу всѣхъ жителей, прибылъ съ нимъ въ прежнюю столицу Россіи. «Жители великаго града!» произнесъ князь къ старѣйшинамъ, собравшимся на вѣчѣ. «Вы отличились не-

имовѣрною любовію ко мнѣ, когда я былъ неправъ передъ вами, примите этотъ свитокъ! Въ немъ изложены безопасность каждаго гражданина и его имущества. Мои новые законы называются Русской Правдою.» Посадникъ Коснятинъ на колѣнахъ принялъ хартію изъ руки князя. Старцы хранили благоговѣйное молчаніе. «Отнынѣ торгуйте безпошлинно по всей Россіи, и занимайте первое мѣсто передъ всѣми моими подданными,» продолжалъ Ярославъ. Раздались радостныя восклицанія. «Вѣрныя друзья мои! не всегда могу я быть съ вами. Вотъ вамъ, вмѣсто меня, князь, сынъ мой Владиміръ! Онъ еще юнъ; но совѣты опытныхъ старцевъ поведутъ его къ правдѣ!»

На другомъ концѣ улицы скакали два всадника, покрытые пылью, полунагіе. «Великій князь, и вы, именитые сановники! Насъ ограбили Печенѣги на дорогѣ къ Кіеву. Они идутъ поспѣшно къ столицѣ!» «Злодѣи!» вскрикнулъ Ярославъ. «Они узнали, что меня нѣтъ въ Кіевѣ, и что войско распущено; но я истреблю эту саранчу, и сею же удобрю поля Русскія!» «Веди насъ, князь! Мы растопчемъ эту степную гадину.» Новгородцы и Варяги составили сильную рать, и буйнымъ вѣтромъ понеслись на коняхъ къ Кіеву. Станъ Печенѣжскій облегъ Кіевскія стѣны. Тихо, ночью подошелъ Ярославъ съ войскомъ; ударилъ на варваровъ, смялъ, поразилъ, гналъ ихъ до самаго ихъ вертепа, и разорилъ его на всегда, какъ вертепъ разбойниковъ.

Едва вступилъ на девятнадцатый годъ Владиміръ, и показалъ уже первый опытъ своей храбрости противъ Яни въ каменистой и болотистой Финляндіи; но его ожидалъ подвигъ трудный и опасный. Въ Царь-градѣ,

вопреки всѣмъ мирнымъ договорамъ, былъ убитъ на площади купецъ Русскій. Ярославъ требовалъ удовлетворенія за нарушеніе статьи о безопасности Грековъ въ Россіи и Россіянъ въ Греціи; но императоръ Константинъ-Мономахъ отвѣчалъ ему, что этотъ случай не стоитъ вниманія. Великій князь, бывъ уже 65 лѣтъ, не могъ самъ дѣйствовать оружіемъ въ странѣ отдаленной, а поручилъ опытному полководцу Вышатѣ и сыну своему Владиміру отмстить Грекамъ за честь Россіянъ. Множество мелкихъ Русскихъ судовъ покрыли Босфоръ; но неугасимый греческій огонь и сильная буря истребили ихъ. Владиміръ съ немногими спасся отъ погибели, а Вышата съ 800 Русскихъ и Варяговъ отведены въ плѣнъ, и лишены зрѣнія. Этотъ неудачный походъ въ Грецію былъ третій и послѣдній. Россійскій великій князь и Греческій императоръ заключили вѣчный миръ.

Россія ступала уже на верхъ могущества своего и славы; но враждебный духъ раздѣла лишалъ ее силъ.

Десять Россійскихъ князей и множество храбрыхъ воиновъ, погибшихъ несчастнѣйшимъ образомъ, не могли доказать Ярославу, что раздѣлъ государства есть гражданская, смертоносная язва. Въ немъ, отъ старости, можетъ быть, ослабѣло воспоминаніе о прошедшемъ. Онъ зналъ только настоящее, и видѣлъ передъ собою одних дѣтей своихъ.

«Дѣти!» сказалъ престарѣлый отецъ дрожащимъ голосомъ «Конецъ всѣмъ моимъ заботамъ о народномъ благѣ близокъ. Теперь пекусь объ васъ. Хочу, чтобы вы любили другъ друга съ такою же горячностію, какъ я любилъ своихъ братьевъ, а чтобы не было между вами зависти, тебѣ, добрый Изяславъ, какъ старшему, по смерти Владиміра, поручаю Кіевъ

съ Новгородомъ и со властію надъ младшими братьями. Тебѣ, Святославъ, даю Черниговъ съ Тмутороканскою, Рязанскою и Муромскою областями. Тебѣ, Всеволодъ, Переяславль съ Поволжьемъ и со всѣми мѣстами, по Клязьмѣ лежащими до рубежа Рязанскаго. Вячеславу Смоленскъ, а Игорю Владиміръ на Волыни. Внукъ мой Ростиславъ, сынъ умершаго Владиміра, пусть управляетъ Новгородомъ. Поклянитесь хранить между собою миръ и братское согласіе!» «Клянемся!» отвѣчали князья-братья.

Какія-то дѣла отозвали слабаго старца въ Вышгородъ. Онъ взялъ съ собою любимаго имъ Всеволода; тамъ заболѣлъ Ярославъ и скончался на 76 году отъ рожденія.

10.

ИЗЯСЛАВЪ. I.

В. К. Кіевскій.

Т. I. Стр. 107.

ИЗЯСЛАВЪ

(Димитрій),

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.

1054 — 1077

23.

25-е Февраля, 1054 года, утромъ послышался унылый звонъ отъ глухаго удара въ колоколъ, при церкви св. Софіи, построенной Ярославомъ. Встревоженные Кіевляне спѣшили узнать причину, и были поражены вѣстію о кончинѣ любимаго ими Князя. Крестясь и съ поникшими головами шли они ко двору княжескому; но тамъ всё уже было готово къ печальному шествію въ Вышгородъ. Кіевъ взволновался, и весь почти двинулся за юными князьями.

Всеволодъ, любимецъ Ярослава, принявшій послѣдній вздохъ родителя, встрѣтилъ братьевъ съ рыданіемъ; народъ окружилъ дворецъ. Выносъ тѣла сопровождался воплями, рыданіемъ и молитвами объ упокоеніи души добраго князя-отца.

Погребеніе, со всею должною великому князю честію, кончилось. Князья-братья уныло сидѣли за од-

нимъ столомъ. «Любезные братья! родитель нашъ въ могилѣ, а братъ его Судиславъ, оклеветанный, заточенъ имъ во Псковѣ, собственномъ его удѣлѣ. Сотремъ это черное пятно съ свѣтлыхъ дѣлъ нашего отца! Возвратимъ страдальцу его собственность!» сказалъ Изяславъ. Судиславъ былъ объявленъ княземъ Пскова; но старецъ, вмѣсто княжескихъ украшеній, возложилъ на себя схиму, и вскорѣ умеръ. По прошествіи дней сѣтованія, скоро князья разъѣхались по своимъ удѣламъ.

Мирно и въ тишинѣ княжилъ Изяславъ до 1061 года. Въ этотъ годъ Половцы, народъ дикій, лютый, вышедшій изъ восточныхъ Каспійскихъ степей, ворвался въ предѣлы Русскіе. Это быстрое, но кратковременное нашествіе на Переяславскую область, было только предтечею золъ ужаснѣйшихъ. Кромѣ чудныхъ явленій на небѣ и на землѣ, которымъ суевѣрные давали толкъ въ худую сторону, Всеславъ, князь Полоцкій, правнукъ Рогнеды, основываясь на старшинствѣ, потребовалъ Новгородской области, и, также какъ отецъ его Брячеславъ, получилъ отказъ. Это было знакомъ открыть позорище грабежей, измѣнъ, убійствъ, пожаровъ и бѣдствій всякаго рода, продолжавшихся четыре вѣка въ Россіи. Съ сильнымъ войскомъ напалъ Всеславъ на Новгородъ, не готовый отразить неожиданнаго непріятеля; жегъ, убивалъ, грабилъ и похитилъ даже сокровища Софійскаго собора.

Такая горестная вѣсть поразила Изяслава. Буйство племянника и его неуваженіе къ старшимъ требовали наказанія; но князь Полоцкій былъ слишкомъ силенъ для одного великаго князя. Изяславъ, не теряя времени, далъ знать Святославу и Всеволоду о лю-

той дерзости Всеслава, и предлагалъ имъ соединить силы, и усмирить возмутителя спокойствія. Переяславцы понеслись по гласу своего повелителя, къ Кіеву. Черниговцы, желая отмстить Полочанамъ за недавній ихъ набѣгъ и разграбленіе селеній, смежныхъ съ Полоцкою областью, горѣли нетерпѣніемъ стать подъ знамена великаго князя.

Всеславъ, услышавъ о сильномъ противъ себя вооруженіи, оставилъ Полоцкъ, и отступилъ къ р. Нѣману, чтобы тамъ усилить свое войско сосѣдними народами. Соединенные князья не теряли времени. Прошедши Черниговскую область, они вступили въ Полоцкія владѣнія, и осадили Минскъ. Оставленная, въ этомъ несчастномъ городѣ, внутренняя стража не могла долго сопротивляться. Раздраженные князья внесли въ него мечъ и огонь, и поступили въ немъ, какъ Всеславъ поступилъ въ Новгородѣ. Утоливъ жажду мщенія, они обратили оружіе противъ нарушителя покоя.

Ни жестокіе морозы, ни глубокіе снѣги, ничто не могло удержать мстителей. Всеславъ встрѣтилъ ихъ на берегу Нѣмана, и началось сраженіе. Сильно боролся Всеславъ; но Изяславъ заставилъ отступить его за Нѣманъ.

Побѣдители остались на полѣ сраженія, и держали между собою совѣтъ: преслѣдовать князя Полоцкаго, или остаться на мѣстѣ до весны, чтобы начать снова войну, или возвратиться за Днѣпръ? Изяславъ предложилъ, что преслѣдовать Всеслава въ страны неизвѣстныя—опасно; оставаться на мѣстѣ, и нажидать на себя врага сильнаго—неблагоразумно. Святославъ молчалъ. «А мое мнѣніе—сказалъ простодуш-

ный Всеволодъ—возвратиться въ Россію, и, въ знакъ нашей побѣды, привести съ собою нѣсколько плѣнныхъ.» «На что намъ плѣнныхъ?» возразилъ хитрый Святославъ. «И безъ нихъ наши города народны, а чтобы истребить навсегда корень зла, надобно намъ имѣть у себя только одного.» Братья изумились, и спросили: кого онъ разумѣетъ? «Всеслава! Да, его одного взять въ плѣнъ!» «Ахъ! любезный братъ, это жестоко!» Отвѣчалъ тронутый Изяславъ. «Жестоко! нѣтъ! Вспомните, что прабабка его Рогнеда держала острый ножъ, готовый поразить грудь великаго нашего дѣда! При насъ уже отецъ его Брячеславъ терзалъ Новгородцевъ, и чего ожидать теперь отъ его сына? Хитрая рѣчь Святослава поколебала его братьевъ. «Но какъ возможно взять его въ плѣнъ? Онъ силенъ,» сказалъ робкій Всеволодъ. «Предложимъ ему миръ; отступимъ за Днѣпръ, и туда пригласимъ его для личныхъ переговоровъ, а тамъ... «Но это обманъ!» произнесъ Изяславъ. «Правда! но обманъ спасительный для милліоновъ!» Послѣднія слова Святослава убѣдили князей.

Князья сдѣлали коварное предложеніе Всеславу, и получили отъ него желанный отвѣтъ; но съ условіемъ, чтобы они выступили изъ предѣловъ Полоцкихъ. Святославъ торжествовалъ. Изяславъ и Всеволодъ были въ нерѣшимости, стыдясь своего поступка. Отступили за Днѣпръ, и остановились близъ Смоленска.

Прошелъ Мартъ (1067), прошелъ Апрѣль съ Маемъ; но о Всеславѣ не получали никакого извѣстія. Наступило 10-е Іюня, и нѣсколько лодокъ, подъ мирными флагами, пристало къ берегу. «Долго же насъ заставилъ ты, князь, ждать себя!» сказалъ

Изяславъ послѣ обыкновеннаго привѣтствія. «Это за то, что вы слишкомъ поспѣшно нагрянули на меня,» отвѣчалъ мужественный Всеславъ. «На коня надобенъ бичъ,» сказалъ Святославъ. «Кто этотъ бѣшеный конь? Объяснись, князь!» спросилъ запальчиво князь Полоцкій. «Тотъ, кто врывается въ чужой табунъ, и топчетъ лучшую паству,» отвѣчалъ спокойно Святославъ. «Понимаю, князь!» Но я имѣю право прадѣда не только на Новгородъ; но и на .. «А я, прервалъ его Изяславъ, имѣю право на Новгородъ, какъ сынъ Ярослава; а на тебя, какъ великій князь Кіевскій. Ты мой плѣнникъ!» Гордый Всеславъ побѣдѣлъ, и схватился за мечъ; но было уже поздно. Воины, по данному знаку, обезоружили и связали Всеслава. «Побѣда!» вскричалъ Святославъ, исчисливъ выгоды владѣть Полоцкою областью, какъ смежною съ Черниговскою. «Побѣда!» отвѣчалъ знаменитый узникъ,—«побѣда разбойниковъ!» Изяславъ и Всеволодъ молчали.

Съ постыднымъ тріумфомъ возвратились сыны великодушнаго Ярослава въ Кіевъ, и приказали отвести правнука великаго Владиміра въ заточеніе. Со всею военною пышностію и щедростію къ народу хотѣли князья торжествовать безчестную побѣду; но воеводы и воины, и народъ, узнавшій о коварствѣ Святослава, изъ одного только повиновенія собирались къ столамъ, разставленнымъ на площадяхъ Кіевскихъ.

Хитрый и проницательный Святославъ замѣтилъ въ Кіевлянахъ худое къ себѣ расположеніе; выпросилъ у Изяслава Полоцкъ подъ свое управленіе и выступилъ изъ Кіева. Выступилъ вскорѣ и Всеволодъ. Народъ смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ, а вои-

новъ называлъ робкими овцами, которыя цѣлымъ стадомъ напали на волка безъ когтей и зубовъ, и низвергли его.

Не долго великій князь покоился на престолѣ; не долго Всеславъ томился въ тѣсной и мрачной темницѣ. Казалось, праведный Богъ, въ наказаніе Святославу за его властолюбіе, коварство и обманъ, обнажилъ на него мечъ враговъ. Половцы, показавшіеся въ предѣлахъ Переяслава, и скрывшіеся въ Заволожскихъ лѣсахъ, вдругъ гибельнымъ ураганомъ понеслися въ Черниговскую область (1068). Святославъ затрепеталъ; затрепетала и вся полуденная Россія. Надобно было отразить силу силою. Изяславъ и Всеволодъ соединились съ своимъ братомъ, и выступили противъ враговъ.

Храбро сражался Святославъ противъ праваго, сильнѣйшаго крыла непріятельскаго. По Кіевляне и Переяславцы, зная, что они гибнутъ за несправедливаго князя, сражались слабо, и старались только отражать удары. Отъ сильнаго натиска Половцевъ, и не видя подкрѣпленія отъ воеводы Коснячки, оставленнаго назади, они замѣшались, и дали тылъ. Оставленный для подкрѣпленія сильный отрядъ, подъ начальствомъ помянутаго воеводы, не видавъ даже непріятеля, сдѣлалъ тоже. Изяславъ и Всеволодъ не могли остановить быстраго стремленія бросившихъ даже оружіе воиновъ, и сами поскакали въ Кіевъ. Оставленный Святославъ увидѣлъ себя въ необходимости отступить; но на каждомъ шагу рубился съ непріятелемъ. Такимъ образомъ дошелъ онъ до воротъ Чернигова, и заперся въ немъ. Густой дымъ, затмѣвавшій солнце, далъ знать о побѣдномъ торжествѣ Половцевъ.

Кіевляне, какъ нечаянным и ужаснымъ громомъ, были поражены вѣстію о гибельномъ ударѣ, истребившемъ и разсѣявшемъ русское воинство. Они ходили по улицамъ смятенными толпами и собирались на площадяхъ. Въ это время, показались два воина. Кони ихъ едва двигались отъ ранъ и отъ усталости, щиты, закинутые за плеча, были изрублены и пробиты копьями. Въ слѣдъ за ними тянулся нестройный рядъ пѣшихъ и конныхъ. Одни были безъ шлемовъ, другіе безъ щитовъ, съ изломанными мечами. «Это князья! а это несчастные остатки нашихъ братьевъ и друзей!» сказали со вздохомъ горожане.

Встрѣча была унылая. Великій князь отиралъ потъ и слёзы, съ поникшею головою проѣхалъ онъ молчаливые и воздыхающіе ряды, скрылся и заперся со Всеволодомъ во дворцѣ. Народъ не расходился: «Стыдъ!» восклицали они, не видя Изяслава. «Срамъ Русскимъ, отличавшимся на поляхъ битвы! Три князя, три силы не могли устоять противъ степной орды!» «За то они хитры,» сказалъ случившійся въ то время Полочанинъ. «Они умѣютъ брать въ плѣнъ храбрыхъ, не сражаясь съ ними. «Напрасно обижаешь князей нашихъ! Они сражались крѣпко, и побѣда была бы наша, если бы воевода Коснячка подалъ уставшимъ помощь!» сказалъ воинъ, стоявшій у воротъ съ сѣкирою на стражѣ. «Коснячка! вотъ кто измѣнникъ! Вотъ кто посрамилъ Русскихъ! Смерть ему!» возопилъ народъ и бросился къ дому воеводы. Изяславъ, видя возгорающееся пламя бунта, и не могши погасить его, приказалъ упрятывать лучшія сокровища свои.

Коснячка съ семействомъ своимъ спасся бѣгствомъ. Разъяренный народъ, не найдя его, бросился на раз-

грабленіе его имущества; напалъ на погреба, полные винъ и крѣпкаго меда, и раскатилъ по бревну красивыя хоромы воеводы. Потомъ съ крикомъ окружили дворецъ: «Князь! дай намъ оружіе! Мы всѣ идемъ противъ враговъ!» «Не настало еще время, друзья мои!» сказалъ князь, показавшись на переходахъ. «А намъ настала пора. Да здравствуетъ нашъ князь Всеславъ!» закричалъ народъ въ неистовствѣ. «Онъ поведетъ насъ противъ степныхъ дикарей!» Одна часть густой толпы бросилась къ теремцѣ Всеслава; другая къ кладовымъ, гдѣ хранилось оружіе, которое обирали отъ воиновъ, по окончаніи похода. Первая разбила теремчныя двери, и оковы на князѣ Полоцкомъ; другая овладѣла оружіемъ.

Изяславъ видѣлъ бѣду, и скрылся изъ Кіева со Всеволодомъ. Неистовые, не видя у теремныхъ воротъ стражи, и, узнавъ о побѣгѣ своего князя, напали на дворецъ, и похитили оставшіяся сокровища. «Да здравствуетъ великій князь Всеславъ!» раздалось въ Кіевѣ. Князья, гонимые народнымъ крикомъ, скакали по дорогѣ къ Польшѣ. Король Польскій Болеславъ II, Кривоустый, женатый на дочери Святослава, князя Черниговскаго, принялъ изгнаннаго родственника съ великимъ участіемъ, и обѣщалъ дать ему возможную помощь. Зная храбрость Всеслава и упорство Кіевлянъ, онъ составилъ сильное войско, и ввѣрилъ его князьямъ россійскимъ. Съ другой стороны Всеславъ, не желая утомить Кіевлянъ походомъ за границу, и въ надеждѣ возбудить въ нихъ большую рѣшительность, допустилъ Поляковъ за предѣлы Кіевскіе. Передъ закатомъ солнца, войска встрѣтились у Бѣлагорода. Всеславъ пожелалъ тайнаго

свиданія съ Изяславомъ, и былъ дружелюбно принятъ въ шатрѣ велико-княжескомъ. Князья долго бесѣдовали другъ съ другомъ, и разстались друзьями. Одинъ Всеволодъ былъ недоволенъ и посѣщеніемъ Всеслава, и скрытностію своего брата.

Тихо было въ станѣ Изяслава; слышанъ былъ только сиповатый свистъ отъ мечей, подъ точильными брусками. Воины готовились на битву. Не то было въ станѣ Кіевскомъ. Въ немъ открылись шумъ и великое смятеніе. Начальники и простые воины были въ крайнемъ безпорядкѣ; всѣ бѣгали отъ одного шатра въ другой, спрашивали: гдѣ ихъ князь Всеславъ? — и общій отвѣтъ: *не знаемъ*, приводилъ ихъ въ сомнительное положеніе. Наконецъ отъ стражи узнали, что какой-то всадникъ молча, закрытый шлемомъ, на зарѣ проскакалъ такъ быстро, что не льзя было остановить его. «Это Всеславъ! это онъ! Онъ оставилъ насъ, и что теперь намъ дѣлать безъ предводителя? Горе, горе намъ! Принесемъ повинную голову! Великій князь милостивъ, онъ проститъ насъ.»

Отъ Кіевскаго стана отдѣлились ратники, и съ опущенными сѣкирами и копьями приближались къ стану Изяславову. Они, пройдя переднюю стражу, остановились у шатра великаго князя, и, безъ позволенія, не смѣли войти въ него. Оставивъ оружіе, они бросились на колѣна; раскаявались въ своемъ безразсудномъ буйствѣ, и слезно просили его возвратиться на родительскій престолъ. Незлобивый Изяславъ простилъ виновныхъ, и съ родимъ войскомъ вошелъ въ Кіевъ. Поляки, неполучившіе большой награды за сдѣланный ими походъ, обратились на дорогу къ Польшѣ. Миръ и тишина возвратились для

граждань Кіевскихъ, но не для князей. Добрый Всеволодъ, разставшись съ своимъ братомъ, отправился въ Переяславъ. На дорогѣ лежалъ Черниговъ; не льзя было не посѣтить своего брата, князя Черниговскаго. Святославъ принялъ его съ обыкновенною ему суровостію. «Не стыдно ли вамъ бѣжать, какъ испуганнымъ зайцамъ, съ Альтскаго поля, и оставить меня одного? Когда сражались три силы, непріятель былъ раздѣленъ на три части; а когда Кіевляне и Переяславцы оставили однихъ убитыхъ и раненыхъ на своемъ полѣ, всѣ Половцы бросились на меня, и я принужденъ былъ отступить. Я не бѣжалъ, но отступалъ, и Половцы дорого платили за каждый шагъ впередъ. Они, не надѣясь овладѣть Черниговымъ, и, испытавъ храбрость моихъ Черниговцевъ и Сѣверянъ, удалились отъ предѣловъ моихъ.» «А мы едва не сдѣлались жертвами народнаго бѣшенства,» отвѣчалъ Всеволодъ, и добродушно разсказалъ всё, что было въ Кіевѣ.

Глаза Святослава блеснули при вѣсти, что ненавистный ему Брячеславичъ въ Полоцкѣ «Измѣна, любезный братъ, измѣна! Всеславъ помнитъ, какъ я встрѣтилъ его при Смоленскѣ. Онъ отмститъ мнѣ, и братъ Изяславъ, по связи съ нимъ, не подастъ мнѣ помощи.» Тронутый сильно Всеволодъ молчалъ. «Не мы нарушаемъ клятву, данную нашему родителю. Изяславъ, подавшій руку врагу нашего дома, отвергнулъ насъ. Пусть же будетъ онъ виновникомъ новаго кровопролитія. Предупредимъ зло! Не допустимъ сковать на себя оковъ постыдныхъ! Принудимъ соединенными силами вѣроломнаго нашего брата или отказаться отъ опаснаго для насъ союза, или оставить престолъ, обезчещенный его слабостію!» Всево-

лодъ, увлеченный словами хитраго князя, отправилъ гонца въ свои владѣнія съ приказаніемъ: вооружить-ся ратнымъ людямъ, и спѣшить къ Чернигову.

Изяславъ не зналъ ничего. Онъ старался только успокоить Кіевлянъ, оскорбленныхъ сыномъ его Владиміромъ, который, съ бывшими при немъ Поляками, будучи посланъ отцемъ своимъ въ Кіевъ для возстановленія порядка, произвелъ въ немъ кровопролитіе. Тихо и спокойно было на правой сторонѣ Днѣпра; шумно и грозно на лѣвой. Два брата, одинъ побуждаемый властолюбіемъ, другой пустымъ страхомъ, шли противъ брата, какъ противъ явнаго врага.

Воинство обоихъ было уже на половинѣ пути отъ Чернигова, а въ Кіевъ не взято никакихъ предосторожностей. Да и какъ можно было думать, чтобы князь Черниговскій, ничѣмъ неоскорбленный отъ великаго князя, и чтобы князь Переяславскій, особенно любимый старшимъ братомъ, забывъ клятву, данную предъ Богомъ, предъ умирающимъ родителемъ, и укрѣпленную цѣлованіемъ креста, безъ всякой повѣстки, напали на безоружнаго своего брата. Изяславъ призвалъ къ себѣ епископа и бояръ. «Я невиненъ, невинны и мои подданные; но кровь возстала на кровь Не хочу, чтобы она пролита была мечами, закаленными въ одномъ горнѣ. Я удалюсь изъ Кіева. Богъ не попуститъ долго торжествовать врагу моему!»—сказалъ огорченный князь, и, принявъ благословеніе отъ епископа, вышелъ изъ собранія.

Изяславъ не терялъ надежды на Болеслава Кривоустаго; но Святославъ предупредилъ его. Онъ описалъ мнимую измѣну Изяслава, его неспособность къ правленію, и свое намѣреніе занять Кіевскій престолъ во время, смутное для Россіи. Болеславу пріі-

ятно было видѣть тестя своего на великокняжескомъ престолѣ.

Изяславъ приказалъ уложить сокровища свои, и, во время темной ночи, помолясь съ семействомъ своимъ въ церкви св. Софіи, оставилъ Кіевъ. Грустенъ и молчаливъ былъ путь Изяслава къ Польшѣ. Не то было въ Кіевѣ. Тамъ звукъ военныхъ трубъ, громъ бубновъ, радостные крики въ полчищахъ и глухой шумъ народа раздавались на поляхъ и на стогнахъ Кіевскихъ. Таково было торжественное вступленіе мятежныхъ князей въ столицу Россіи! Занявъ великокняжескій престолъ, Святославъ открылъ пиршество на улицахъ, для угощенія народа. «Да здравствуетъ великій князь Святославъ!» загремѣло въ войскѣ. «Да здравствуетъ!» слабымъ отголоскомъ отозвалось въ народѣ.

Въ это время унылый Изяславъ, съ немногими преданными ему, продолжалъ одинокое шествіе, и послѣ продолжительнаго путешествія, открылся предъ нимъ Краковъ, державный городъ Польскій; но онъ едва не затворилъ воротъ несчастнымъ бѣглецамъ. Не получивъ чести, приличной великому князю Кіевскому, Изяславъ утѣшался правымъ своимъ дѣломъ.

Болеславъ, окруженный своими магнатами, принялъ несчастнаго съ обыкновенною ему гордостію. «Жалѣю о тебѣ, князь! но мы часто сами бываемъ причиною своего несчастія. Что бы сказали объ насъ, если бы мы измѣнили своимъ кровнымъ и отечеству?» Князь россійскій отвѣчалъ: «я измѣнилъ братьямъ, измѣнилъ Россіи—моему отечеству? Это клевета враговъ моихъ!» Съ помощію моею, — продолжалъ король—ты былъ близокъ къ престолу; но что побудило тебя имѣть тайное свиданіе со врагомъ дому Яро-

слава?» «Не отрекаюсь, отвѣчалъ Изяславъ, я имѣлъ свиданіе со Всеславомъ, но для блага Россіи; велъ тайные переговоры, но для усмиренія буйнаго его права; я отпустилъ его,—но послѣ клятвы, не вредить Россіи. Всеславъ нарушилъ клятву, и я обнажилъ противъ него свой мечъ. Онъ вторгнулся въ наши предѣлы, а я выгналъ его изъ Полоцка; онъ напалъ на Новгородъ, и со стыдомъ обратился въ бѣгство. Сверхъ того, военныя дѣйствія сына моего Ярополка въ землѣ полоцкой доказываютъ, что я не измѣнилъ ни братьямъ моимъ, ни отечеству!» Какъ бы то ни было, князь, отвѣчалъ пристрастный король, «теперь не могу дать тебѣ никакой помощи; не могу разорвать узъ крови, которые связываютъ меня со Святославомъ. Да сверхъ того, сознайся, князь, что мои Поляки, на обратномъ пути отъ Бѣлагорода, терпѣли и голодъ и жажду, и теперь едва ли охотно пойдутъ по такой трудной дорогѣ.» «О! что касается до этого, честь Русскихъ не терпитъ пареканія,» сказалъ Изяславъ. «При мнѣ есть много золота и серебра. Прикажи взять его столько, сколько надобно, чтобы звонъ этого металла могъ заглушить напрасныя жалобы на князя русскаго!» Кривоустый не сказалъ ни одного слова противъ такого пожертвованія, и не почелъ за грѣхъ взять золота у безпомощнаго князя.

Оскорбленный гордымъ пріемомъ короля, Изяславъ, оставивъ супругу свою, дочь бывшаго польскаго короля Мечеслава II, въ Краковѣ, отправился съ сыномъ Святополкомъ въ Бранденбургію. Генрихъ I, Маркграфъ Бранденбургскій, принялъ его съ особенною честію; но, безъ воли императора, не могъ дать ему помощи. Неизвѣстность, безпріютность и безсиліе заста-

вили Изяслава прожить цѣлый годъ въ странѣ чуждой. Въ это время слухъ о красотѣ Параскевы, дочери князя россійскаго, процесся и за предѣлы Бранденбургіи. Маркграфъ пожелалъ имѣть ее своею женою, и не получилъ отказа отъ великаго князя. Сочетаніе Бранденбургіи съ Россіею приблизило Изяслава къ трону Германскаго императора, съ надеждою получить отъ него помощь. Саксонскій маргграфъ Деди, соединенный общими видами съ Генрихомъ Бранденбургскимъ, и имѣя силу при дворѣ, представилъ Изяслава императору Генриху IV, въ Майнцѣ. Добрый Генрихъ, испытывая уже на себѣ гоненіе отъ папы, принялъ Изяслава съ сердечнымъ участіемъ; но народное волненіе въ Германіи, произведенное бурею отъ Рима, приводило добраго императора въ крайнее затрудненіе дать помощь изгнанному князю.

Послѣ многихъ совѣщаній императора съ князьями, положено было отправить нарочнаго къ Святославу, чтобы онъ примирился съ братомъ, и возвратилъ ему Кіевскій престолъ. Для такого важнаго, для Изяслава посольства, или по незнанію князя, или по коварству, назначенъ былъ Бурхардъ, епископъ Трирскій, родной братъ Ольги, второй супругъ Святослава (*). Чего можно было ожидать Изяславу отъ такого посольства? Братъ отправлялся къ родной сестрѣ, которая величалась званіемъ великой княгини россійской; къ хитрому и богатому шурину своему Святославу?

Въ это время грозныя тучи изъ Ватикана (пап-

(*) Родословникъ стр. 21.

ского дворца) неслись уже на императора. Папа Григорій VII потребовалъ отъ императора, чтобы онъ отказался отъ *Инвеституры*, т. е. давать духовнымъ лицамъ жезлъ и перстень, въ знакъ власти ихъ надъ мірянами, и чтобы онъ предоставилъ это преимущество папѣ, какъ верховной главѣ Церкви. Генрихъ оспоривалъ это преимущество, какъ императоръ. Папа бросилъ на него духовные громы; Генрихъ блеснулъ передъ ними своимъ мечемъ, и началась духовная и тѣлесная брань.

Въ началѣ этой грозы возвратился Бурхардъ изъ Кіева. Онъ представилъ императору золотые и серебряные кубки, чаши, златошвейныя греческія ткани и восточные бархаты, посланные въ даръ отъ Святослава, и оправдалъ похитителя. Генрихъ, озабоченный собственнымъ дѣломъ, поручилъ Бурхарду довести до свѣдѣнія Изяслава о слѣдствіи своего посольства. Епископъ Гпрскій былъ дѣятельнымъ и сильнымъ орудіемъ Римской Церкви. Онъ надѣялся угодить императору, избавивъ его отъ гостя *не вовремя* и оказать важнѣйшую услугу папѣ, обративъ русскаго князя къ своему вѣроисповѣданію. Краснорѣчивыя убѣжденія ученаго епископа, а сильнѣе всего необлегчимая тяжесть быть чуждымъ въ свѣтѣ, поколебали твердыя мысли убитаго несчастіемъ князя, и онъ согласился на всё; только бы съ честію возвратиться въ отечество; оправдать себя предъ лицемъ Россіи, и умереть среди любимаго имъ народа.

Святополкъ, сынъ Изяслава, съ вѣдома императора, и съ тайнымъ порученіемъ отъ отца, соглашался даже на принятіе Католическаго вѣро-исповѣданія, только бы возвратить престолъ, ему принадлежащій, отправился въ страну неизвѣстную, къ вла-

дѣтелю, наложившему уже оковы рабства на всю почти Европу; къ народу, который называлъ всѣхъ варварами.

Съ рабскими чувствованіями, но утѣшаемый и ободряемый своими спутниками, вступилъ Святополкъ въ столицу міра. Онъ получилъ наставленіе, какъ предстать предъ верховною главою Церкви, и какъ вести себя, т. е. не съ княжескою важностію, а со смиреніемъ изгнанника, ищущаго помощи, и просящаго причислить себя къ папскому стаду.

Еще изъ Майнца папа увѣдомленъ былъ о несчастіи Россійскаго князя, и о его намѣреніи искать убѣжища подъ сѣнію святительскаго престола. Чтобы поразить юнаго сѣвернаго князя своимъ величіемъ, онъ принялъ его, окруженный кардиналами и другими важнѣйшими своими чиновниками, сидя на престолѣ. Въ преддверіи Святополкъ принужденъ былъ снять шлемъ, и отложить мечъ; но со всѣмъ достоинствомъ Хрістіянина Восточной церкви и Россійскаго князя предсталъ предъ тѣмъ, который духовнымъ своимъ мечемъ, *анаѳемою*, нравственно поражалъ и царей и царства. Вмѣсто того, чтобы цѣловать крестъ на папской туфлѣ, онъ только поклонился, чѣмъ изумилъ и папу и его надмѣнныхъ сановниковъ; Святополкъ изъяснилъ причину своего посольства. Послѣ многихъ хитрыхъ вопросовъ Григорія, и осторожныхъ отвѣтовъ Святополка, обрадованный папа написалъ посланіе, въ которомъ извѣщалъ, что сынъ великаго князя далъ присягу быть вѣрнымъ Главѣ Апостоловъ, за что и вручено ему кормило государства россійскаго. Изяславъ съ надеждою оставилъ Майнцъ.

Провидѣніе не долго испытывало Изяслава, и со-

хранило князей россійскихъ отъ папскаго *креста*. Не доѣзжая до Кракова, Изяславъ получилъ извѣстіе о смерти Святослава, брата своего и врага, и былъ принятъ королемъ съ честію, какъ союзникъ и какъ покровительствуемый Папою. Болеславъ возвратилъ ему всѣ сокровища; потому что отъ Рима прогремѣли слова: Хищники не впидутъ въ царствіе небесное, ежели не возвратятъ похищеннаго.

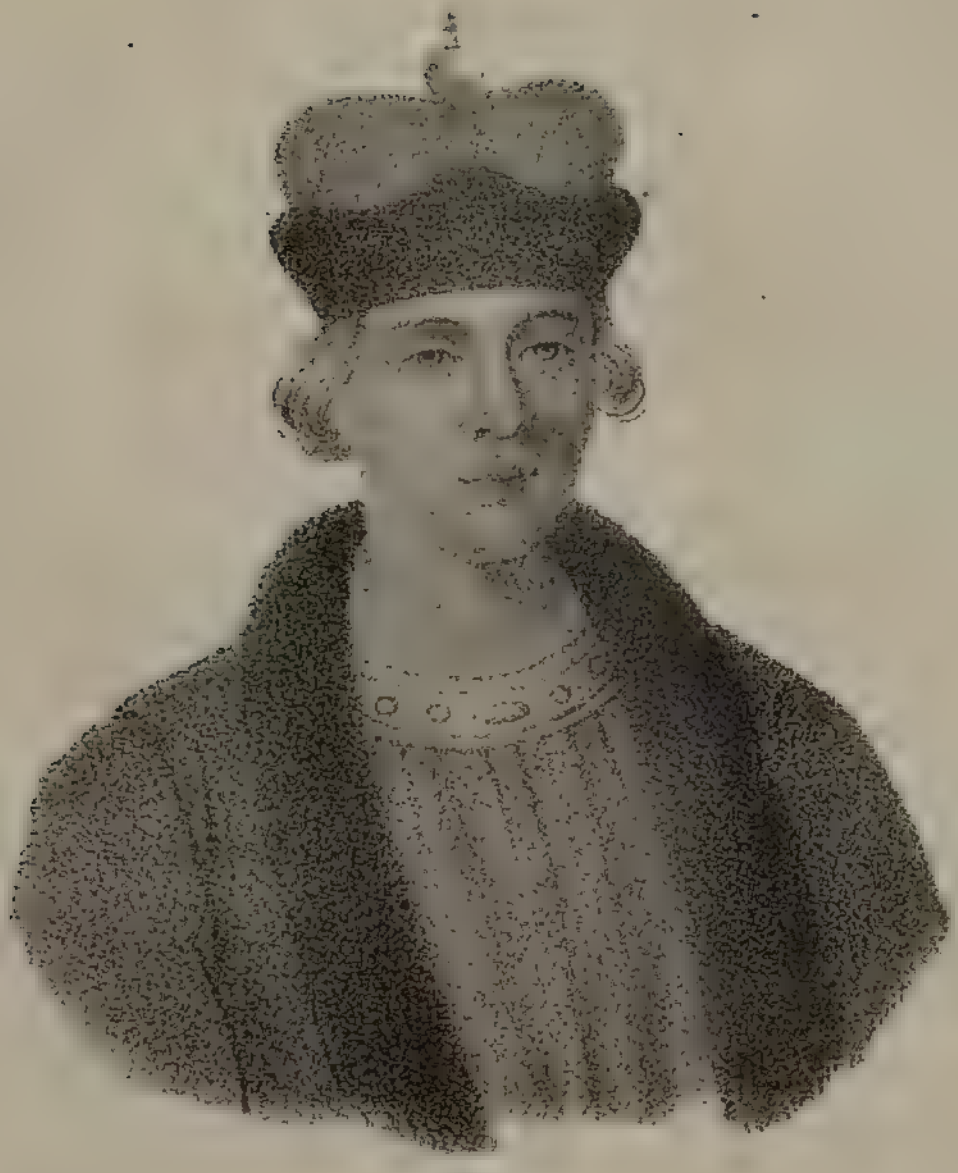
Изяславъ не думалъ, чтобы добрый Всеволодъ, занявшій оспоренный Кіевскій престолъ, сдѣлалъ ему сопротивленіе. Всеволодъ возставалъ противъ своего брата; но онъ былъ къ тому увлеченъ силою. Онъ любилъ Изяслава, и вмѣсто шума оружія встрѣтилъ его въ Волыни съ радостнымъ привѣтомъ. Два брата среди торжественныхъ восклицаній народа вступили въ сопротствующій Кіевъ, и объявили народу всепрощеніе. Всеволодъ получилъ Черниговъ, а сынъ его Владиміръ (Мономахъ) Смоленскъ.

Приводя всѣ въ прежній порядокъ, Изяславъ сдѣлалъ ошибку для Россіи. Святославъ, бывъ на Кіевскомъ престолѣ, отдалъ сыну своему Олегу Ростовъ, во Владимірской области. Изяславъ лишилъ его удѣла, и заставилъ жить въ Черниговѣ, подъ надзоромъ Всеволода. Гордый и мстительный Олегъ, не терпя неволи, скрылся въ Тмуторокань къ родному брату своему, Борису Святославичу. Онъ представилъ ему несправедливость князей, которые не только лишили его Чернигова, какъ наслѣдія послѣ отца; но изгнали изъ удѣла. Борисъ принялъ изгнаннаго и во взаимныхъ совѣщаніяхъ напомнилъ ему, что и самъ, по праву Мстислава удалаго, имѣетъ права на южную Россію. Пятыя полчища Половцевъ толпились уже на мирныхъ берегахъ Дона, и вскорѣ силь-

ная рать двинулась къ Чернигову. Всеволодъ встрѣтилъ ее; былъ пораженъ жестоко, и бѣжалъ въ Кіевъ. Олегъ и Борисъ заняли Черниговъ. Половцы не опустили случая грабить.

Поздно Изяславъ увидѣлъ свою ошибку. Враги были сильны и люты. Надобно было побороть и усмирить ихъ силою. Изяславъ съ сыномъ своимъ Ярополкомъ, кн. Вышгородскимъ; Всеволодъ съ сыномъ своимъ Владиміромъ, кн. Смоленскимъ, выступили противъ Чернигова. Битва закипѣла на поляхъ близъ Чернигова. Храбрый Борисъ, кн. Тмутороканскій, палъ въ свирѣпомъ пылу сраженія. Изяславъ пронзенъ былъ копьемъ. Олегъ съ Половцами отступилъ. Смерть на короткое только время опустила свою косу, чтобы поселиться въ странахъ, гдѣ нѣтъ ни братской любви, ни единства между единоплеменными.

Изяславъ былъ убитъ на 59 году отъ рожденія.



11.м

СВЯТОСЛАВЪ. 11.м

В. К. Кіевскій.

Ч. 1. Стр. 125.

СВЯТОСЛАВЪ

НА КІЕВСКОМЪ ПРЕСТОЛѢ.

1073 — 1077

4.

Святославъ, сынъ Ярослава Владиміровича, родился въ 1027 году, въ то время, какъ отецъ его, разбитый у Листвена братомъ своимъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, при свиданіи въ Городцѣ (противъ Кіева) заключилъ съ нимъ миръ, и уступилъ ему всю Заднѣпровскую, бывшую Козарскую, область.

Въ дѣтствѣ Святославъ любилъ ученіе, и въ успѣхахъ не уступалъ брату своему Всеволоду, но далеко превосходилъ его въ силѣ, и ловкости дѣйствовать оружіемъ. Въ юношескомъ возрастѣ онъ раздѣлялъ военные труды отца своего, и укрѣпилъ свое тѣло. Это былъ вторый Святославъ, отродившійся въ своемъ правнукѣ, и правнукъ Святославъ не напрасно носилъ на себѣ его имя. Таже тѣлесная крѣпость, тотъ же мужественный взоръ, та же горделивая осанка, которыми отличался герой Востока и Юга, видны были въ юномъ Святославѣ. Всѣ братья чувствовали его преимущество передъ собою, и тѣмъ

болѣе давали усиливаться властолюбивымъ его наклонностямъ.

Послѣ паденія Святополка, и по опустѣніи дома Мстислава, Ярославъ, храня единство Русскаго народа, не давалъ дѣтямъ своимъ удѣловъ, а посылалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ города намѣстниками. Святославъ скучалъ, особенно въ мирное время; къ дѣламъ, которыхъ требовало лучшее устройство Россіи, онъ не имѣлъ никакого расположенія. Военныя игры, охота въ самыхъ отдаленныхъ Двинскихъ лѣсахъ; воспитаніе собственныхъ дѣтей, состоявшее болѣе въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, занимали нетерпѣливаго Святослава. На 45-мъ году отъ рожденія, когда Ярославъ чувствовалъ на себѣ холодную руку смерти, и желая сохранить миръ между братьями, дѣлилъ Россію, Святославъ, какъ глась съ неба, услышалъ, что отецъ его дастъ ему хлѣбородный Черниговъ, богатую Тмуторокань, лѣсистый и пашаемый двумя большими рѣками Муромъ.

Отдавъ послѣдній слезный долгъ своему родителю, Святославъ вступилъ во владѣніе обширнѣйшаго удѣла, и въ кругъ дѣятельности. Отдаленныя отъ Черниговa области: Муромъ и Тмуторокань, требовали непосредственнаго управленія и защиты, первая отъ Черемисы и Мордвы, вторая отъ дикихъ горцевъ, не признавшихъ надъ собою власти Мстислава, побѣдителя Редеди, и даже отъ Грековъ, тайныхъ недоброжелателей Россіи Борисъ и Олегъ казались ему надежнѣйшими оплотами, чтобы удержать въ тѣхъ областяхъ стремленіе полу-дикихъ народовъ. Перваго съ отборною дружиною отправилъ онъ въ Муромъ, а Бориса въ Тмуторокань.

Безпокойный правнукъ Рогнеды, Всеславъ, князь

Полоцкій, напалъ на сѣверные предѣлы княжества Черниговскаго, но Святославъ оставилъ мщеніе до времени, и далъ себѣ клятву распространить свои владѣнія до р. Немана и до Варяжскаго (Балтійскаго) моря. Вскорѣ открылся тому случай. Князь Полоцкій наслѣдовалъ отъ отца своего, Брячеслава, ненависть къ дому Ярослава; напалъ на Новгородъ, разграбилъ его, и въ Кіевѣ загремѣла труба бранная.

Это былъ важный случай для властолюбиваго и воинственнаго князя: быстрѣе молніи прянули гонцы во всѣ концы Черниговской области. Скоро составились ополченія изъ храбрыхъ Черниговцевъ, Сѣверянъ, Радимичей, Муромцевъ и изъ быстрыхъ наѣздниковъ береговъ Кубанскихъ. Не спокойствіе Россіи, не усмиреніе буйнаго князя Полоцкаго, но мысль овладѣть его областью вели Святослава къ измѣнѣ. Онъ осадилъ Минскъ, взялъ его приступомъ, и произвелъ въ немъ ужасное опустошеніе. Сразившись храбро на Нѣманѣ со Всеславомъ, предводительствовавшимъ Полочанами, Пруссами и Литовцами, и не предвидя успѣха въ борьбѣ съ народомъ воинственнымъ, склонилъ онъ братьевъ къ постыдной измѣнѣ; безчестною встрѣчею и обидными словами довелъ онъ пылкаго Всеслава до гордыхъ объясненій, и, наложивъ цѣпи на храбраго князя, потомка храбраго Рогвольда и великодушнаго Владиміра, торжествовалъ.

Стоны Всеслава въ Кіевской темницѣ, доносимые въ Черниговъ летучею молвою, были для Святослава самою сладкою, усыпительною пѣснею. Половцы нарушили его покой шумомъ своего оружія на землѣ Черниговской; но онъ сражался съ ними храбро, и началъ отступать только тогда, когда Изяславъ и Всеволодъ обратились въ бѣгство.

Въ то время, какъ Всеславъ, провозглашенный отъ народа великимъ княземъ Кіевскимъ, занималъ праздный престолъ, Святославъ, зная храбрость новаго князя и не великое къ себѣ расположеніе Кіевлянъ, молчалъ, ожидалъ, чѣмъ кончится удаленіе Изяслава, и втайнѣ вооружался всѣми хитростями, чтобы соткать изъ нихъ сѣть и изловить неосторожныхъ. Всеславъ бѣжалъ отъ Кіевскаго престола. Святославъ приблизился къ нему вѣрнымъ шагомъ. Возвращавшемуся въ Ростовъ добродушному Всеволоду представилъ онъ мнимую опасность со стороны миролюбиваго Изяслава; устрашилъ его, представивъ будущую ихъ участь, и принудилъ его взять участіе въ клятвопреступномъ междоусобіи.

Изяславъ удалился изъ отечества и князь Черниговскій—на Кіевскомъ престолѣ съ грознымъ жезломъ правленія надъ всею Россіею. Чтобы показать себя ревнителемъ спокойствія, онъ отдалъ Всеволоду богатый Черниговъ, и, за его помощь, прибавилъ къ его будущимъ владѣніямъ нѣкоторые города въ южной Россіи, не касаясь Тмуторокани. Тамъ княжилъ сынъ его Борисъ. Владиміра Мономаха, сына Всеволодова, оставилъ въ Смоленскѣ, почтивъ его лестнымъ названіемъ защитника Россіи противъ буйнаго и хищнаго Всеслава, а Олега, своего любимца, изъ Мурома перевелъ въ Ростовъ, главный городъ Суздальской или Бѣлоозерской области. Святославъ почиталъ себя на престолѣ, какъ на гранитной скалѣ.

Мирно протекли два года княженія Святослава, и ничто не возмутило его покоя. Шумныя празднества, и различныя, невиданныя потѣхи, которыя князь давалъ часто народу, заглушили даже тайный ропотъ противъ нелюбимаго прежде Святослава Чер-

пиговскаго. Кіевъ превратился въ позорище роскоши, забавъ и игръ военныхъ. Самые Половцы, испытавъ крѣпкую грудь Русскихъ подъ Черниговымъ, или уважая брачный союзъ Всеволода съ ихъ княжною, пріутихли.

Такимъ блаженствомъ упивался похититель престола; въ такомъ оглушительномъ наслажденіи народъ щиталъ дни свои одними новыми удовольствіями, когда прибыло посольство изъ Майнца въ Кіевъ. Переступивъ предѣлы Россійскіе, Борхардъ удивлялся, встрѣчая вездѣ народъ сильный, красивый и веселый. Все давало знать послу о счастіи и довольствѣ подданныхъ Святослава и расположило его въ пользу своего зятя. . . . . .

Великій князь Россійскій встрѣтилъ посольство со всею пышностію, окруженный сановитыми боярами; послѣдуемый отроками и дружиною въ блестящихъ панцыряхъ и шлемахъ, принялъ любезнаго гостя далеко за городомъ, и средп веселаго народа въѣхалъ съ нимъ во дворецъ. Великая княгиня Ода, Ольга, по принятіи Греческаго исповѣданія, встрѣтила давно невиданнаго своего брата съ тою радостію и нѣжностію, какія только можетъ воспитать въ сердцѣ долговременная разлука.

Пирамъ и народнымъ увеселеніямъ не было конца, но въ роскошномъ упоеніи Борхардъ не забылъ цѣли своего посольства. Въ полномъ собраніи знатнѣйшихъ бояръ онъ изложилъ жалобу изгнаннаго Изяслава и участіе, какое принялъ въ немъ императоръ Генрихъ IV. Святославъ не почелъ за нужное оправдываться самъ; но указалъ на своихъ бояръ и на народъ. Счастливые княземъ своимъ вельможи оправдали своего благодѣтеля, а вопрошенные старшины народа воз-

дыхали объ странствующемъ добромъ князѣ, и молчали. Такой отвѣтъ передъ пристрастнымъ Борхардомъ сильно говорилъ въ пользу его зятя.

Неприметно текло время для Трирскаго епископа, католика среди Хрістіанъ греческаго исповѣданія. Послѣ занятія дѣлами посольства, часто бесѣдовалъ онъ съ пастырями Россійской Церкви о догматахъ Вѣры; о первенствѣ церкви западной, доказывая, что въ Римѣ возсіяло Евангеліе прежде, нежели въ Греціи, и что Апостолъ Петръ поставилъ въ немъ папскій престолъ за-долго до появленія главы Греческой Церкви въ Византіи. Кіевское духовенство отвѣчало, что первое крещеніе отъ Іоанна, воплощеніе Сына Божія, его ученіе и чудеса, страданіе, смерть и Воскресеніе совершились не на Западѣ; что на Востокѣ первая проповѣдь спасенія заставила народы, закоренѣлые въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ идолопоклонствѣ, нетерпящіе чуждаго ученія, ходить тысячами за Божественнымъ проповѣдникомъ Христомъ. Доводы были просты, но неоспоримы, и ученый проповѣдникъ отъ запада, ревностный исполнитель воли папы Григорія VII, молчалъ и видѣлъ, на какомъ твердомъ камени опирается Восточная Церковь.

Наконецъ пробилъ Борхарду часъ возвращенія его въ Германію. Увѣреніе, что императоръ не только не въ состояніи дать помощи скитающемуся князю, но по ссорѣ съ папою, самъ имѣетъ въ ней нужду: золотыя и серебреныя чаши, кубки, ковши, чеканные за-моремъ; дорогіе мѣха, дань горъ Уральскихъ; шелковыя, златошвейныя греческія ткани и бархаты, сотканныя на востокѣ; дары императору и его послу, были самыми убѣдительными статьями договора.

Святославъ остался на Кіевскомъ престолѣ въ совершенной безопасности и довольствѣ. Сокровища со всѣхъ сторонъ текли въ Кіевъ рѣкою, и обладатель его покоился на лонѣ роскошнаго и нѣжнаго изобилія. Но перстъ Божій готовъ уже былъ коснуться до властолюбца. Отъ пресыщенія, Святославъ почувствовалъ боль въ горлѣ, но онъ не обратилъ на нее никакого вниманія до тѣхъ поръ, пока она, усилившись, не стала ему препятствовать въ принятіи пищи и въ глотаніи даже сладкихъ винъ. Тогда мученіе князя заставило супругу его Ольгу употребить способъ, извѣстный въ ея отечествѣ. Призвали знахаря, перобѣвшаго отрѣзать самую голову, и Святославъ въ мученіи, раскаиваясь въ несправедливости противъ старшаго своего брата, на 50 году отъ рожденія, умеръ подъ ножемъ русскаго оператора въ 1077.

ВСЕВОЛОДЪ

(Андрей),

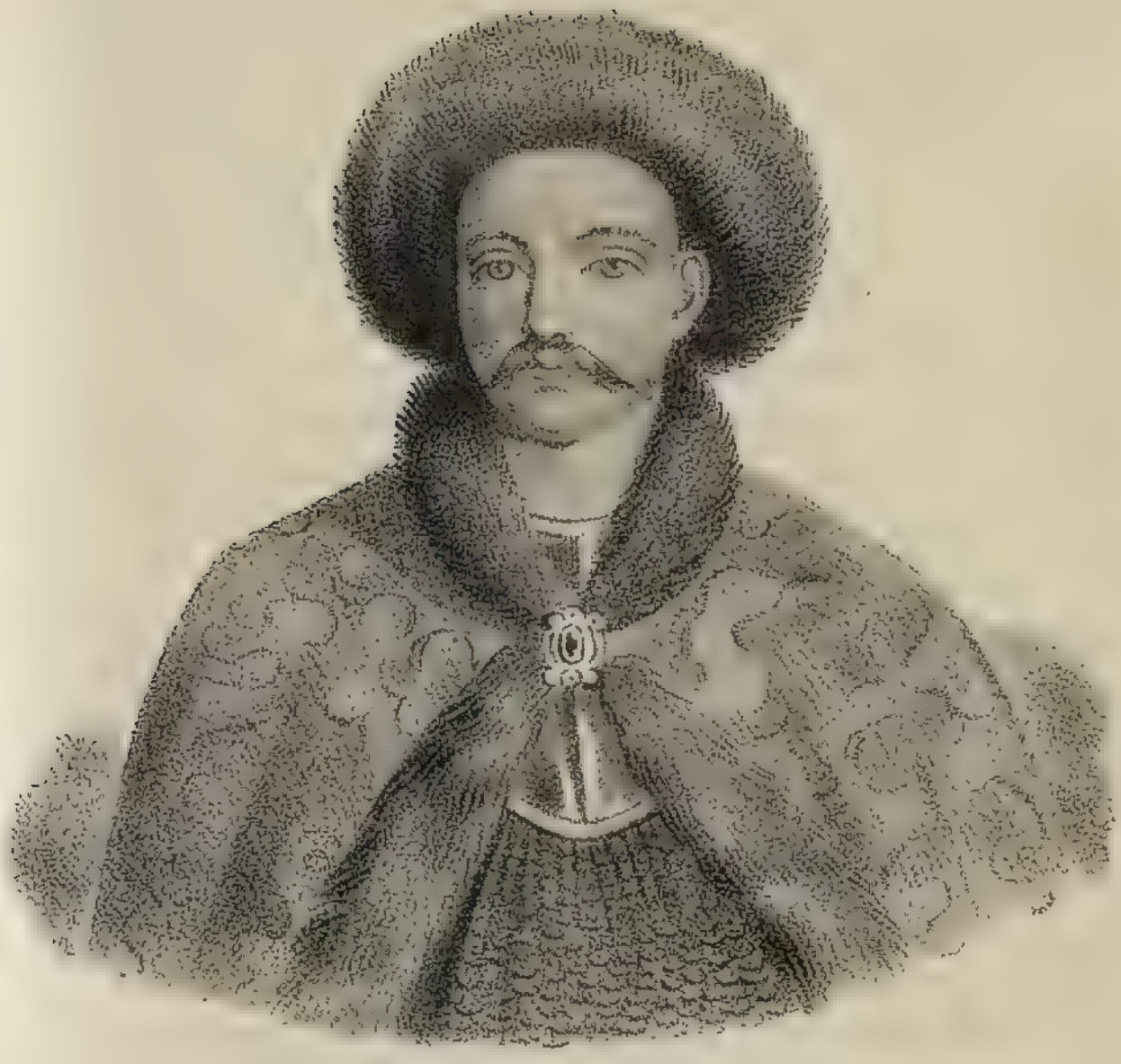
НА КІЕВСКОМЪ ПРЕСТОЛѢ.

1078—1093

15.

Всеволодъ, сынъ Ярослава, родился въ тотъ самый 1030 годъ, когда родитель его, усмиряя возмутившихся Ливонцевъ, положилъ основаніе городу Юрьеву—Дерпту.

При необыкновенной кротости, Всеволодъ любилъ чтеніе, особенно занимался онъ древними языками. Чтеніе твореній св. отцевъ, писавшихъ на Греческомъ языкѣ, имѣло сильное дѣйствіе на его разумъ и сердце. Первый утвердился на несокрушенномъ камени Вѣры; второе напиталось Евангельскою кротостію, любовію и смиреніемъ. Онъ оказывалъ безусловное повиновеніе своему родителю, и былъ имъ любимъ такъ, что его только допустилъ онъ закрыть свои глаза. Уваженіе къ старшимъ братьямъ, особливо къ Святославу, доходило до боязливости, а любовь къ народу—до смиренія. Родитель Всеволода,



12.и

ВСЕВОЛОДЪ. 1.и

В. К. Кіевскій.

Ч. 1. Стр: 132.

Ярославъ, видя такую кротость и мирное расположеніе въ сынѣ, избралъ для него, по своему и по его сердцу умную и просвѣщенную Греческую царевну Анну, дочь храбраго императора Константина Мономаха, и сочеталъ его съ нею бракомъ.

Такая счастливая чета сочетала вторично и Россію съ просвѣщенною страною — Грецією, примѣръ высокихъ супруговъ не остался безъ подражанія: и въ Россіи явились писатели тогда, какъ въ западной Европѣ требовалось отъ священниковъ, чтобы они умѣли произносить слова, употребляемые при крещеніи; а дочь Всеволода, Анна, любимая своею матерію, заняла отъ нея страсть къ просвѣщенію и благочестію; путешествовала въ Грецію; видѣла тамъ безсмертные памятники наукъ и художествъ; возвратилась въ Россію; постриглась, и въ 1090 году завела въ Кіевѣ первое училище для дѣвицъ.

Воля родителя была для Всеволода священна. Съ сыновнею покорностію принялъ онъ отдаленное княжество Переяславское; но оставался въ Кіевѣ до 1067 года, въ который скончалась первая супруга его Анна. Не успѣвъ еще оплакать своей невозвратной потери, онъ имѣлъ несчастіе быть свидѣтелемъ пораженія Переяславцевъ на р. Альтѣ, бѣжалъ съ поля битвы отъ Половцевъ; видѣлъ возмущеніе Кіевлянъ, по случаю измѣны воеводы Коснячки; дѣлилъ изгнаніе съ братомъ своимъ Изяславомъ, и по добродушію, или по робости своей, былъ виновникомъ похищенія Кіевскаго престола и бѣгства Изяслава.

Чтобы не видѣть пролитія крови хрістіянской, Всеволодъ получилъ отъ Святослава Черниговъ, вступилъ во второй бракъ съ княжною Половецкою, на-

званною во св. Крещеніи, въ память доброй княгини, Анною. Отдавъ послѣдній долгъ брату своему, великому князю Святославу, и не имѣя вѣрныхъ извѣстій о странствующемъ Изяславѣ, Всеволодъ принялъ правленіе въ Кіевѣ съ тѣмъ, чтобы сохранить престолъ для законнаго государя.

Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же 1077 году возвратился Изяславъ; но радость добраго Всеволода была непродолжительна. На другой годъ онъ имѣлъ несчастіе видѣть паденіе брата своего и благодѣтеля, сражавшагося за него противъ возставшихъ племянниковъ. Таково было слѣдствіе изгнанія изъ Ростова Олега Святославича, который имѣлъ право на Черниговъ по смерти своего отца.

Горесть Всеволода превосходила народныя страданія, когда тѣло великодушнаго Изяслава на ладіи привезли изъ Чернигова въ Кіевъ. Онъ затворился въ Черниговѣ; занимался бѣдственною участію князей, и не думалъ о Кіевскомъ престолѣ, столь опасномъ для сидящихъ на немъ. Но Кіевляне знали добродѣтели его. Ихъ убѣжденія заставили кроткаго Всеволода переселиться въ безпокойный Кіевъ, и принять жезлъ правленія.

Забывъ властолюбіе и несправедливыя домогательства брата своего Святослава, и испытанное уже огорченіе отъ дѣтей его, вмѣсто того, чтобы для спокойствія Россіи признать Олега законнымъ владѣтелемъ Чернигова, онъ отдалъ его сыну своему Владиміру Мономаху, и перевелъ его въ этотъ городъ изъ Смоленска, который отдалъ, вмѣстѣ съ Новгородомъ, Святополку сыну Изяслава. Такая несправедливость и пристрастіе оскорбили гордыхъ братьевъ, Олега и Романа, которые почитали себя изгнан-

ными изъ отечества, а Тмуторокань мѣстомъ своего заточенія. Они не дали времени новому великому князю осмотрѣться на своемъ престолѣ и, составивъ изъ Половцевъ полчища, вторглись въ Кіевскіе предѣлы. Но въ Кіевѣ была на стражѣ в. княгиня Анна, бывшая княжною Полоцкою. Однимъ взоромъ своимъ привела она сыновъ степей въ онѣмѣніе, и завѣтнымъ словомъ, какъ магическимъ изрѣченіемъ, заставила хищниковъ, готовыхъ на грабежи и убійства, просить мира у князя Кіевскаго. Вожди Половецкіе разкаялись въ необдуманномъ предпріятіи противъ зятя и дочери своего князя. Они представлялись Всеволоду; потребовали отъ Романа платы за издержки въ походѣ; получили грубый отказъ, и въ произшедшей ссорѣ убили его въ виду Кіева. Олегъ спасся бѣгствомъ въ Константинополь; но тамъ царствовалъ еще Константинъ Мономахъ, дѣдъ Владиміра, противъ котораго вооружился ищущій спасенія въ бѣгствѣ. Можно думать, что неласковый пріемъ при дворѣ императорскомъ заставилъ Олега удалиться на островъ Родосъ. Тамъ прожилъ онъ два года, и когда узналъ отъ Родосцевъ, что жители Тмуторокани недовольны намѣстниками, которыхъ посылалъ Всеволодъ, и безсильными князьями, оспоривавшими другъ у друга его собственность, возвратился въ Тмуторокань.

При такой непріятной вѣсти, гонецъ изъ Смоленска донесъ Всеволоду, что этотъ городъ, любимый сыномъ его Владиміромъ, и оставленный имъ безъ защитниковъ, разграбленъ и обращенъ въ кучу пепла отъ Всеслава и его Полочанъ.

Мѣра огорченій для Всеволода еще не исполнилась. На печальной колесницѣ лежало окровавлен-

ное тѣло прекраснѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго юноши. Погребальное шествіе приближалось къ Кіеву. Ярополкъ, второй сынъ Изяслава, бывъ у дяди своего Всеволода въ Кіевѣ, спокойно возвращался въ удѣлъ свой—Червенскій Звенигородъ. Совѣсть праведника представляла ему на пути дѣла минувшія въ красотѣ рая, а будущія въ вѣнкѣ прелестной надежды. Не думая ни о какой опасности, онъ забылся въ сладкой дремотѣ. Вѣрные отроки, чтобы не перервать его мирнаго покоя, отстали отъ колесницы на нѣсколько шаговъ. Они не знали, что между ними былъ злодѣй. Этотъ злодѣй, по имени, *Перядець*, вѣроятно, подкупленный искателемъ Волыни, обильной плодами, замѣтивъ неосторожность отроковъ, поскакалъ впередъ и вонзилъ ножъ въ бокъ князя, не имѣвшаго на себѣ кольчуги. «Умираю отъ руки робкаго злодѣя! но я всегда завидовалъ смерти св. Бориса и Глѣба,» сказалъ Ярополкъ, и скончался. Отроки погнались за убійцею; но онъ скрылся въ Перемышлѣ.

Всеволодъ былъ счастливъ въ семействѣ; но не счастливъ на престолѣ. Государь добрый болѣетъ еще о многочисленнѣйшемъ семействѣ, о своихъ подданныхъ. Въ 1092 году необыкновенный жаръ солнца попалилъ нивы; небывалое трясеніе земли, голодъ, вмѣсто обилія съ тучныхъ полей, и смерть, поразившая въ три мѣсяца 7000 Кіевлянъ, привели шестидесяти-двухъ-лѣтняго старца въ крайнее уныніе и разслабленіе. Онъ оставилъ дѣла правленія, и на другой годъ скончался.

Всеволодъ, по завѣщанію любившаго его родителя Ярослава, погребенъ подлѣ него въ церкви св. Софіи.

13.[к]

СВЯТОПОЛКЪ II.[к]

В. К. Кіевскій.

С. 1. Стр 137.

СВЯТОПОЛКЪ II

(Михаилъ),

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.

1093 — 1112

19.

1051 годъ, въ который родился Изяславу Святополкъ, замѣчателенъ и потому, что дѣдъ его Ярославъ, доставивъ Россіи самостоятельность, хотѣлъ, чтобы она была также независима и по дѣламъ церковнымъ отъ Константинополя. Въ 1051 году призналъ онъ Луку Жидяту достойнымъ епископскаго сана въ Новгородѣ, а въ Кіевѣ поставилъ митрополитомъ священника Иларіона.

Какъ протекли юныя лѣта Святополка, исторія не слѣдовала за ними; но можно сказать, что теченіе ихъ было спокойно до 20 года его возраста; тогда начались несчастія для его родителя. Лютые непріятели, бунтъ въ Кіевѣ и измѣна Всеслава, князя Полоцкаго, показали исторіи Святополка.

Родитель его Изяславъ, возвратясь послѣ перваго изгнанія въ Кіевъ, отмстилъ вѣроломному князю Полоцкому. Сильнымъ приступомъ взялъ Полоцкъ; но исторія не говоритъ, чтобы Святополкъ участвовалъ

въ этой кровавой битвѣ. Она показываетъ его княземъ въ Полоцкѣ, который получилъ онъ, во время изгнанія Всеслава, послѣ кончины старшаго брата своего Мстислава. Несчастіе великаго князя Изяслава увлекло и Святополка за собою. Всеславъ частыми нападеніями на Полоцкъ не давалъ ему покоя, а услышавъ о нападеніи князей Черниговскаго и Переяславскаго на Кіевъ, со всѣми силами напалъ на Полоцкъ. Святополкъ не былъ рожденъ ко брани; безъ всякаго сопротивленія оставилъ онъ Полоцкъ; соединился съ своимъ родителемъ, и дѣлилъ съ нимъ четырехлѣтнее странствованіе по Европѣ. По возвращеніи Изяслава, и по возстановленіи велико-княжескаго дома въ Кіевѣ, Святополкъ получилъ богатый и гордый Новгородъ. Онъ воевалъ противъ Всеслава; но эта война не сдѣлала ему никакой чести.

Оплакавъ кончину родителя своего Изяслава, Святополкъ былъ утѣшенъ расположеніемъ къ себѣ дяди своего Всеволода, вступившаго на Кіевскій престолъ. Бывъ въ Кіевѣ во время торжественнаго избранія великаго князя, онъ пользовался отеческими его ласками, особеннымъ уваженіемъ бояръ, и дружествомъ Владиміра, сына Всеволодова, который всегда и вездѣ уступалъ ему первое мѣсто. «Князь!» сказалъ ему Всеволодъ въ собраніи бояръ и воеводъ, «со времени предка нашего Святослава, Новгородъ, богатый торговлею съ иностранцами, всегда отдавался старшему сыну Кіевскаго князя; но я, любя твоего родителя, и отдавая всю справедливость твоей къ нему привязанности, оставляю и утверждаю тебя княземъ Новгородскимъ. Только будь остороженъ среди народа гордаго и самолюбиваго!»

Святополкъ цѣловалъ колѣно своего добраго дяди,

и возвратился въ Новгородъ. Таковое предпочтеніе и покровительство возгордили неосторожнаго. Онъ не призывалъ на совѣтъ старшинъ; часто противорѣчилъ Посаднику на вѣчѣ; почти не удостоивалъ граждань благосклоннаго своего взгляда, и его холодность охолодила къ нему сердца Новгородцевъ. Вѣсть объ убіеніи любимаго имъ брата, кроткаго Ярополка представилась ему въ ужаснѣйшей картинѣ измѣны, коварства и злобы. Онъ сдѣлался подозрителенъ, робокъ, и очень рѣдко показывался народу. Гордые Новгородцы почли такую перемѣну въ князѣ для себя оскорбительною. Въ бесѣдахъ и на торговыхъ мѣстахъ говорили, что князь не любитъ ихъ; что боится ихъ, какъ какихъ-то злодѣевъ, а такого князя имъ ненадобно. Таковое расположеніе Новгородцевъ доведено было до свѣденія Святополка, и онъ, по своей недовѣрчивости и робости, согласился изъ богатаго, веселаго Новгорода переселиться въ лѣсистый и болотистый Туровъ, на рѣку Принеть, изъ котораго двоюродный братъ его, Давидъ Игоревичъ, переведенъ былъ во Владиміръ на Волыни.

Кончина Всеволода обнаружила тайныя мысли и намѣренія бояръ Кіевскихъ. Они знали строптивость и легкомысліе Святополка; знали коварство Олега Святославича и дружбу его съ Половцами, знали военныя и гражданскія доблести Владиміра Всеволодовича, и въ общемъ совѣтѣ положили предложить ему вѣнецъ великаго князя, и, при томъ, по завѣщанію его родителя. «Воля родителя моего для меня священна. Я исполню ее въ свое время!» отвѣчалъ великодушный князь Черниговскій. «Междоусобіе терзаетъ Россію, не хочу видѣть язвъ плачущей нашей матери, и уступаю предлагаемый вами вѣнецъ Свя-

тополку, какъ сыну старшаго предъ отцами нашими брата.» Таковый отказъ князя, достойнаго владѣть цѣлымъ міромъ, удивилъ бояръ, и заставилъ ихъ исполнить его желаніе.

Избраніе Святополка было совершено въ церкви св. Софіи. Да здравствуетъ великій князь Святополкъ! раздалось въ Кіевѣ, и пронеслось въ землю половецкую. Тугоркашъ, главный надъ Половцами, уважая миръ и родственную связь своего предшественника со Всеволодомъ, послалъ знатнѣйшихъ изъ Половцевъ въ Кіевъ съ поздравленіемъ и предложеніемъ продолжать миръ, связывавшій Россіянъ съ его народомъ. Подозрѣніе и недовѣрчивость, родившіяся въ сердцѣ великаго князя послѣ убіенія брата его Ярополка, и укрѣпившіяся отъ нерасположенія къ нему Новгородцевъ, заставили Святополка сдѣлать первые невѣрные шаги на великомъ поприщѣ обладателя. Онъ не только принялъословъ съ суровостію; но назвалъ ихъ соглядатаями, и велѣлъ посадить въ темницу.

При всей ненависти Кіевлянъ къ Половцамъ, а можетъ быть, предвидя бѣдствія, шептали въ Кіевѣ о несправедливости князя, и этотъ шепотъ переходилъ далѣе и далѣе; дѣлался слышнѣе и слышнѣе, и грознымъ голосомъ раздался въ землѣ Полоцкой. «Измѣна! мщеніе!» громомъ раздалось въ аулахъ. Запылали мирныя села на поляхъ княжества Кіевскаго; гонимые и поражаемые жители, въ безпорядкѣ и отчаяніи бѣжали къ Кіеву. Святополкъ увидѣлъ свою ошибку, но поздно. Провозглашено всеобщее вооруженіе; но недовольные Кіевляне отказались идти поголовно противъ лютаго непріятеля, и

только восемь сотъ ратниковъ явились подъ стягъ велико-княжескій.

Помощь была необходима. Владиміръ слышалъ уже о нашествіи, соединился съ роднымъ братомъ, юнымъ Ростиславомъ, княземъ Переяславскимъ, и спѣшилъ къ Кіеву. Соединенныя силы двинулись на полдень отъ Кіева и остановились близъ Триполя. Оградившись слабо земляным укрѣпленіемъ, князья ожидали непріятеля. Святополкъ сталъ противъ лѣваго его крыла; Владиміръ противъ праваго, а Ростиславъ въ срединѣ. Половцы, пылая мщеніемъ противъ Святополка, ударили на него всѣми своими силами. Кіевляне, обѣщавшіе себѣ вѣрную побѣду, не могли съ холодностію выдержать пламеннаго удара, и не смотря на отчаянную храбрость ихъ князя, замѣшались и показали тылъ. Переяславцы и Черниговцы отчаянно сражались; но побѣгъ Кіевлянъ смѣшалъ ихъ ряды.

Смятеніе въ русскомъ воинствѣ сдѣлалось неописаннымъ. Половцы врѣзались въ смѣшенные полки его, и только дикій ревъ тигровъ надъ своею добычею, глухой стукъ мечей по обнаженнымъ головамъ, и пронзительный, болѣзненный вопль раздавались въ воздухѣ. И Мономахъ въ первый разъ долженъ былъ уступить силѣ, особливо, когда увидѣлъ, что братъ его Ростиславъ, спасаясь отъ мечей непріятельскихъ, бросился въ быструю р. Стугну, и утопалъ. Онъ, забывъ всеобщее пораженіе, спѣшилъ спасти своего любимца, но Ростиславъ погибъ невозвратно. «Князь! — сказалъ ему Григорій, Чудотворецъ Печерскій, передъ походомъ — ты погибнешь отъ воды.» «А ты отъ чего зловѣщій старикъ?» спросилъ запальчиво юноша. «Отъ чего будетъ угодно Богу, отвѣчалъ сми-

ренно Григорій. «А я тебѣ скажу, что не я, а ты погибнешь отъ воды!» произнесъ Ростиславъ, и велѣлъ утопить пророчественнаго старца въ Днѣпрѣ.

Святополкъ бѣжалъ въ Кіевъ; часть Половцевъ преслѣдовала его. Онъ сразился съ ними подъ стѣнами Кіевскими, и, пораженный, спасся только съ двумя воинами. Пожары, грабежи, убійства были торжествомъ для непріятелей. Наконецъ Половцы выступили изъ предѣловъ Кіевскихъ, и гнали передъ собою обоего пола и разнаго возраста плѣнныхъ.

Мщеніе Половцевъ за вѣроломство князя было люто, и нанесенныя ими язвы южной Россіи были слишкомъ глубоки. Излѣчить ихъ невозможно было въ скорости; но чтобы загладить несправедливый свой поступокъ, Святополкъ просилъ, и получилъ отъ князя ихъ Тугоркана руку его дочери, и вступилъ съ нею въ бракъ, избравъ для нея имя св. Елены, своей прабабки. Такимъ эгидомъ Святополкъ прикрылъ только себя, и обнажилъ другіе члены Россіи на пораженіе враговъ. Въ томъ же 1094 году Олегъ, сынъ Святослава Черниговскаго, узнавъ, что Святополкъ, по родственной связи съ Тугоркапомъ, не можетъ подать помощи Владиміру, напалъ на него съ Половцами; потребовалъ Чернигова, какъ законнаго наслѣдства послѣ отца своего, и грозилъ опустошеніемъ. Миролюбивый Владиміръ уступилъ ему Черниговъ, и съ своимъ семействомъ возвратился въ прежній удѣльный свой городъ Переяславль.

Увѣнчанный побѣдою на поляхъ Половецкихъ, Святополкъ въ 1095 году возвратился въ Кіевъ. Народъ встрѣтилъ его радостными криками, и съ торжествомъ провожалъ во дворецъ великокняжескій; но не таково было расположеніе удѣльныхъ князей

къ Святополку. Они знали его слабость и малодушіе, и успѣхи въ землѣ Половецкой приписывали Мономаху, который былъ главою въ этомъ удачномъ походѣ. Сильные изъ нихъ ставили себя на ряду съ Кіевскимъ княземъ, а малосильные, почитая себя недовольными своими удѣлами, не относясь къ великому князю, нападали другъ на друга, и изгоняли себя взаимно изъ удѣловъ. Подобныя насилія, и частые переходы князей изъ одного удѣла въ другой, привели Россію въ какое-то мутное броженіе корысти и властолюбія.

Богъ не одарилъ Святополка способностями, необходимыми для Государей. Повелѣнія великаго князя оставались безъ исполненія; удѣльные князья не почитали уже братскаго согласія священнымъ. Одно право сильнаго сдѣлалось для нихъ закономъ. Въ такомъ эпидемическомъ состояніи Россіи надобно было употребить сильное средство, и это средство нашелъ Мономахъ. Онъ предложилъ Святополку пригласить всѣхъ удѣльныхъ князей въ Кіевъ, и съ общаго согласія удовлетворить желанію и требованію каждаго.

Гонцы, посланные съ грамотами, возвратились, и вручили великому князю отвѣты, согласные съ его волею и съ увѣреніемъ въ покорности. Одинъ только Олегъ Черниговскій, Муромскій и Тмутороканскій отвѣчалъ, что онъ старшій по Святополкѣ; что не хочетъ унизить своего достоинства совѣтомъ съ подданными; что не хочетъ уступить имъ, или согласиться съ ними, и Россію превратить въ республику. Таковый отказъ былъ оскорбителенъ для великаго князя, обиденъ для Мономаха, презрителенъ для бояръ и народа Кіевскаго. «Олегъ врагъ отече-

ству, врагъ народу Русскому» сказали громко князья и бояре.

Вновь возсталъ братъ на брата, и загорѣлось междоусобіе.— Олегъ, услышавъ о сильномъ противъ себя вооруженіи, и не надѣясь крѣпко на вѣрность Черниговцевъ, ушелъ въ Стародубъ, и заперся въ немъ. Святополкъ и Владиміръ не только съ радостію были приняты въ Черниговъ; но Владиміръ вновь провозглашенъ княземъ Черниговскимъ. Отсюда князья двинулись къ Стародубу. Война любитъ кровь, и она лилась мѣсяцъ изъ подъ-кольчугъ и броней на потоптанную траву около Стародуба. Но послѣ многихъ ударовъ и сильныхъ отраженій, Стародубъ потрясенъ былъ ропотомъ народа и воиновъ. Голодъ истощилъ ихъ силы, и Олегъ смирился.

Искренно или притворно было примиреніе; но оно спасло Россію отъ варваровъ. Половцы, мстя за нарушеніе мира, а болѣе, желая вознаградить свою потерю, для вѣрнѣйшаго успѣха раздѣлились на двѣ половины. Одна напала на Берестовъ; разграбила и сожгла дворецъ Княжескій; другая, подъ предводительствомъ Тугоркана, свирѣпствовала въ городѣ Устьѣ, любимомъ мѣстопребываніи Владиміра. Поразивъ Половцевъ подъ Кіевомъ, князья бросились на Тугоркана. Упорное и кровопролитное сраженіе открылось на р. Трубежѣ, и показало превосходство Россіянъ надъ Половцами. Тугоркань съ сыномъ своимъ палъ на полѣ битвы. Князья торжествовали побѣду за Днѣпромъ.

Бонякъ, другой князь половецкій, пользуясь отсутствіемъ князей, напалъ на столицу Святополка; ворвался въ лавру въ темную ночь; забралъ золото, серебро съ другими драгоцѣнностями: зарѣзалъ мона-

ховъ, молившихся на колѣнахъ; и поспѣшно удалился. Святополкъ поспѣшилъ въ Кіевъ, и былъ встрѣченъ воплемъ и рыданіемъ народа. Гнаться за Боянкомъ было уже поздно. Отмстить Половцамъ оставилъ Святополкъ до заключенія братскаго союза съ Олегомъ. Но каково было его огорченіе, когда услышалъ, что Олегъ изъ Стародуба съ войскомъ пошелъ на Смоленскъ, съ котораго незаконно бралъ дань, а оттуда отступилъ въ область Переяславскую, завладѣлъ Переяславлемъ и Ростовомъ! Юный Изяславъ Владиміровичъ сразился съ своимъ дядею, и палъ въ сильномъ бою. Олегъ овладѣлъ Муромомъ.

Такія вѣсти убили въ Святополкѣ надежду на возстановленіе спокойствія въ Россіи; но сильныя убѣжденія Мономаха и сына его Мстислава склонить Олега къ миру; особенно съѣздъ князей (1097) воскресили ее. По желанію Владиміра, кн. Черниговскаго, совѣщаніе о полюбовномъ раздѣлѣ открыто въ Любечѣ, бывшемъ въ его области.

Въ обширной храминѣ поставленъ былъ налой съ животворящимъ Крестомъ и Св. Евангеліемъ, свѣтъ, проникавшій въ узкія окна располагалъ всѣхъ къ смиренію и скромности. Послѣ молитвы, Епископъ открылъ засѣданіе рѣчію, которая начиналась: *Се что добро, или что красно, но еже братіи жити вкупѣ.* Князья, тронутые не краснорѣчіемъ, но силою Божія слова, заняли по старшинству мѣста на коврѣ. Святополкъ сѣлъ на первое; примирившійся Олегъ взялъ правую руку; Владиміръ лѣвую, а за ними и прочіе по порядку. Епископъ открылъ совѣщаніе. Онъ представилъ Россію нѣжною Матерію, воспитавшею дѣтей для своей радости; представилъ ее пораженною печалію, когда ея милые сыны, вмѣсто

того, чтобы покоиться на груди ея въ миръ и во всякомъ довольствѣ, подобно лютымъ звѣрямъ, терзали другъ друга, и упивались кровію подъ багровыми заревами отъ горящихъ городовъ и селъ. Тихій ропотъ былъ слышанъ между князьями. «Право наслѣдства священно, сказалъ Олегъ; но я лишенъ Чернигова, который отстоялъ грудью отецъ мой при Изяславѣ. Я возвратилъ его на короткое время, и стыжусь сказать: съ помощію враговъ нашему Отечеству; но пыпѣ за справедливый отказъ быть на съѣздѣ лишенъ его, и обезславленный именемъ врага народа русскаго, принужденъ чрезъ трупъ юнаго Изяслава вступить въ собственный мой городъ. «Оплакиваю раннюю кончину сына моего Изяслава, отвѣчалъ Владиміръ. Такова участь всѣхъ идущихъ на смерть; но оплакиваю горячайшими слезами гордость и корыстолюбіе князей, которые терзаютъ Россію. Князь и любезный мой братъ! Черниговъ былъ причиною многихъ золъ для Россіи. Я уступаю его тебѣ съ Рязанью, Муромомъ и прочими городами. Владѣй ими! – Удивленіе князей слышно было въ тихомъ шепотѣ. – «Ты побѣдилъ меня, братъ! громко сказалъ Олегъ, отнынѣ я врагъ всякому, кто нарушитъ спокойствіе! Послѣ клятвы хранить миръ и братское согласіе, князья съ благоговѣніемъ цѣловали Крестъ и Евангеліе, и въ знакъ общаго союза, обнялись.

Но между князьями былъ легковѣрный Пилатъ и предатель Іуда. Давидъ, сынъ Игоря и внукъ Ярослава, переходившій, по своей строптивости, изъ удѣла въ удѣлъ, получилъ на Совѣтѣ Владиміръ на Волыни. Онъ имѣлъ виды на красивый и богатый Теребовль; но этотъ городъ, со времени Всеволода, принадлежалъ Василько Ростиславичу, двоюродному

племяннику Давида. Не смотря на близкое родство, Давидъ умыслилъ самый лютый ковъ противъ добрѣйшаго князя.

По окончаніи соглашеній, и по увѣреніи во взаимной любви и согласіи, Давидъ отправился съ Святополкомъ въ Кіевъ, а Василько съ Олегомъ и Владиміромъ въ Черниговъ. Несчастный не предвидѣлъ, что онъ, угождая Олегу и Владиміру, далъ время Давиду изострить на себя ножъ. По прибытіи въ Кіевъ, Давидъ льстилъ Святополку, и вошелъ къ нему въ совершенную довѣренность. Легковѣрный слушалъ со вниманіемъ вѣроломнаго. Давидъ представилъ ему, что Василько, какъ внукъ Владиміра, старшаго брата предъ Изяславомъ, и имѣя право первородства, съ помощію Поляковъ, намѣренъ овладѣть Кіевскимъ Престоломъ. Слабый Святополкъ поколебался. - «Кровь за кровь, око за око,» вскричалъ онъ.

Ангельское согласіе между князьями родственниками, пиры и народныя игры удержали Василька въ Черниговѣ до поздней осени. Спѣша въ Теребовль, онъ не хотѣлъ явиться къ Великому князю въ Кіевѣ, чтобы не быть удержану; оставилъ отроковъ въ станѣ за городомъ; самъ, къ несчастію, отправился въ Кіевъ «помолился въ монастырѣ Архангела Михаила», имѣлъ трапезу съ братіею, и былъ узнанъ. Послѣ всего отправился въ свой станъ съ намѣреніемъ, на другой день 5 Ноября, продолжать путь; но въ то время, какъ отроки сѣдлали коней въ дорогу, явился отъ Великаго князя боярин съ приглашеніемъ увидѣться съ Святополкомъ. Василько приказалъ подвезти коня.— «Князь! сказалъ отрокъ, вооружись, сердце мое тоскуетъ, оно вѣщунъ!» Уваженіе и любовь къ старшимъ не допустили до серд-

ца Василькова словъ предвѣщихъ. Василько сѣлъ на коня, и поскакалъ во дворецъ съ однимъ отрокомъ.

Святополкъ умѣлъ скрыть гнѣвъ свой на Василька; встрѣтилъ его съ привѣтомъ дяди, и вмѣстѣ съ Давидомъ ввелъ его въ теремъ. Чистая совѣсть въ открытомъ взглядѣ, искреннее обращеніе, и покорная невинность въ словахъ смутили Святополка. Онъ, подъ какимъ-то предлогомъ, оставилъ Василька съ Давидомъ, который трепеталъ предъ своею жертвою; но адъ превозмогъ и далъ силы Давиду совершить злодѣяніе. Палачи бросились на безоружнаго князя, и, не смотря на его сильное сопротивленіе, связали ему руки и ноги; положили на простую тѣлегу; покрыли толстыми коврами, чтобы никто не слышалъ стона страдальца, и поскакали къ Бѣлгороду. Здѣсь совершили они ужасное дѣло: не тронувшись красотою князя, они обрѣзали ему вѣки, и выкололи зѣницы. Отрокъ Василька слѣдовалъ за убійцами: узналъ ихъ, быстро примчался въ станъ подъ Кіевомъ, и всѣ отроки поскакали въ Черниговъ.

Святополкъ мучился совѣстію: онъ созвалъ духовныхъ и Бояръ; представилъ Василька виновнымъ въ убіеніи брата его Ярополка, и справедливость своего поступка; но не получилъ одобренія. «Почему Давидъ, возразили бояре, не открылъ злодѣянія Василька въ Любечѣ, и не представилъ его на судъ всѣхъ князей? Почему онъ сдѣлалъ доносъ тайный; воспользовался добродушіемъ Великаго князя, и какъ тать, ускакалъ изъ Кіева»? Съ неудовольствіемъ на Великаго князя, и съ крайнимъ негодованіемъ на Давида, разошлись духовные и мірскіе сановники.— Между тѣмъ Давидъ прискакалъ во Владиміръ на Волыни, и приказалъ посадить его въ темницу.

Владимiръ, Олегъ и братъ его Давидъ, кн. Рязанскiй, пораженные такимъ неслыханнымъ въ Россiи злодѣйствомъ, и страданiемъ несчастнаго Василька, рѣшились отмстить преступникамъ клятвы, лишь только утвержденной крестнымъ цѣлованiемъ. Они съ сильнымъ ополченiемъ явились на лѣвомъ берегу Днѣпра, и потребовали отъ Святополка доказательствъ вины Василька, и отчета въ неслыханномъ самосудствѣ надъ удѣльнымъ, независимымъ княземъ.—Слабый Святополкъ не зналъ, что дѣлать. Онъ рѣшился бѣжать; но вдовствующая супруга Всеволодова Анна и Митрополитъ Кiевскiй отправились въ станъ князей, и первый притупилъ острый мечъ мечемъ слова, а вторая слезами своими погасила пламень, пылавшiй въ сердцахъ мстителей. Убѣжденные князья согласились на примиренiе, но съ тѣмъ, что, если Святополкъ почитаетъ Давида главнымъ виновникомъ жестокости противъ Василька, самъ отмститъ бы ему за обманъ, и вознагражденiемъ утѣшилъ бы страдальца.

Въ 1099 году неохотно выступилъ Святополкъ противъ Давида; осадилъ Владимiръ, и заставилъ князя бѣжать въ Польшу. Не довольствуясь приобрѣтенiемъ Владимiрской области въ гордости и въ заблужденiи своего разума, вѣроломецъ объявилъ права свои на Перемышль и Теребовль. Сыны Ростислава Володарь и Василько ужаснулись, получивъ такое требованiе; но, надѣясь на Бога и на свое правое дѣло, рѣшились отразить силу силою. Между тѣмъ Святополкъ съ сильнымъ войскомъ вошелъ въ предѣлы ихъ владѣнiй, и почиталъ уже себя совершеннымъ властелиномъ; но онъ забылъ, что Богъ караетъ преступниковъ.

Володарь, братъ Василька, ведя за собою вѣрную дружину, и Василько, пѣшій, безъ шлема, безъ латъ, съ обвязанною головою явились предъ воинствомъ Святополка. «Злодѣй! произнесъ Василько грознымъ голосомъ,—ты лишилъ меня драгоцѣнѣйшаго чувства—зрѣнія. Теперь же противъ всѣхъ законовъ и правды, хочешь отнять у насъ родительское наслѣдство. Вотъ мой поборникъ!»—И возвысилъ обѣими руками Крестъ.—«Мщеніе!»—раздалось въ ополченіи Василька, и оно стремглавъ бросилось на враговъ. Святополкъ отважно принялъ защитниковъ правды; сразился, но со всѣмъ своимъ воинствомъ почувствовалъ какой-то внезапный страхъ, и обратился въ бѣгство. Такова сила Креста! Ростиславичи гнали Святополка до предѣловъ своихъ владѣній. Они не хотѣли преступить клятвы, войдя въ чужое Волынское княжество. Святополкъ остановился во Владимірѣ, изъ котораго выгналъ Давида, и возвращаясь въ Кіевъ, оставилъ въ немъ побочнаго сына своего Мстислава. Давидъ съ помощію Венгровъ осадилъ Владиміръ. Храбро защищался Мстиславъ; но, стоя на стѣнѣ, и натягивая лукъ, былъ пронзенъ стрѣлою, и вскорѣ умеръ. Святополкъ послалъ воеводу Вышату съ войскомъ прогнать Давида отъ Владиміра. Вышата врасплохъ напалъ на осаждающихъ; заставилъ Давида бѣжать, и былъ принятъ Владимірцами съ радостію; но Святополкъ не могъ удержать Владиміра. Давидъ съ Половцами выгналъ Вышату, и по прежнему утвердился съ своей Столицѣ.

Давидъ, уловившій въ сѣти свои недальновиднаго Святополка, поколебалъ спокойствіе въ Россіи, и всѣ князья смотрѣли на него, какъ на общаго своего врага. По желанію Святополка, всѣ они, во второй

разъ собрались близъ Кіева, и Давида, виновника бѣдствій западной Россіи, лишили Владиміра Волынскаго. Спокойствіе возстановилось внутри Россіи; но оно всегда было въ опасности со стороны Половцевъ.

Святополкъ со Владиміромъ Мономахомъ, начальствуя надъ многочисленнымъ ополченіемъ другихъ князей, по слѣдамъ Великаго Святослава, вступили въ землю, отнятую у Россіи дикими Половцами. Четыре дня шло воинство отъ Днѣпра къ Востоку, и наконецъ встрѣтило непріятеля въ нынѣшней землѣ Донскихъ козаковъ. Сраженіе было упорно; но искусство Мономаха одолѣло превосходство силъ. Русскіе одержали великую побѣду, и возвратились съ богатою добычею. Въ 1112 году Святополкъ имѣлъ еще удовольствіе видѣть у ногъ своихъ пораженныхъ Половцевъ въ славномъ противъ нихъ походѣ; но заболѣлъ, и вскорѣ скончался на 61-мъ году отъ своего рожденія.

ВЛАДИМІРЪ II

(Василій)

МОНОМАХЪ.

1113 — 1125

12.

Владиміръ (въ родословникѣ Ѳеодоръ) родился въ 1053 году отъ Всеволода Ярославича, и первой супруги его Анны, Греческой царевны. Онъ не имѣлъ счастія внимать наставленіямъ мудраго дѣда своего Ярослава; но у него была мать воспитанная въ тогдашней мудрости при дворѣ Константинопольскомъ. Отъ нея научился онъ кротости, братскому согласію и миролюбію; былъ храбръ и великодушенъ.

На 25 году отъ рожденія Владиміръ былъ княземъ Смоленскимъ, и съ этого времени начинаются его ратные подвиги. Всеславъ, кн. Полоцкій, измѣнилъ Изяславу послѣ его вторичнаго возвращенія на престолъ Кіевскій. Оскорбленный великій князь послалъ въ Полоцкую область войско подъ начальствомъ сына своего Святополка и Владиміра; но этотъ, можетъ быть, первый шагъ на воинномъ поприщѣ не пока-

14.й

ВЛАДИМІРЪ II.й МОНОМАХЪ.

В. К. Кіевскій.

Ч.1. Стр.152.

зываетъ во Владимірѣ великодушнаго рыцаря. Онъ не сразился, не усмирилъ буйнаго князя; но, разграбивъ и предавъ пламени Минскъ, возвратился къ отцу своему Всеволоду въ Черниговъ; предложилъ ему множество золота и серебра, и далъ миръ, на которомъ особенно угощалъ грустнаго Олега. Этотъ князь, по отнятіи у него Ростова, жилъ въ Черниговѣ въ праздности и скукѣ.

Ни ласки Владиміра къ Олегу, ни покорность, какъ къ старшему двоюродному брату, ни всѣ угожденія, какъ къ гостю, ничто не могло тронуть Олега, и возбудить въ немъ братскую любовь. Онъ видѣлъ въ немъ сына похитителя отцовскаго наслѣдства. Владиміръ проникъ въ злоумышляющую его душу, въ буйное сердце, и просилъ родителя своего Всеволода, имѣть надъ нимъ строгій надзоръ. Но Всеволодъ былъ слишкомъ добръ и довѣрчивъ. Владиміръ оставилъ Черниговъ, и возвратился въ Смоленскъ. Олегъ, подъ видомъ охоты въ лѣсахъ отдаленныхъ, получилъ позволеніе выѣхать изъ Чернигова, и составивъ свиту изъ преданныхъ къ себѣ, въѣхалъ въ землю Половцевъ. Здѣсь, обѣщая великія выгоды сынамъ грабежа, если они пойдутъ съ нимъ на Черниговъ, добрался до Тмуторокани къ двоюродному брату своему Борису, и вооружилъ его противъ Всеволода.

Снова возгорѣлось междоусобіе. Олегъ и Борисъ съ Половцами, вломились въ предѣлы Черниговской области; Всеволодъ встрѣтилъ ихъ; но былъ разбитъ и, оставивъ Черниговъ властолюбцамъ, бѣжалъ въ Кіевъ къ Изяславу. Черниговцы присягнули Олегу, какъ наслѣднику Святослава. Молва о пораженіи отца Владимірова, и о потерѣ Чернигова, донеслась до Смоленска. Владиміръ изъявилъ все свое него-

дованіе противъ коварнаго Олега, воины его стояли уже подъ княжескимъ стягомъ въ полномъ вооруженіи.

Движеніе Владиміра было быстро. Толпы Половцевъ, разсѣявшихся по Черниговской области, бѣжали отъ него, и собирались вокругъ Чернигова, въ которомъ не было князей. Олегъ, почитая себя обладателемъ отцовскаго наслѣдія, ѣздилъ съ Борисомъ изъ одного города въ другой, и бралъ отъ жителей присягу въ подданствѣ. Владиміръ пробился сквозь густыя толпы къ Чернигову. Онъ потребовалъ отъ жителей сдачи города; но они отвѣчали ему, что не могутъ измѣнить клятвѣ своей. Съ стѣсненнымъ сердцемъ Владиміръ осадилъ Черниговъ, и овладѣлъ его наружными укрѣпленіями; но, услышавъ, что Изяславъ и отецъ его съ сильною ратію идутъ на Половцевъ, оставилъ осаду, и соединился съ ними. Олегъ и Борисъ, собравъ разсѣянныя толпы Половцевъ, бросились на соединенныя силы князей, и произошло сраженіе жестокое. Борисъ палъ, и Олегъ пустился въ бѣгство. Побѣда стала на правой сторонѣ.

По праву старшаго въ родѣ, «Всеволодъ былъ провозглашенъ Великимъ княземъ Кіевскимъ; Владиміръ получилъ отъ него Черниговъ. Спокойствіе не надолго порадовало Россію. Всеславъ, кн. Полоцкій, напалъ на Смоленскъ, ограбилъ его и зажегъ со всѣхъ сторонъ. Владиміръ съ Черниговскою ратію поспѣшилъ на помощь къ любимому городу, въ которомъ нѣсколько лѣтъ княжилъ въ мирѣ и любви; но нашелъ только одинъ дымящіяся развалины; погнался за грабителемъ; но не достигши его, въ пылу своего гнѣва, огнемъ и мечемъ опустошилъ его область.

Чѣмъ громче раздавался звукъ непобѣдимаго Владимірова оружія, тѣмъ сильнѣе отзывался онъ въ сердцѣ Олега. Этотъ кн. рѣшился смирить гордость кн. Черниговскаго, или истоптать Россію. Онъ съ Половцами осадилъ Черниговъ, и требовалъ, чтобы Владиміръ возвратилъ ему отеческое наслѣдство.

Часто Владиміръ восходилъ на городскія высоты; смотрѣлъ на варварское неистовство Половцевъ, и рѣшился погасить пожары и остановить пролитіе крови. Онъ послалъ сказать Олегу, чтобы онъ пощадилъ имущество и жизнь своихъ подданныхъ; что Владиміръ уступаетъ ему Черниговъ не по жребію побѣды, а только по любви къ Россіянамъ, чтобы сохранить имъ жизнь и имущество.

На 3-й день раздался громъ бубновъ; отворились городскія вороты и вооруженная передовая дружина выѣхала съ княжескимъ стягомъ. За нею на богатоубранномъ конѣ ѣхалъ самъ Владиміръ. Грозный видъ его удерживалъ хищныя руки. Какъ гордый побѣдитель ѣхалъ князь между нестройными толпами степныхъ дикарей, и, какъ нѣжный отецъ, прибылъ къ торжествующимъ Переяславцамъ.—Военный шумъ и уныніе въ Черниговѣ; звонъ колоколовъ, радостные крики, пѣсни, пляски въ Переяславѣ.

Послѣ удачной войны съ Половцами, отъ которой отказался Олегъ; послѣ обиднаго отказа его явиться на съѣздъ князей въ Кіевѣ, и послѣ его побѣга въ Стародубъ, Владиміръ опять получилъ Черниговъ; но уступилъ его въ Любечѣ. По возстановленіи спокойствія на Западѣ, сильно потрясенномъ несчастіемъ Василька, Владиміръ надѣялся отдохнуть въ любимомъ своемъ Переяславлѣ; но хищныя руки Половцевъ не допустили его забыться на лонѣ спокойствія.

Они, какъ хищные волки, не видя большей предосторожности, ворвались въ предѣлъ Переяславской области, и отогнали весь скотъ, сдѣлавъ великое насиліе мирнымъ жителямъ. Владиміръ воззвалъ къ князьямъ, и Святополкъ Кіевскій, Олегъ Черниговскій и прочіе соединились съ нимъ; напали на варваровъ, кололи, рубили, топили въ рѣкахъ, и истребляли ихъ во множествѣ.

Не смотря на то, что Владиміръ женилъ сына своего Юрія на дочери князя Половецкаго, спокойствіе не продолжалось и двухъ лѣтъ. Жалобы на хищничество Половцевъ неслись со всѣхъ сторонъ, и, по вызову Владиміра, всѣ князья рѣшились истребить враговъ въ землѣ Русской.

Составилось сильное ополченіе, и Владиміръ былъ избранъ его предводителемъ, онъ вступилъ въ землю плодородную, напояемую тихимъ Дономъ; гналъ варваровъ стадами передъ собою; но сіи варвары, стѣснившись отъ сильнаго натиска, отразились и окружили Россіянъ. Крѣпко стояли сразившіеся другъ противъ друга; трескъ ломавшихся коній, жужжаніе стрѣлъ; кровь, лiющаяся ручьями, крики раненыхъ и стоны умиравшихъ — все представляло упорную, небывалую битву на смерть; но между русскими витязями былъ Мономахъ. Онъ скакалъ между сражавшимися; разилъ непріятелей; ободрялъ своихъ и сломилъ враговъ. Половцы бѣжали. Владиміръ гналъ ихъ до самаго ихъ вертепа, и задавилъ бы ихъ, если бы болѣзнь, поразившая В. князя Святополка, не остановила его.

Этотъ походъ положилъ предѣлъ мятежному княженію Святополка. Болѣзнь усиливалась болѣе и бо-

лѣе, и наконецъ въ 1113 году прервала нить его 63-лѣтней жизни.

Совершивъ погребеніе Святополка съ почестями, приличными великому князю, Кіевляне въ общемъ Совѣтѣ Духовныхъ, Бояръ, Воевудъ и знатнѣйшихъ гражданъ единогласно нарекли Владиміра великимъ княземъ Кіевскимъ. Они знали, что Олегъ Черниговскій, происходя отъ старшаго предъ Всеволодомъ брата, имѣлъ большее право на престолъ Кіевскій; но у нихъ было въ свѣжей памяти зло, какое терпѣла Россія отъ него и отъ союзниковъ его Половцевъ.

Владиміръ, получивъ вѣсть о кончинѣ великаго князя, прослезился, и, при нѣніи панихиды, стоя въ церкви, молился и привелъ всѣхъ въ умиленіе. Въ одинъ вечеръ, когда всѣ въ Переяславлѣ и во дворцѣ, подъ кроткою рукою попечительнаго своего князя, покоплись сладкимъ сномъ, Владиміръ въ уединенной своей храминѣ, при свѣтѣ лампады, горѣвшей предъ образомъ Спасителя, въ глубокой думѣ, занимался участію осиротѣвшаго Кіева.

Въ это время кто-то постучался въ дверь уединенной храмины его. Дверь разтворилась, и вошелъ инокъ, за нимъ боярипъ, воевода и первый изъ гражданъ Кіевскихъ. Изумленный Владиміръ, принявъ благословеніе отъ инока, привѣтствовалъ вошедшихъ съ обыкновенною ему ласкою, и на вопросъ, что заставило ихъ съ такимъ нетерпѣніемъ видѣть его, получилъ отъ инока отвѣтъ: «Князь великодушный! Тебѣ извѣстно, что мы остались безъ главы. Церковь, Совѣтъ Бояръ, воинство и знаменитые граждане избрали тебя на Кіевскій престолъ. Гряди утѣшить сѣтующихъ и защищать Святыню отъ вра-

говъ!» Дорога для меня любовь, которую имѣютъ ко мнѣ жители Первопрестольнаго града; но я не могу быть ихъ княземъ, не хочу зажигать войну междоусобную. Есть старшіе меня въ родѣ: Володарь Ростиславичь, кн. Теребовльскій и Олегъ Святославичь кн. Черниговскій. Пусть церковь и знаменитые Кіевляне просятъ кого-нибудь изъ нихъ къ себѣ на княженіе, и если они откажутся, я не отрекусь заступить мѣсто князя Кіевскаго.

Представители Кіева, пораженные кротостію и словами храбрѣйшаго и умнѣйшаго изъ князей, не могли ничего сказать напротивъ, и оставили князя. На другой день, по прибытіи посланниковъ въ Кіевъ, народъ узналъ волю Владиміра, и, вмѣсто того, чтобы ей повиноваться, оказалъ буйство. «Не надо намъ ни Ростиславичей, ни Святославичей—кричали по улицамъ и площадямъ—Владиміръ Всеволодовичь князь нашъ, онъ боится враговъ и не ѣдетъ къ намъ. Мы истребимъ ихъ. Это любимцы Святополка, и первый изъ нихъ корыстолюбивый Вышата.»—Всѣ бросились къ дому Воеводы, и, не найдя въ немъ никого, разбросали его по бревну.

Князь! въ Кіевѣ бунтъ — сказалъ гонецъ Владиміру; народъ почитаетъ врагами тебѣ всѣхъ любимцевъ Святополковыхъ; какъ Бояре такъ и самая вдовствующая великая княгиня въ опасности.»—Владиміръ опоясалъ тяжелый мечъ; бросился на коня, и поскакалъ къ Кіеву.

«Жидовъ! жидовъ теперь намъ надобно! они съ Святополкомъ и Вышатою имѣли на откупѣ соль; продавали ее дорогою цѣною; давали намъ въ заемъ деньги, и, три раза въ годъ, брали съ насъ росты. Жидовъ!» и уже въ нѣкоторыхъ домахъ съ звономъ

трещали стекла; валились крыши, поднимая удушливую пыль клубами, и стукъ топоровъ раздавался о крѣпкіе сундуки, какъ вдругъ Владиміръ молніею ударилъ на бунтующихъ. «Народъ!—вскричалъ онъ громкимъ, повелительнымъ голосомъ, это ли храбрые ваши подвиги противъ безоружныхъ и беззащитныхъ? Едва неистовые услышали грозный голосъ; едва увидѣли любимаго своего князя передъ собою, какъ бросивъ топоры, ломы и другія орудія, окружили Владиміра, цѣловали руки, ноги, даже копя, что онъ принесъ къ нимъ надежду государя, и кричали, сколько было силъ: «Съ нами Владиміръ! съ нами великій князь нашъ!»

Окруженный толпою народа, Владиміръ въѣхалъ во дворецъ, и въ тотъ же день собралъ совѣтъ. Всѣ умоляли его принять кормило правленія; но Владиміръ, представляя бѣдствія отъ междоусобія, былъ неумолимъ. Наконецъ согласился вступить онъ на Кіевскій престолъ; но тогда, когда старшіе братья: Володарь и Олегъ признаютъ его къ тому достойнымъ. Вскорѣ гонцы поскакали въ Теребовль и Черниговъ съ грамматами, и возвратились съ единодушнымъ поздравленіемъ Владиміра съ достоинствомъ великаго князя. «Теперь я вашъ! сказалъ Владиміръ собравшемуся духовенству, боярамъ, воеводамъ и знаменитымъ гражданамъ. Громкій звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ возвѣстилъ народу о событіи желаемаго имъ счастія. Всѣ спѣшили ко Дворцу, чтобы увидѣть своего князя.

Успокоясь отъ шировъ и отъ криковъ веселящагося народа, Владиміръ занялся возстановленіемъ порядка въ Кіевѣ. Онъ, желая истребить ненависть народа къ Евреямъ, повелѣлъ продавать соль умѣренною

цѣною, и въ совѣтѣ съ боярами, положилъ закономъ: что заимодавецъ, взявъ третные росты съ должника, лишается данныхъ въ заемъ денегъ. Владимiръ, получивъ отвращеніе отъ пролитія крови, не обнажалъ болѣе своего меча; но сыновья его торжествовали побѣды надъ Чудью, Казанскими Болгарами, Половцами, даже надъ Греками, и такъ прославили Россійское оружіе, что Греческій императоръ Алексій Комининъ, боясь продолженія войны съ непобѣдимыми, и желая, какъ можно скорѣе заключить миръ со Владимiромъ, прислалъ ему въ даръ: Крестъ Животворящаго древа, сердоликовую чашу Августа, перваго Римскаго императора, златый вѣнецъ, златую цѣпь и бармы (оплечіе) Константина Мономаха, дѣда Владимiрова.

Въ Воскресный день, Неофитъ, Митрополитъ Ефесскій, присланный съ дарами отъ императора, совершалъ божественную литургію въ Софійскомъ, соборномъ храмѣ. Владимiръ съ боярами и воеводами былъ въ церкви. Онъ удивился, увидѣвъ посреди храма возвышенное мѣсто, покрытое богатѣйшимъ ковромъ, и, не понимая ничего, по троекратному вызову Архіереевъ, сталъ на амвонѣ передъ царскими вратами. Митрополитъ, совершивъ молитву, облекъ в. князя въ императорскій саккосъ; возложилъ на него златый вѣнецъ, бармы и цѣпь съ Крестомъ, заключавшемъ въ себѣ Святыя мощи; возвелъ на возвышенное мѣсто; преклонилъ колѣно, и провозгласилъ великаго князя *царемъ Россійскимъ*. Вѣчный миръ съ императоромъ былъ слѣдствіемъ таковыхъ почестей.

Облеченный въ императорскую ризу, и имѣя на главѣ своей царскій вѣнецъ, посвященный, такъ сказать, самою церковію въ великій санъ правителя

народовъ, Владиміръ съ своей стороны рѣшился быть достойнымъ таковаго посвященія: онъ содѣлался отцемъ для прочихъ удѣльныхъ князей. Но какой мудрый другъ человѣчества можетъ упрочить для себя и для другихъ спокойствіе? На югѣ Россіи царствовали тишина и братское согласіе; на сѣверѣ и западѣ собирались бури. Глѣбъ, кн. Минскій, напалъ на землю, между Двиною и Принетью лежащую; и по случаю избранія новаго князя въ Кіевъ, сожегъ многіе города и раззорилъ жителей. Огорченный Владиміръ рѣшился уничтожить Полоцкое княжество, самъ выступилъ въ походъ; взялъ Глѣба безъ всякаго сопротивленія отъ его подданныхъ и привезъ въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ.

Всеволодъ Гавріилъ, внукъ Владиміра, изъ Пскова былъ переведенъ въ буйный Новгородъ. Новгородцы, видя его молодость, неопытность въ ихъ дѣлахъ, и крайнюю уступчивость предъ старшими, возгордились, перестали уважать его, и даже позволяли себѣ говорить ему съ дерзостію. Всеволодъ Мстиславичъ, видя таковое къ себѣ неуваженіе, оставилъ Новгородъ, и удалился во Псковъ, гдѣ любили его, какъ князя друга. Владиміръ, не терпя самоуправства, особливо гордости, наказалъ виновниковъ, и чтобы истребить зло на будущее время, далъ имъ Посадника, не изъ ихъ гражданъ, но строгаго Кіевскаго Восводу Бориса.

Ярославъ, сынъ Святополка, жестокостями своими противъ доброй жены своей, внуки Владиміровой, возбудилъ гнѣвъ въ великомъ князѣ. Владиміръ послалъ противъ него войско; но робкій Ярославъ бѣжалъ въ Польшу къ королю Болеславу. Владиміръ отдалъ столицу Волыни сыну своему Андрею. Яро-

славъ возвратился съ Поляками и Венгерцами; но былъ убитъ. Помощь, полученная изъ Кіева Андреемъ, и потеря Ярослава, заставили Болеслава и Венгерскаго короля Стефана заключить миръ со Владиміромъ.

Присоединивъ Псковскую и Вятскую области къ Кіеву, и усмиривъ строптивый Новгородъ, Владиміръ сдѣлался единовластнымъ въ Россіи; но не хотѣлъ перемѣнить систему удѣловъ. Онъ оставилъ дѣтей Володаря, Василька и Олега въ ихъ удѣлахъ, и, стараясь о благоденствіи Русскаго народа, скончался на 73 году отъ рожденія. Рѣка Альта, куда онъ отправился для поклоненія невинно пролитой крови св. Бориса, была свидѣтельницею умиленія, слезъ и тихой кончины князя, славнаго побѣдами за Русскую землю и благими правами.

Изъ поученія Владиміра, имъ самимъ для дѣтей писаннаго, видна вся чистая душа его. Въ началѣ даетъ онъ имъ наставленіе, какъ вести себя не только съ равными, но и съ низшими; потомъ укрѣпляетъ въ нихъ Вѣру и упованіе на Бога.

15.

МСТИСЛАВЪ 1. ВЕЛИКІЙ

В. К. Кіевскій.

Ч. 1. Стр. 163.

Мстиславъ

(Петръ)

1125 — 1132

7.

Мстиславъ, сынъ Владиміра Мономаха, родился въ тотъ годъ (1076), когда умеръ властолюбивый князь Черниговскій Святославъ.

Мстиславъ имѣлъ твердость духа, нѣжное сердце, и заимствовалъ отъ родителя просвѣщеніе ума. Почти въ младенчествѣ Всеволодъ нарекъ его княземъ Новгородскимъ, и онъ со временемъ такъ умѣлъ привязать къ себѣ строптивыхъ жителей Новогорода, что они со слезами провожали его, когда отецъ его Владиміръ потребовалъ, чтобы онъ перешелъ въ Ростовъ, и защитилъ его отъ насилій Олега.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Новгородцы, замѣтивъ различіе между новымъ своимъ княземъ, грубымъ Давидомъ, братомъ Олеговымъ, и ласковымъ, добродушнымъ княземъ Мстиславомъ, прямо отозвались къ великому князю Святополку, и настоятельно объявили, что не хотятъ имѣть у себя Давида; но

желаютъ повиноваться Мстиславу и ему, по возвращеніи его въ Новгородъ (1095), дали клятву имѣть его княземъ, а по немъ дѣтей его и потомство. Въ доказательство своей признательности Мстиславъ въ томъ же году женился на Христинѣ, дочери Посадника Новгородскаго.

Въ то время, какъ Олегъ, измѣнивъ Святополку и Владиміру, ворвался въ Переяславскую область, овладѣлъ Ростовомъ и Муромомъ, при которомъ палъ юный Изяславъ, Мстиславъ, оплакавъ брата своего, писалъ къ Олегу убѣдительное письмо, чтобы онъ оставилъ Ростовъ и Суздаль, и что онъ употребитъ всѣ силы примирить его съ своимъ отцемъ и великимъ княземъ Святополкомъ. Олегъ вмѣсто примиренія угрожалъ овладѣть Новгородомъ, и шелъ уже противъ него съ войскомъ. Мстиславъ сильно потѣснилъ непріятеля и Олегъ, видя невозможность удержаться въ Ростовѣ, превратилъ въ пепелъ Суздаль, и заперся въ Муромѣ.

Не смотря на таковое ожесточеніе, добрый Мстиславъ предложилъ Олегу миръ. Коварный князь согласился, и въ то время, какъ Мстиславъ, распустивъ свое войско по ближнимъ селеніямъ, исчислялъ выгоды для Россіи отъ примиренія сильныхъ князей; гонецъ донесъ ему, что кн. Муромскій идетъ къ Суздалю съ войскомъ. Распущенные воины орлами слетѣлись по первому гласу своего властелина. Мстиславъ сразился съ Олегомъ подъ самыми городскими стѣнами; обратилъ его въ бѣгство, и незнавшаго гдѣ приклонить свою голову, примирилъ съ своимъ отцемъ и великимъ княземъ Святополкомъ.

«Великій князь Кіевскій требуетъ нашего Мстислава къ себѣ. Не извѣстно его намѣреніе; но мы

не отпустимъ его одного. Пусть первѣйшіе и храбрѣйшіе изъ Новгородцевъ составятъ крѣпкую дружину, и отправятся съ нимъ въ Кіевъ! Примѣръ Василька страшенъ для насъ.» Такъ говорилъ Посадникъ на Вѣчѣ, и тысячи готовы были положить свои головы за Мстислава.

«Князь, и вы именитые граждане Новгородскіе! привѣтствовалъ Святополкъ Мстислава и окружавшихъ его: Новгородъ въ безопасности, а Владиміру на Волыни непрестанно угрожаютъ непріятели. Мстиславъ храбръ и благоразуменъ. Онъ только можетъ хранить его подъ крѣпкимъ щитомъ своимъ. Я избралъ его на такое великое и славное дѣло, а вы изберите себѣ князя, кто вамъ по сердцу.» «Кромѣ Мстислава Владиміровича, никто не будетъ намъ по сердцу! отвѣчали Новгородцы съ обыкновенною имъ вольностію.» Дерзокъ былъ отвѣтъ, но и рѣшителенъ. Тоскующіе о любезномъ своемъ князѣ Мстиславѣ Новгородцы далеко встрѣтили его за городомъ.

Въ мирѣ и любви народной продолжалъ княжить Мстиславъ въ Новгородѣ. Онъ вызвалъ изъ Пскова сына своего Всеволода (Гавріила), и старался ознакомить его съ законами, правами, обыкновеніями Новгородцевъ, и сдѣлать его достойнымъ любви народа добраго, но гордаго. Безопасность южной Россіи требовала крѣпкой ограды, и Владиміръ вызвалъ Мстислава въ Вышгородъ. Горько было Новгородцамъ разстаться съ княземъ, котораго любили они, какъ попечительнаго отца, но воля уважаемаго ими великаго князя Владиміра была для нихъ закономъ. Они, по данной клятвѣ, признавъ надъ собою княжескую власть сына его Всеволода (Гавріила), послѣ усерднаго молебствія въ церкви св. Софіи, съ горькими

рыданіями разстались съ нимъ на Вѣчѣ, и далеко провожали его съ молитвами о всегдашнемъ надъ нимъ небесномъ благословеніи.

Марія, дочь Мономахова, и сестра Мстислава, была выдана за Греческаго царевича Леона, сына бывшаго Греческаго императора Діогена. Алексій Комнинъ овладѣлъ престоломъ, и приказалъ измѣнически умертвить Леона, который, отыскивая право свое на престолъ Константинопольскій, стоялъ съ войскомъ на Дунаѣ. Мстиславъ, посланный отцемъ своимъ отмстить за смерть Леона, явился во Ѳракіи и угрожалъ Адріанополю: императоръ Алексій умѣлъ примириться съ Владиміромъ.

Кончина Владиміра была для Кіевлянъ жестокимъ ударомъ. Имъ казалось, что они потеряли съ нимъ всё. Одни оплакивали въ немъ истиннаго сына Церкви; другіе мудраго государя и храбраго предводителя.

Мстиславъ, принявшій послѣдній вздохъ своего родителя, и, обливаясь слезами, молился предъ святыми иконами.

По прошествіи дней печали, Церковь и весь совѣтъ единодушно признали Мстислава наслѣдникомъ родительскаго Престола. Добрый князь отеръ слезы, и утѣшилъ томившихся на скорбномъ ложѣ бѣдности.

Половцы, испытавшіе на себѣ тяжелую руку Владиміра, услышавъ о его кончинѣ, и не боясь больше подобнаго карателя, ворвались въ Переяславскую область; но были побиты на голову Ярополкомъ, братомъ Мстиславовымъ съ одною Переяславскою дружиною.

Кровь мстительной Рогнеды не остыла еще въ сердцахъ ея потомства; Давидъ, кн. Минскій, сынъ

умершаго Глѣба Всеславича, возобновилъ гибельные набѣги и опустошенія въ сосѣднихъ русскихъ областяхъ. Мстиславъ послалъ противъ него сильное войско, которое овладѣло нѣсколькими городами Полоцкими, и угрожало опустошеніемъ всей области. Жители Полоцка, не желая потерпѣть раззоренія за одного буйнаго своего князя, выслали отъ себя Давида, и съ покорностію просили Мстислава, чтобы онъ призналъ ихъ княземъ Рогвольда, сына Бориса Всеславича, на что великій князь далъ свое согласіе, и повелѣлъ войску возвратиться въ предѣлы своихъ князей.

Половцы не переставали вооруженными толпами нападать на тѣ мѣста, гдѣ не видѣли страшной для себя обороны. Мстиславъ рѣшился дать покой беззащитнымъ. Въ 1129 году приказалъ онъ всѣмъ удѣльнымъ князьямъ собираться къ Кіеву съ войскомъ, или, вмѣсто себя присылать своихъ воеводъ. Не страхъ, но любовь и уваженіе собирали со всѣхъ сторонъ воиновъ къ великому князю, и составили сильное ополченіе. Одни только князья Половецкіе, почитая себя внѣ сферы той силы, которая невидимо влечетъ къ сердцу отечества, къ несчастію своему, отказались отъ славы поразить общихъ враговъ.

Мстиславъ вознамѣрился истребить независимость въ Россіи. Онъ немедленно исполнилъ бы это намѣреніе; но важнѣйшій подвигъ: поразить сильнѣйшихъ и безпокойнѣйшихъ враговъ, увлекалъ его на Востокъ.

Дружно, со всѣми князьями, вступилъ Мстиславъ на вражескую землю. Съ дикимъ крикомъ толпы Половцевъ бросились на дружные полки Россіянъ; но сильный, истребительный отпоръ обратилъ ихъ въ бѣгство. Они разсѣялись; жгли юрты, селенія и

города, чтобы остановить Мстислава. Они не знали, что имѣютъ дѣло съ сыномъ Мономаха. Онъ гналъ ихъ за Донъ, за Волгу, и втѣснилъ въ нынѣшнія Саратовскія степи.

Возвратившись послѣ такого славнаго подвига въ Кіевъ, побѣдитель сильныхъ не хотѣлъ быть побѣдителемъ слабыхъ. Онъ зналъ, что Полоцкіе князья производили набѣги и грабежи съ вольницею, собравшеюся со всѣхъ сторонъ и изъ Литвы, и что немногіе изъ Полочанъ участвовали въ вѣроломныхъ поступкахъ своихъ князей. Онъ не хотѣлъ, чтобы опустошаемы были села и города, и пролилась за виновныхъ кровь невинныхъ. Съ такою любовію къ человѣчеству, Мстиславъ послалъ въ Минскъ и Полоцкъ, чтобы граждане прислали князей своихъ въ Кіевъ, если не хотятъ, чтобы взяли ихъ силою. Давно уже жители Минска и Полоцка не только гнушались, но проклинали вѣроломство своихъ князей; но дерзкая вольница, готовая на все, удерживала ихъ въ предѣлахъ повиновенія. Теперь, когда князь сильный предлагалъ имъ вольность и защиту, они въ народномъ собраніи объявили, что нѣтъ у нихъ больше князей, что они хотятъ повиноваться великому князю.

Въ полномъ собраніи бояръ принялъ Мстиславъ обезоруженныхъ Полоцкихъ князей; исчислилъ все зло, какое терпѣла Россія, начиная отъ Брячислава до настоящаго времени; укорилъ ихъ въ отказѣ отъ похода противъ Половцевъ, и заключилъ, что общее спокойствіе требуетъ удалить ихъ изъ предѣловъ Россіи. Ихъ съ женами и дѣтьми отправили въ Константинополь. Изяславъ, какъ сынъ Великаго, былъ принятъ Псковитянами съ торжествомъ, и тѣмъ съ

большею радостію, что онъ соединилъ оба княжества въ одно подъ своею властію.

Литовцы, лишенные вѣрныхъ своихъ союзниковъ, готовили сильное войско противъ Изяслава. Мстиславъ зналъ ихъ умыслы; грянулъ на ихъ полу-дикое ополченіе, и со многими плѣнными возвратился въ Кіевъ.

Этотъ походъ былъ послѣдній достойнаго преемника Мономахова. Мстиславъ скончался на 56 году отъ рожденія, заслуживъ имя Великаго.

ЯРОПОЛКЪ II

1132 – 1139.

7.

Ярополкъ, сынъ Владиміра Мономаха, князь Переяславскій, храбрый передъ врагами и страшный Половцамъ, восходя на Кіевскій Престолъ, смутился, какимъ незнакомымъ ему оружіемъ надобно пресѣкать крамолы; хранить миръ и оберегать народное спокойствіе. Можно сказать, что Ярополкъ не княжилъ, а только былъ зрителемъ позорища, какое тогда представляла Россія.

Раздоры и мятежи открылись на Востокѣ; перешли на сѣверъ, и, подобно гибельной язвѣ, заразили западъ и югъ. Ярополкъ, свято исполняя завѣщаніе умиравшаго своего брата, отдалъ Переяславль сыну его Всеволоду, князю Новгородскому; но тамъ усилился дядя его храбрый Юрій, который началъ уже вводить возможное въ то время, образованіе въ восточный край Россіи, и надѣялся составить тамъ сильное княжество. Всеволодъ ѣхалъ не на войну, а

17.й

ВСЕВОЛОДЪ: 11й

В. К. Кіевскій.

Ч. 1. Стр. 176.

на покойное княженіе въ Переяславлѣ. Съ малою дружиною не могъ онъ противиться сильнѣйшему князю, онъ принужденъ былъ со стыдомъ ѣхать назадъ въ Новгородъ.

Гордымъ Новгородцамъ крайне было обидно, что князь ихъ, какъ-бы недовольный ими, перемѣнялъ великій Новгородъ на спорный Переяславль. Они встрѣтили его съ угрюмыми лицами на вѣчѣ. «Князь! сказали ему, ты принялъ Переяславль безъ нашего согласія; ты не хотѣлъ знать насъ, и мы не хотимъ знать тебя.» Всеволодъ остался одинъ среди многолюднаго города; не зналъ, гдѣ искать убѣжища съ своимъ семействомъ, и, въ глубокой грусти, пустился по Кіевской дорогѣ. Новгородцы на этотъ случай были чувствительнѣе Юрія. Они возвратили изгнаннаго; возвратили ему власть, съ условіемъ, чтобы онъ дѣлилъ ее съ Посадникомъ.

Переяславль сдѣлался для князей цѣлію домогательствъ. Изяславъ Мстиславичь, кн. Минскій, выпросилъ его у Ярополка, и съ согласія дяди Юрія Владиміровича, убѣжденнаго просьбами великаго князя, съ радостію вступилъ въ городъ, почитая себя княземъ Переяславльскимъ и Минскимъ. Но эта радость была также непродолжительна. Вячеславъ, старшій сынъ Мономаха, кн. Туровскій, какъ дядя Изяславу, возпегодовалъ на предпочтеніе. Онъ объявилъ желаніе княжить подлѣ своего брата. Эта братская любовь взяла верхъ, и Изяславъ принужденъ оставить красивый городъ, и вмѣсто его принять Туровъ. Не долго и слабый Вячеславъ пользовался званіемъ князя Переяславльскаго. Онъ, по совѣтамъ брата своего Юрія, имѣвшаго въ виду соединеніе всѣхъ восточныхъ городовъ, уступилъ ему Переяславль, и возвратился въ

Туровъ. Изяславъ по прежнему остался княземъ Полоцкимъ. Онъ поспѣшилъ къ Минску; но передъ нимъ затворили ворота, и сказали, что у нихъ есть князь Василько Рогвольдовичъ; что онъ, служа Грекамъ, оказалъ чудеса храбрости противъ Агарянъ; получилъ свободу; возвратился въ отечество, и, послѣ родителя своего, наслѣдовалъ княжество Минское.

Изяславъ прибѣгнулъ къ брату своему князю Новгородскому. Всеволодъ, гордясь побѣдою надъ Чудью, обѣщалъ Изяславу завоевать для него Переяславль, Новгородцы, опасаясь возрастающей силы Юрія, одобрили намѣреніе, и составили сильное войско. Всеволодъ выступилъ въ походъ; но, вѣроятно представилъ, что Переяславцы не Чудь, и что Юрій, торжествовавшій надъ сильными Болгарами, стоитъ десяти Чудскихъ полководцевъ; измѣнилъ своему брату, и съ возроптавшимъ на него войскомъ воротился назадъ. Гордые Новгородцы, чтобы загладить свой стыдъ, и скрыть робость своего князя, вооружились, и, не смотря на лютые морозы, выступили въ походъ, и встрѣтили непріятеля на *Ждановой горѣ* (въ нынѣшней Владимірской губерніи). Сраженіе съ обѣихъ сторонъ было люто; но побѣда осталась нерѣшенною. Войска на другой день разошлись по своимъ дорогамъ. Всеволодъ еще во время боя первый, со Ждановой горы, показалъ путь Новгородцамъ. Изяславъ, видя нерасположеніе Новгородцевъ къ ихъ князю, простился со Всеволодомъ и въ Черниговѣ встрѣченъ былъ Всеволодомъ Ольговичемъ, княземъ Черниговскимъ, съ великою радостію.

Жалобы Изяслава на великаго князя, что онъ самъ бывъ виновникомъ такого безпорядка въ Россіи, никому не хотѣлъ подать помощи, а смотрѣлъ на всё,

какъ посторонній зритель, и закоренѣлое недоброжелательство къ князьямъ изъ дома Всеволодова были причиною, что Всеволодъ и братья его Ольговичи объявили Ярополку войну. Половцы, призванные ими изъ за Волги, возобновили прежнія опустошенія. Ярополкъ не устоялъ. Онъ лишился всей своей дружины, предложилъ миръ, и уступилъ Изяславу Владиміръ на Волыни.

Новгородцы, потерявъ все уваженіе къ своему князю Всеволоду, предложили непзмѣнное повиновеніе свое Святославу, брату Всеволода Черниговскаго, князю хитрому. Чтобы оправдать себя сколько-нибудь во мнѣніи потомства, Новгородцы, по звону колокола, составили шумное и многолюдное Вѣче, и главные недоброжелатели добродушнаго Всеволода вмѣнили ему въ преступленіе, что онъ нарушилъ клятву, и захотѣлъ быть княземъ Переяславскимъ; что онъ не сдержалъ княжескаго слова, даннаго Изяславу, и воротился съ половины дороги, не смотря на храброе Новгородское войско, которое горѣло нетерпѣніемъ сразиться съ Суздальцами, и за него же отмстить гордому Юрію, его дядѣ; что онъ первый ушелъ со Ждановой горы, и наконецъ, что онъ вѣроломствомъ своимъ, слабостію и пристрастіемъ къ забавамъ ввелъ и ихъ въ грѣхъ сдѣлаться преступниками клятвы, данной мудрому родителю Мстиславу. Безсильный князь долженъ былъ уступить своевольному народу.

Несчастный отъ своего добраго сердца, и отъ излишней снисходительности къ народу строптивому, князь, съ семействомъ своимъ, выведенъ былъ изъ дворца; его посадили въ епископскій домъ подъ крѣпкую стражу. Семь недѣль томился несчастли-

вецъ, и получилъ себѣ свободу только тогда, когда прибылъ въ Новгородъ преемникъ его князь Святославъ.

Всеволодъ, поклонившись св. иконамъ въ храмахъ и напутствуемый молитвами Духовенства, оставилъ буйный городъ, и прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь льстила его надежда нѣсколько времени; но когда погибли его доброжелатели въ Новгородѣ, князь безъ княжества обратился ко Пскову, гдѣ былъ принятъ съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ, и провозглашенъ княземъ Псковскимъ.

Буйный народъ недолго терпѣлъ и Святослава. Его также изгнали. Жители Смоленска, преданные дому Мономаха, схватили его на дорогѣ, какъ врага Всеволоду, и заключили въ монастырѣ. Этого довольно уже было для Всеволода Черниговскаго, чтобы объявить войну великому князю. Онъ съ Половцами свирѣпствовалъ въ южной Россіи, и думалъ уже осадить Кіевъ; но Ярополкъ съ сильнымъ войскомъ отразилъ его, и, въ свою очередь, осадилъ Черниговъ. Одна только покорность смирила великаго князя. Онъ, заставивъ Всеволода утвердить испрашиваемый миръ крестнымъ цѣлованіемъ, возвратился въ Кіевъ; заболѣлъ и скончался 57 л. отъ рожденія.

Въ княженіе Ярополка, сынъ Володаря князя Перемышльскаго и племянникъ ослѣпленнаго Василька, Владимірко, не хотѣлъ воспользоваться безпорядками и пріобрѣсть что либо въ Россіи. Онъ имѣлъ въ виду Польшу, и потому перенесъ свою столицу въ Галичъ на Днѣстрѣ, и положилъ основаніе сильному Галицкому Княжеству.

Примѣры великодушія рѣдки, особливо, въ то время, когда многіе управляются еще правомъ силь-

наго. Изгнанный Всеволодъ, безъ дружины, съ однимъ только семействомъ, возвращался во Псковъ. Василько Рогволодовичъ, окруженный закованными въ сталь Греками, спѣшилъ въ свое отечество Минскъ, и догналъ Всеволода на дорогѣ. Мщеніе за жестокость Мстислава, отца Всеволода, могла бы вспыхнуть въ юношѣ; но онъ подалъ изгнанному руку; назвалъ его своимъ другомъ, и проводилъ чрезъ свои владѣнія до самаго Пскова.

ВСЕВОЛОДЪ II

(Олеговичъ),

1139—1146.

7.

По кончинѣ Ярополка, Кіевляне обратили свое вниманіе на слабаго, но добраго и старшаго въ родѣ Вячеслава князя Туровскаго. Онъ былъ сынъ Мономаха, и этого преимущества было уже довольно. Всѣ чины: духовные, военные и гражданскіе единодушно избрали его, и вызвали въ Кіевъ.

Въ то время, когда на одной сторонѣ Кіева народныя толпы шли одна за другою къ Софійскому храму, въ которомъ Святитель провозгласилъ Вячеслава Владиміровича великимъ княземъ Кіевскимъ, на другой густой дымъ заклубился на Копыревскомъ предмѣстіи. Жители бѣжали въ городъ съ воплемъ: Всеволодъ! Всеволодъ, князь Черниговскій!» раздалось въ народѣ; проникло въ храмъ Божій, и потрясло сердце новоизбраннаго князя. «Не хочу— сказалъ онъ, чтобы пепломъ посыпалась вѣнчанная

16.^{й}

ЯРОПОЛКЪ II.^{й}

В. К. Кіевскій.

Т. 1. Стр. 176.

глава моя; не хочу, чтобы первый слѣдъ мой изъ храма мира въ чертогъ княжескій наполнился кровію! Онъ сложилъ съ себя княжескія украшенія, и удалился въ мирный Туровъ.

Всеволодъ, среди устрашеннаго народа, въѣхалъ во дворецъ велико-княжескій. Чтобы дать видъ справедливости похищенію престола, онъ созвалъ удѣльныхъ князей, духовенство, бояръ, воеводъ, и оправдывалъ причину своего поступка, небывалаго въ Россіи: «Мономахъ, говорилъ онъ, похитилъ Кіевскій престолъ у родителя моего Олега Святославича. Мы сносили униженіе отъ гордыхъ Мстиславичей. Нынѣ послѣ слабаго князя избирали вы еще слабѣйшаго, и я, чтобы не допустить Россіи до новыхъ гибельныхъ безпорядковъ, принимаю жезлъ великаго князя Кіевскаго.» Всѣ знали мстительный нравъ Всеволода, и присягнули ему въ подданствѣ. Роскошный пиръ, милости народу утвердили избраніе. Дѣти и внуки Мономаха не были на этомъ *свѣтломъ* пиру. Они готовили ему пиръ кровавый.

Всеволодъ оскорбился ихъ неуваженіемъ, и первымъ для себя дѣломъ положилъ: отнять у нихъ удѣлы. Походъ противъ Изяслава Мстиславича, кн. Владиміро-волынскаго, былъ необыкновенный. Войско, состоявшее всё почти изъ Кіевлянъ, и любившее сына Мстиславова, притворилось пораженнымъ внезапнымъ страхомъ, и бѣжало съ половины дороги. Не надѣясь больше на Кіевлянъ, Всеволодъ составилъ другую рать изъ Черниговцевъ и Половцевъ, и пригласилъ союзника своего Владимірка, сильнаго князя Галицкаго, изгнать Изяслава изъ Владиміра Волынскаго, а Вячеслава изъ Турова; уже войска стояли одно противъ другаго. Владимірко выступилъ

изъ своего, и вызывалъ Изяслава. Изяславъ выступилъ. Всѣ съ трепетомъ ожидали единоборства; но Владимірко, не извлекая меча, подошелъ къ Изяславу, и подалъ ему руку. Герои обнялись въ виду изумленнаго войска и разстались друзьями. Только Половцы, приведенные Черниговскимъ княземъ, произвели остальные свои грабежи.

Таковыя неудачи, которыя Всеволодъ приписывалъ измѣнѣ, заставили самаго Всеволода выступить въ ратное поле противъ Андрея Владиміровича, князя Переяславскаго; но сильное войско его было совершенно разбито Андреемъ, и властолюбецъ принужденъ былъ заключить миръ съ Вячеславомъ, Изяславомъ и Андреемъ.

Въ княженіе Всеволода Новгородцы были на крайней степени безпорядковъ и безразсудства. Юрій Владиміровичъ, князь Суздальскій, сынъ котораго Ростиславъ княжилъ въ Новгородѣ, потребовалъ отъ нихъ войска противъ Всеволода. Они отказали ему; отказались и отъ Ростислава, и на одномъ году перемѣнили трехъ князей. Такое непостоянство Новгородцевъ было причиною, что всѣ потеряли къ нимъ довѣріе.

При таковыхъ безпорядкахъ на сѣверѣ, междоусобіе явилось на югѣ. По смерти Андрея Вячеславъ получилъ Переяславль. Игорь и Святославъ, братья Всеволодовы, недовольные своими удѣлами, съ помощію Черниговцевъ, напали на Переяславскую область, и производили въ ней неслыханныя опустошенія и грабежи. Вячеславъ, бѣжавшій изъ Кіева, чтобъ не быть виновникомъ пожаровъ и пролитія крови, теперь задыхался отъ дыму, и обливался кровію. Онъ ничего не могъ сдѣлать, а ожидалъ помощи отъ Изя-

слава и отъ Всеволода. Первый поспѣшилъ къ нему, а послѣдній послалъ близкаго своего родственника и буйные усмирились.

Возрастающая сила Владимірка дѣлалась опасна для прочихъ князей. Они со Всеволодомъ согласились общими силами усмирить его. Владимірко, узнавъ объ опасности, выступилъ съ Венграми въ ратное поле, и занялъ выгоднѣйшія мѣста. Всеволодъ не давалъ ему сраженія; но заманилъ въ топи, и, восторжествовавъ надъ нимъ безъ боя, послѣ далъ ему миръ, по усильной просьбѣ брата своего Игоря. Миръ не былъ продолжителенъ. Всеволодъ принялъ подъ свою защиту Ивана *Берладника* (бездомнаго), у котораго Владимірко, родной дядя, отнялъ удѣлъ, оставшійся послѣ отца его Ростислава. Услышавъ о военныхъ приуготовленіяхъ князя Галицкаго, Всеволодъ вступилъ въ его владѣнія съ сильнымъ войскомъ; осадилъ Звенигородъ; не могъ взять его приступомъ; возвратился въ Кіевъ, заболѣлъ, и, взявъ отъ всѣхъ клятву: возвести на престолъ Игоря, скончался въ Вышградѣ при гробницахъ свв. Бориса и Глѣба.

ИГОРЪ

Отъ 1-го до 17 Августа 1146 года.

Игорь вступилъ на престолъ, и не обратилъ вниманія на гражданъ. Онъ собралъ ихъ на дворѣ *Ярославовомъ*; но только взялъ съ нихъ клятву въ повиновеніи. Народъ, какъ бы забытый, составилъ вѣче и призывалъ къ себѣ Игоря. «Что за причина такого необыкновеннаго собранія, и призыва самого князя?» спросилъ прискакавшій на вѣче Святославъ. «Мы угнетены; мы раззорены Тіунами! кричалъ народъ, князь не хотѣлъ насъ выслушать, а только обязалъ къ повиновенію. Пусть князь самъ дастъ намъ слово избавить насъ отъ грабителей!» Князь не можетъ теперь исполнить вашего желанія; но я даю вамъ вѣрное слово, и цѣлую крестъ, что братъ мой не потерпитъ грабителей, и на мѣсто ихъ поставитъ бояръ богобоязливыхъ.» Святославъ уѣхалъ, и вѣче, не совсѣмъ довольное, разходилось. Ропотъ народа сдѣлался наконецъ слышнѣе и вспыхнулъ бунтъ. Домъ Ратши, корыстолюбиваго Тіуна, первый погибъ въ пламени, и прискакавшій Святославъ силою сво-

18.й

ИГОРЬ. II.й

В. К.: Кіевскій.

Ч. 1. Стр. 180.

ихъ словъ, и клятвенными обѣщаніями, что великій князь немедленно приступитъ къ ихъ дѣлу, едва могъ погасить его.

Прошелъ день, прошелъ другой, прошла недѣля и тѣже вѣсы правосудія въ рукахъ тѣхъ же Тіуновъ; тѣже поборы и съ праваго и виноватаго; сверхъ того, по просьбѣ Ратши, иски на всѣхъ за раззореніе и разграбленіе дома его. «Право, нашъ князь не боится Бога, говорили въ тайныхъ собраніяхъ. Есть еще Мономахи, пошлемъ къ Изяславу. Онъ, подобно дѣду своему, поспѣшитъ въ Кіевъ и поможетъ намъ.

Сказано — сдѣлано. Старшій изъ гражданъ тайно отправился въ Переяславль; представилъ Изяславу несправедливость Игоря и всю невзгоду гражданъ Кіевскихъ. Онъ, именемъ всѣхъ, просилъ Изяслава Мстиславича поспѣшить въ Кіевъ, принять похищенный княжескій вѣнецъ, и ихъ, какъ беззащитныхъ сиротъ, взять подъ свое покровительство. Изяславъ терпѣлъ Всеволода; но не думалъ повиноваться Игорю. Онъ зналъ этого князя; видѣлъ склонность его къ грабежу, при нападеніи на землю Переяславскую, и не надѣялся ничего добраго отъ такого великаго князя. Онъ не отказался прибыть въ Кіевъ; но, узнавъ, что въ немъ есть войско, преданное Игорю, и предвидя сопротивленіе отъ князей Черниговскихъ, Игоревыхъ союзниковъ, собралъ довольно сильное войско, и говорилъ къ нему и народу рѣчь, въ которой изъяснялся, что не онъ ищетъ престола, хотя и похищеннаго у преемниковъ Мономаха; но народъ, забытый, презрѣнный и брошенный на утоленіе алчности ненасытныхъ Тіуновъ, умоляетъ его спасти отъ погибели. Веди насъ! Мы всѣ за тобою, было отвѣтомъ воиновъ.

Игорь, какъ ни былъ безпеченъ, но догадался о нерасположеніи къ себѣ Изяслава еще тогда, какъ на увѣдомленіе о вступленіи своемъ на престолъ Кіевскій не только не получилъ отъ него никакого отвѣта; но даже не зналъ о принятіи и участи бояръ, къ нему посланныхъ; онъ, надѣясь на своихъ союзниковъ, князей Черниговскихъ, и мнимо преданныхъ ему полководцевъ и войско, не взялъ никакихъ мѣръ. Молва принесла вѣсть въ Кіевъ о вооруженіи Изяслава. Игорь вспомнилъ юношескія свои лѣта, въ которыя былъ страшенъ непріятелямъ, рѣшился, съ братомъ своимъ Святославомъ, сдѣлать единожды и навсегда отпоръ несправедливому искателю похищеннаго у потомковъ Святослава Ярославича Кіевскаго престола. Онъ ласкалъ, обѣщалъ тысяцкимъ и другимъ военачальникамъ великія награды. Но они мало слушали его. . . . . .

Между тѣмъ Изяславъ показался передъ Кіевомъ. Игорь вывелъ свое ополченіе, которое шло съ великою радостію противъ Переяславцевъ. Медленность Черниговскихъ князей возбудила отчаяніе въ Игорѣ. Онъ со Святославомъ и вѣрною дружиною бросился на Изяслава; но былъ смятъ, и пораженъ совершенно. Святославъ бѣжалъ, а Игорь увязъ съ конемъ въ топкомъ болотѣ. Его нашли въ самомъ жалкомъ положеніи, и, всего въ грязи и тинѣ, представили Изяславу. «Не я, князь, виною твоего несчастія, а твое неумѣніе править народомъ,» сказалъ Изяславъ; и поѣхалъ къ Кіеву.

Митрополитъ, всѣ Духовенство и торжествующій народъ принимали къ себѣ отрасль Мономахова древа. Игорь вспомнилъ въѣздъ въ Кіевъ брата своего Всеволода и первые дни своего княженія; вздохнулъ

изъ глубины сердца; опустилъ голову свою на грудь, и предался своей участи.

Народъ требовалъ удалить Игоря изъ столицы, какъ опаснаго для его спокойствія. Несчастнаго заключили въ монастырь Выдубицкомъ, а оттуда перевели въ темницу Іоанновской обители въ Переяславлѣ. Горестна была участь низверженнаго; но она тѣмъ не кончилась.

ИЗЯСЛАВЪ II

1146 — 1154.

8.

Радость въ Кіевѣ была совершенна ; но властолюбіе, мщеніе и корысть готовы уже были излить на нее всю свою отраву. Легкомысленный Вячеславъ, провозглашенный уже великимъ княземъ, надѣясь, что добрый племянникъ не будетъ спорить съ нимъ о первенствѣ, занялъ сѣверные города, Кіеву принадлежавшіе, и раздавалъ уже удѣлы. Изяславъ далъ знать въ Смоленскъ о своемъ неудовольствіи, и Ростиславъ, братъ его, кн. Смоленскій, выгналъ Вячеслава; отнялъ Туровъ, и втѣснилъ его въ Дорогобужъ Волынскій.

Святославъ, спасшійся во время отчаянной битвы подъ Кіевомъ, готовилъ всё, чтобы отмстить Изяславу за своего брата Игоря. Онъ искалъ союзниковъ въ князьяхъ Черниговскихъ, своихъ родственникахъ ; но они были на сторонѣ Изяслава. Юрій Владиміровичъ, кн. Суздальскій, оскорбленный неуваженіемъ къ Вячеславу и къ себѣ, какъ къ старѣйшимъ въ домѣ Мономаховъ, особливо пренебреженіемъ ста-

19.й

ИЗЯСЛАВЪ II-й

В. Н. Татищевъ

Т. I. Стр. 184.

ринныхъ уставовъ о первенствѣ, рѣшился наказать дерзкаго племянника; вступился за Святослава; готовилъ сильное войско, и возгорѣлась жестокая, продолжительная война. Она началась нападеніемъ Черниговскихъ князей на владѣнія Святослава и разграбленіемъ города Путивля. Не получивъ скорой помощи отъ Юрія, онъ отошелъ къ Суздальскимъ предѣламъ, въ которыя вторгнулся одинъ изъ Рязанскихъ князей, Святославъ отступилъ къ Новугороду. Изяславъ преслѣдовалъ его; загналъ въ дремучіе лѣса Карачевскіе, а оттуда въ землю Вятичей (въ нын. Орловскую губ.), и возвратился въ Кіевъ.

Еще на походѣ противъ Святослава, Изяславъ посѣтилъ Игоря въ Переяславской темницѣ. «Братъ твой, сказалъ Изяславъ, ищетъ твоей свободы, и возмутилъ всю Россію. Не онъ, а я даю ее тебѣ!» «Князь! я умеръ уже для свѣта, отвѣчалъ Игорь, монастырь и клобукъ—вотъ всё, что осталось для меня на землѣ.» Онъ былъ переведенъ въ Кіевъ, и, въ обители св. Ѳеодора принялъ не только клобукъ, но и схиму.

Успѣхи великаго князя Кіевскаго еще сильнѣе скрѣпили узелъ между союзниками Святослава. Они выгнали воеводъ Изяславовыхъ изъ земли Вятичей, а Юрій прогналъ князя Рязанскаго въ землю Половцевъ. Остановясь на берегахъ рр. Москвы, Яузы и Неглинной, въ селеніи Суздальскаго боярина, *Степана Иванова Кучки*; открылъ его сношеніе съ княземъ Рязанскимъ; казнилъ его, а дочь его, прекрасную Улиту, неволею выдалъ за сына своего Андрея. Здѣсь-то гордый сынъ Мономаха далъ богатый пиръ Святославу, и положилъ основаніе Москвѣ. Роскошь, веселіе, забавы, игры были непрерывны.

Сила Юрія и успѣхи Святослава въ землѣ Вятичей устрашили князей Черниговскихъ, союзниковъ Изяславовыхъ. Они выдумали самый гнусный способъ кончить войну: или заманивъ къ себѣ, умертвить Изяслава, или предать его Святославу. Князь Кіевскій, не подозрѣвая никакой измѣны, былъ уже на половинѣ дороги къ Чернигову. Заговоръ открылся, и во всѣ города посланы были гонцы отъ Изяслава, къ великому несчастію остановившагося на пути. Едва вѣсть о неслыханномъ намѣреніи князей Черниговскихъ разнеслась по улицамъ и площадямъ Кіевскимъ, какъ народъ пришелъ въ совершенное бѣшенство. «Знаемъ весь корень зла, истребимъ его!» кричали въ неистовствѣ, и всѣ бросились къ Ѳеодоровской обители. Ни святые храмы Божіи, ни совершаемая въ нихъ Литургія, при которой возглашалось: *возлюбимъ другъ друга*, ни смиреніе иноковъ, ни убѣдительныя слова Митрополита, ничто не могло поразить бѣснующихся. Они, не смотря на Ангельскій образъ схимы, съ нечестіемъ схватили молившагося на колѣнахъ сына, Небу обрекшагося; безчеловѣчно умертвили его за монастырскими стѣнами, и обнаженное тѣло его влекли по улицамъ до торговой площади.

Святославъ съ новою яростію напалъ на Курскъ; но не имѣлъ большихъ успѣховъ въ южной Россіи. Изяславъ заставилъ наконецъ отступить его въ Черниговъ, возвратился въ Кіевъ, и торжествовалъ побѣду; но война не кончилась. Наконецъ Черниговскіе князья, устрашенные сильною ратію великаго князя Кіевскаго, просили Юрія, чтобы онъ поспѣшилъ къ нимъ на помощь; но онъ медлилъ, чтобы объ

воюющія стороны истощили свои силы, чтобы вѣрнѣе ударить на своего утомленнаго племянника. Князья Черниговскіе, тѣснимые Изяславомъ, и оставленные своимъ союзникомъ, предложили миръ великому князю и возстали всѣ на Юрія.

Сдѣлавъ нужныя, для безопасности, распоряженія въ Кіевской области, Изяславъ отправился къ брату своему Ростиславу въ Смоленскъ; поручилъ ему начальство надъ приведеннымъ съ собою войскомъ, а самъ надѣясь усилить себя Новгородскимъ ополченіемъ, отправился въ Новгородъ. Новгородцы, притѣсняемые Юріемъ, приняли Изяслава, какъ единственнаго защитника своей свободы, и составили сильную рать. Начальствуя надъ нею, онъ соединился съ своимъ братомъ. Еще изъ Смоленска отправили они посла въ Суздаль съ предложеніемъ мира; но Юрій удержалъ его. Не дождавшись князей Черниговскихъ, и не видя Суздальскаго войска, братья дали объ себѣ знать пожарами. Правый берегъ Волги пылалъ до Углича и до Мологи, а окрестности Ярославля стонали подъ раззорительнымъ оружіемъ Новгородцевъ.

Война кончилась *набѣгами*: но сильный возсталъ противъ сильнаго, и она приняла другой видъ. Юрій Владиміровичъ составилъ воинство изъ Суздальцевъ, снѣдаемыхъ нетерпѣніемъ отмстить врагамъ, попалившимъ ихъ жилища, и выступилъ противъ Кіева!

Святославъ, мучимый тѣнію окровавленнаго брата, и забылъ крестное цѣлованіе Изяславу; соединился съ Юріемъ, и поклялся кровію своею примириться съ грозною тѣнію Игоря. Юрій осадилъ Переяславль; но Изяславъ, ополчась въ полѣ, заставилъ его обра-

титься на себя, завязалась битва, Юрій поспѣшно началъ отступать. Изяславъ почелъ это отступленіе бѣгствомъ; бросился за нимъ, и съ разстроившимися полками встрѣтилъ Святослава и Суздальское войско, которое бросилось на неосторожнаго Изяслава. Свалка была ужасна: Черниговцы показали тылъ; за ними побѣжали Кіевляне, на которыхъ Святославъ обращалъ всю свою ярость; а Переяславцы, подъ предлогомъ защищенія своего города, отступили, и первые признали надъ собою власть Юрія. Изяславъ остался между свирѣпыми Суздальцами; пробился, и отъ всей дружины съ двумя только воинами ускакалъ въ Кіевъ.

Сопротивленіе было невозможно. Митрополитъ и весь народъ со слезами упросили великаго князя: не предавать сердца Россіи на растерзаніе, особливо Святославу, горѣвшему лютымъ мщеніемъ; и убѣдили его удалиться на время въ бывшій его удѣлъ. Оставленный союзниками Изяславъ, предпочитая невредимость любящихъ его Кіевлянъ своему спокойствію, съ семействомъ и драгоцѣнностями удалился во Владиміръ Волынскій, а братъ его Ростиславъ въ Смоленскъ. Мирно вступилъ Юрій въ Кіевъ. Кіевляне трепетали предъ Святославомъ, представляя себѣ лютость свою надъ Игоремъ; но онъ не показалъ имъ злонамѣреннаго вида. Кровь Кіевлянъ, пролитая имъ, какъ бы уврачевала его сердечную рану.

Изгнанный Изяславъ не терялъ надежды. Онъ прибѣгнулъ къ дядѣ своему Вячеславу; но оскорбленный старецъ отказалъ ему во всемъ; укорилъ неблагодарностію, насиліемъ, и сказалъ, что онъ вступилъ въ союзъ съ братомъ своимъ Юріемъ. Потеря Кіева и велико-княжескаго сана были обидны для

королей: Польскаго и Венгерскаго, родственниковъ Изяслава по брачнымъ союзамъ, и тогда какъ Юрій съ Вячеславомъ вступилъ съ войскомъ въ предѣлы Волынскіе, они привели изгнанному сильную помощь, и были увѣрены, что, при ихъ значительномъ содѣйствіи, дѣла въ Россіи придутъ въ прежній порядокъ. Но вѣсть, что ужасный для Ляховъ Владимірко Галицкій идетъ съ непобѣдимымъ ополченіемъ на помощь Юрію, поразила пришельцевъ. Они объявили Юрію, что вступили въ Россію не съ тѣмъ, чтобы оспоривать права Изяслава оружіемъ; но быть посредниками въ примиреніи родственниковъ, возставшихъ другъ на друга. «Я васъ не знаю, отвѣчалъ имъ Юрій, идите, откуда пришли! Поляки и Венгры оставили Изяслава на произволъ его судьбы.

Война началась осадою Луцка, при которомъ Андрей, сынъ Юрія, во время сильной вылазки, отличился необыкновенною храбростію. Жители Луцка, не могшіе почерпнуть воды изъ р. Стыри, умирали отъ мучительной жажды. Чувствительный Изяславъ рѣшился или погибнуть, или избавить городъ отъ осады. Владимірко, узнавъ отчаянное намѣреніе безсильнаго князя, и видя явную погибель всего его войска, не захотѣлъ, чтобы напрасно проливалась кровь Россіянъ, его братій. Онъ съ Андреемъ приступилъ къ Юрію, и, послѣ усильныхъ просьбъ, склонилъ высокую гордость его къ снисходительному миру. Свиданіе князей было въ Дорогобужѣ волынскомъ. Изяславъ, между прочими условіями, отказался отъ Кіева и отъ званія великаго князя; получилъ Владиміръ съ правомъ на дань съ Новагорода, а Юрій уступилъ Кіевъ старшему брату своему Вя-

чеславу, какъ благословенному отъ Митрополита, и признанному великимъ княземъ отъ всего народа.

Юрій, возвратившись въ Кіевъ, раскаялся въ великодушіи къ своему брату, и, зная его слабость, представилъ ему всѣ трудности быть на престолѣ, и убѣдилъ его принять Вышегородъ во владѣніе. Изяславъ, получивъ вѣсть о такой несправедливости своего дяди, не почелъ за грѣхъ итти противъ старшаго, который измѣнилъ своему слову. Онъ нечаянно явился съ войскомъ подъ стѣнами Кіева; устрашенный Юрій спасся бѣгствомъ, и Вячеславъ занялъ престолъ. Тогда, какъ Кіевляне принимали съ великою радостію возвратившагося сына любезнаго имъ князя Мстислава, и когда народъ кричалъ по всѣмъ улицамъ: не хотимъ Вячеслава; не хотимъ Юрія! Изяславъ Мстиславичъ князь нашъ! Вячеславъ твердостію своею рѣшился удержаться на Кіевскомъ престолѣ. «Убей меня! а я не выду отсюда,» сказалъ Вячеславъ вошедшему во дворецъ Изяславу. Съ должнымъ почтеніемъ племянникъ обнялъ своего дядю; представилъ ему народный мятежъ, и Вячеславъ удалился въ Вышегородъ.

Не успѣлъ еще Изяславъ успокоить народъ, волнуемый живѣйшею радостію, какъ услышалъ, что Владимірко спѣшитъ на помощь къ Юрію; чтобы не дать соединиться двумъ сильнымъ своимъ врагамъ, Изяславъ, вызвавъ Вячеслава на велико-княженіе, встрѣтилъ Владимірка на р. Стугнѣ; но его разноплеменное войско, увидѣвъ силу Галицкую, разсѣялось. Изяславъ принужденъ былъ ускакать въ Кіевъ, а оттуда во Владимірь. Онъ предложилъ миръ неумолимому своему дядѣ; получилъ отказъ, и прибѣгнулъ къ помощи чужеземцевъ. Венгерскій король

Гейза II объявилъ войну возвратившемуся изъ Россіи Владимірку; но, по совѣту подкупленныхъ своихъ вельможъ, отложилъ ее до зимы. Тоскуя объ отчизнѣ, Изяславъ не остановилъ своего похода. Съ малою дружиною, но съ крѣпкою надеждою на Кіевлянъ, явился онъ въ окрестностяхъ столицы. Владимірко слѣдовалъ за нимъ. Юрій бѣжалъ изъ Кіева и Изяславъ въ третій разъ на Престолъ.

Владимірко, недовольный безпечностію Юрія и сыновъ его, вышелъ изъ Россіи. Изяславъ вызвалъ Вячеслава изъ Вышегорода; назвалъ его своимъ отцемъ, и передалъ ему Кіевскую Державу. Жестокій Юрій, не смотря на кротость Изяслава, и на сильныя убѣжденія своего брата, требовалъ, чтобы ненавистные ему племянники оставили Кіевъ. Рѣшительный отказъ заставилъ его итти противъ брата. Онъ съ Черниговцами, Суздальцами и Половцами осадилъ Кіевъ со стороны Лыбеди; но умнымъ расположеніемъ полковъ и искуснымъ дѣйствіемъ Изяслава былъ разбитъ, и отступилъ, ожидая примирившагося Владимірка. Вячеславъ и Изяславъ преслѣдовали его, и, не давъ соединиться съ Галицкимъ княземъ, напали на него съ жестокостію. Открылось побоище ужасное. Андрей Юрьевичъ потерялъ шлемъ и щитъ; но не переставалъ сражаться. Изяславъ, жестоко раненый, и плававшій въ крови, едва не погибъ отъ своихъ воиновъ, не узнавшихъ его. Юрій бѣжалъ въ Переяславль; принялъ миръ отъ побѣдителей, и удалился въ Суздаль.

Оставался еще врагъ, врагъ могучій, хитрый — то былъ Владимірко. Изяславъ пригласилъ короля Венгерскаго, Гейзу II, радъ былъ случаю усмирить гордаго своего сосѣда. Соединившись у горъ Карпат-

ских, они вступили въ землю Галицкую. Владимірко, готовый къ битвѣ, стоялъ на другой сторонѣ рѣки. По звуку трубы, Венгры и Русскіе бросились черезъ рѣку; врѣзались въ полки непріятельскіе, и обратили Владимірка въ бѣгство. Онъ заперся въ Перемышлѣ; но видя неминуемый плѣнъ, по взятіи слабо-укрѣпленнаго города, притворился раненымъ, лежащимъ на смертномъ одрѣ, и просилъ мира. Изяславъ видѣлъ обманъ; но добродушный Гейза согласился, и послалъ къ нему животворящій крестъ св. Стефана, чтобы онъ поклялся передъ нимъ хранить миръ, и возвратить Россіи отнятые имъ города; Изяславъ возвратился въ Кіевъ, и торжествовалъ побѣду.

Изяславъ не обманулся во Владимірѣ. Онъ, по клятвѣ, не возвратилъ Россіи городовъ Волынскихъ, но спѣшилъ соединиться съ Юріемъ и былъ разбитъ, послѣ возвратился въ Галицію, и умеръ скоропостижно. Въ это время свирѣпствовалъ Юрій въ землѣ Сѣверской и около Чернигова. Битвы продолжались двѣнадцать дней, и увѣнчали Андрея Юрьевича славою героя. Юрій осаждалъ уже Черниговъ, въ которомъ оставался князь, преданный Изяславу, и доходилъ до необходимости сдаться; но явился Изяславъ; Половцы бѣжали отъ его оружія, и Юрій, оставя князей Черниговскихъ на произволъ ихъ судьбы, отступилъ въ землю Вятичей, и отложилъ воинныя дѣйствія до зимы.

Кровавый споръ раздиралъ бы еще Россію; но добрый Изяславъ скончался на 58 году отъ рожденія. Юрій торжествовалъ.

20.й

ЮРІЙ – ГЕОРГІЙ. 1й

Долгорукій В. К. Кіевскій

Ч. 1. Стр. 192.

ЮРІЙ-ГЕОРГІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ

(Долгорукій).

1155—1157

2 г.

Вячеславъ былъ уже слабъ владѣть кормиломъ правленія въ такихъ бурныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ вызвалъ Ростислава, брата Изяславова изъ Смоленска; назвалъ его сыномъ своимъ, возложилъ на него тяжелое бремя правленія, и вскорѣ скончался. Ростиславъ не могъ устоять противъ соединенныхъ силъ Юрія и князей Черниговскихъ. Онъ уступилъ престолъ Изяславу Давидовичу, князю Черниговскому, союзнику великаго князя Изяслава, а самъ удалился въ Смоленскъ. Юрій потребовалъ, чтобы новый князь вышелъ изъ столицы Мономаховой и Изяславъ повиновался сильнѣйшему.

Достигнувъ цѣли всѣхъ своихъ желаній, Престола Кіевскаго, Юрій показалъ себя достойнымъ преемникомъ родителя своего Владиміра Мономаха, онъ роздалъ всѣмъ удѣлы, и всѣ были довольны, кромѣ сыновей Изяславовыхъ Андрея и Мстислава. Они наслѣдовали послѣ отца своего Владиміръ Волынскій

Мстиславъ первый поколебалъ спокойствіе въ Россіи изгнаніемъ изъ Владимірской области Юріева союзника. Великій князь Кіевскій осадилъ Владиміръ; но Мстиславъ Изяславичъ такъ сильно сопротивлялся ему, что по десятидневной осадѣ, и по пролитіи многой крови, Юрій, какъ бы сострадая человѣчеству, отступилъ, и прибылъ въ Кіевъ.

Спокойствіе не было удѣломъ для Юрія Владиміровича и на Престолѣ. Изяславъ Давидовичъ, неохотно уступившій ему Кіевъ, соединился съ Ростиславомъ Мстиславичемъ кн. Смоленскимъ, и со Мстиславомъ Изяславичемъ Волынскимъ, и готовились они идти къ Кіеву; но судьбѣ угодно было смертію одного сохранить жизнь многихъ тысячъ. Юрій, бывшій на весломъ пиру у боярина своего, заболѣлъ, и чрезъ пять дней умеръ 66-ти лѣтъ отъ рожденія.

Юрій, бывъ княземъ Суздальскимъ, оказалъ великія заслуги Россіи. Онъ побѣдилъ Волжскихъ Болгаровъ, заключилъ съ ними миръ, и открылъ торговлю; Болгары доставляли ему множество хлѣба, крупной рыбы и другія произведенія, онъ распространилъ г. Владиміръ на Клязьмѣ, основанный его родителемъ, строилъ церкви; покровительствовалъ Духовенству, а чрезъ него старался образовать полудикій свой удѣлъ на востокѣ. Кромѣ Москвы, онъ построилъ Юрьевъ Польскій, Переяславль залѣсскій, Кострому, Дмитровъ на Яхромѣ и многія многолюдныя селенія. Но его властолюбіе, пролившее рѣки крови и хитрости, вмѣсто удивленія къ его уму, храбрости и другимъ достойнымъ уваженія качествамъ, возбудили къ нему ненависть въ Кіевлянахъ.

21.й

АНДРЕЙ 1.й БОГОЛЮБСКІЙ.

В. К. Владимирскій

Ч. 1. Стр. 195.

АНДРЕЙ ЮРІЕВИЧЪ

(Боголюбскій)

1157—1157

18 л.

Съ кончиною Юрія Владиміровича Россія начала терять единство, и раздѣлилась на княжества: Кіевское и Суздальское. Кіевляне призвали къ себѣ на Престолъ Изяслава Давидовича, кн. Черниговскаго, изгнаннаго ненавистнымъ для нихъ Юріемъ. Ни Мстиславъ, сынъ Изяслава, ни Андрей, сынъ Долгорукаго не спорили съ нимъ о Кіевѣ, онъ потерялъ уже прежнее свое величіе и славу. Первый удалился во Владиміръ на Волынь, а другой, еще при жизни отца своего, въ Суздаль, гдѣ онъ родился, возросъ, и свыкся съ мѣстностію. Начавъ княжить въ мирѣ, онъ не вступался въ раздоры, которые происходили въ юго-западной Россіи, и еще болѣе приближали Кіевъ къ паденію; построилъ городъ Боголюбовъ, названный по иконѣ Божіей матери, взятой

имъ изъ Кіева, вмѣсто всѣхъ сокровищъ, и самъ отъ того получилъ названіе *Боголюбскаго*. Андрей не занимался больше Кіевомъ; вызвалъ художниковъ изъ Греціи; украсилъ новый Владиміръ каменными зданіями, златыми и серебренными вратами; перенесъ въ него столицу, и принялъ названіе великаго князя Владимірскаго.

Вся почти южная Россія объята была погубнымъ пламенемъ междоусобія. Умъ Андрея Юрьевича постигнулъ причину таковыхъ бѣдствій и политической заразы. Онъ взялъ всѣ мѣры сохранить отъ нея восточное свое княжество. Суздальскія владѣнія были обширны; но твердый князь держалъ ихъ въ своихъ рукахъ, и хотѣлъ сохранить навсегда единство и крѣпость. Онъ не давалъ удѣловъ братьямъ, и не назначалъ ихъ для своихъ дѣтей. Корыстолюбивые бояре, теряя надежду управлять ими Князьями въ ихъ удѣлахъ, внушили имъ непріязненныя противъ Андрея мнѣнія, которыя не замедлили обнаружиться на словахъ и на самомъ дѣлѣ. Андрей, увидя зараждающуюся гидру мятежа въ мирныхъ его владѣніяхъ, задавилъ ее, не давъ придти въ силу. Онъ пожертвовалъ любовію братьевъ; выгналъ ихъ бояръ совѣтниковъ, а самихъ князей заставилъ удалиться въ Грецію.

Сосѣдственные Болгары, по смерти Юрія, не сохранили мира съ его сыномъ. Андрей наступилъ на нихъ; гналъ ихъ передъ собою до устья р. Камы и овладѣлъ главнымъ городомъ ихъ Бряхимовымъ. Въ память сей побѣды учреждено празднество Владимірской Божіей Матери, которое донынѣ совершается нашею Церковію.

РОСТИСЛАВЪ МИХАИЛЪ I^й. КІЕВСКІЙ.

[illegible]. В. К. Кіев-
ское Княженій Кратко.

Т. 1. Стр. 196.

Между тѣмъ удѣльные князья югозападной Россіи, предводимые Мстиславомъ, великимъ княземъ Кіевскимъ, поразили Половцевъ; раззорили многія ихъ вежи, и съ великою добычею возвратились въ Кіевъ праздновать побѣду надъ варварами. Пиръ начался веселіемъ, а кончился ссорою, язвительными упреками и разрывомъ добраго согласія. Обвиняли великаго князя въ намѣреніи присвоить себѣ большую часть добычи, особливо въ томъ, будто бы онъ велѣлъ сыну своему Роману кн. Новгородскому напасть на Полоцкую область. Ссора и неумѣстныя угрозы съ обѣихъ сторонъ заставили князей выѣхать изъ Кіева, и вооружили ихъ противъ Мстислава Изяславича. Андрей Юрьевичъ, не любя этого князя за грубость противъ его родителя, а болѣе чтобы унизить Кіевъ и показать Владиміръ во всемъ его блескѣ и силѣ, послалъ отъ себя сильное войско. Одиннадцать князей возстали противъ брата, добраго Ростислава; взяли Кіевъ: разграбили имущество гражданъ, и не пощадили ни Софійской ни Десятинной церкви. Вся дорогая церковная утварь, ризы, даже книги и колокола содѣлались ихъ добычаю. Кіевъ опустѣлъ, палъ и Андрей отдалъ его въ удѣлъ брату своему Глѣбу; отдалъ въ удѣлъ Мать городовъ Россійскихъ. Владиміръ принялъ названіе Стольнаго града.

Давно уже Новгородцы потеряли уваженіе къ потомкамъ того, кто далъ имъ свободу избирать князей. Они избирали ихъ по своимъ прихотямъ, изгоняли и даже сажали въ темницу. Андрей рѣшился ограничить ихъ самовластіе и привести въ зависимость отъ Владиміра. Онъ поручилъ грозное ополче-

ніе сыну своему Мстиславу, который вступилъ въ область Новгородскую, какъ въ землю лютыхъ враговъ; все предавалъ опустошенію и осадилъ Новгородъ; но Новгородцы рѣшились умереть за права свои. Тогда какъ градъ язвительныхъ стрѣлъ сыпался по улицамъ, падали стѣны и сопротивленіе казалось невозможнымъ, Архіепископъ со всѣмъ Духовенствомъ вынесъ икону Божіей Матери Знаменія, и поставилъ ее въ мѣстѣ, которому угрожала большая опасность. Одна изъ стрѣлъ вонзилась въ икону; и образъ оборотился къ городу ликомъ; внезапный страхъ напалъ на осаждающихъ. Они бросились отъ стѣнъ; Новгородцы били ихъ безъ пощады, и брали въ плѣнъ тысячами. Это чудо и понынѣ воспоминаютъ Новгородцы съ торжествомъ 27 Ноября.

По смерти Глѣба, явились многіе искатели Кіевскаго Престола, и вновь омыли руки свои въ крови братьевъ. Андрей вмѣшался въ междоусобіе; но войско его погибло при осадѣ Вышегорода. Андрей, чтобы не привести Владимірцевъ и Суздальцевъ въ уныніе, всегда сохранялъ, или показывалъ твердость духа.

Какъ строгій блюститель правосудія, Андрей сдѣлался жертвою этой великой добродѣтели, и погибъ отъ рукъ злодѣевъ. Одинъ изъ братьевъ жены его Улиты былъ обвиненъ въ важномъ преступленіи. Андрей, при всей своей любви къ братьямъ жены, велѣлъ казнить его. Братъ казненнаго, участвовавшій во многихъ злодѣйствахъ и боясь подобной участи, рѣшился предупредить казнь свою смертію великаго князя, представляя строгость его и жестокія наказанія за малыя простуки, и обѣщая большую добычу

отъ расхищенія казны княжеской, онъ подговорилъ многихъ, даже близкихъ къ Андрею бояръ на такое преступное дѣло. Злодѣи ворвались ночью къ спавшему князю, и, не смотря на его сильное сопротивленіе, умертвили его самымъ безчеловѣчнымъ образомъ въ Боголюбовѣ.

ВСЕВОЛОДЪ II ВЕЛИКІЙ.

1176—1212.

36 л.

Послѣ мятежнаго двухлѣтняго княженія добраго Михаила II Юрьевича, жители Владиміра присягнули брату его Всеволоду, а Ростовцы, гордясь своимъ старшинствомъ, призвали къ себѣ князя Новгородскаго Мстислава, сына Андрея Боголюбскаго. Всеволодъ побѣдилъ его и Мстиславъ, отверженный Новгородцами, удалился къ кн. Рязанскому Глѣбу. Онъ зналъ, что Москва, построенная на самомъ почти рубежѣ рязанскихъ владѣній, была у Рязанцевъ какъ порохъ на глазу: склонилъ князя къ войнѣ со Всеволодомъ, и юная Москва въ первый разъ сдѣлалась невинною жертвою властолюбія. Ее превратили въ пепелъ. Всеволодъ разбилъ возмутителей и взялъ въ плѣнъ Глѣба, который и умеръ во Владимірской темницѣ.

Сыновья умершаго Глѣба жаловались на старшаго брата своего Романа, который отнималъ у нихъ удѣлы.

22й

ВСЕВОЛОДЪ. ВЕЛИКІЙ

В. Н. Бантышъ-Каменскій.

Т. I Стр. 200.

Всеволодъ принялъ ихъ подъ свою защиту; разбилъ Романа не далеко отъ Коломны; осадилъ Рязань, и далъ миръ Роману; когда онъ съ братьями своими призналъ Всеволода общимъ своимъ покровителемъ, и всѣ онѣ приняли отъ сильной руки его удѣлы.

Святославъ, кн. Черниговскій, тесть Романа, желая отмстить Всеволоду за униженіе своего зятя, съ Половцами и Новгородцами вступилъ въ землю Суздальскую; опустошилъ берега Волги и Тверцы, и встрѣтилъ Всеволода за 40 верстъ отъ Переяславля; но не смѣя сдѣлать на него нападенія, отступилъ къ Новгороду. Всеволодъ, положивъ твердое намѣреніе соединить, сколько возможно, разъединенную Россію подъ одну державу, обратился противъ Новгорода; взялъ упорно защищавшійся Торжекъ, и чтобы показать сильную руку свою надъ дерзновенными, разрушилъ городъ; и всѣхъ жителей отвелъ въ плѣнъ. Устрашенные Новгородцы отказались отъ Святослава и признали надъ собою власть Всеволода, великаго князя Владимірскаго.

Въ это время южная Россія была объята пламенемъ войны. Половцы жгли и опустошали ее, но всѣми напряженными силами князей были отражены, и ушли за Донъ; храбрые и неосторожные Игорь и братъ его Всеволодъ, сыновья Святослава Ольговича, преслѣдовали ихъ и послѣ немногихъ удачныхъ ошибокъ, были взяты въ плѣнъ. (Ихъ подвиги описаны въ словѣ о полку Игоревѣ.) Великій князь Всеволодъ не принималъ участія въ кровавыхъ дѣлахъ издыхающаго Кіева. Но когда въ Рязанѣ старшіе сыновья Глѣба умыслили не только тайную, но и явную погибель меньшимъ своимъ братьямъ, и осадили ихъ въ Пронскѣ; тогда Всеволодъ явился

въ Рязанской землѣ, и, опустошивъ ее, привелъ ея князей въ крайнее безсиліе.

Возвратившись во Владиміръ, Всеволодъ услыхалъ отъ гонцевъ: какъ Владиміръ, внукъ славнаго Владимірка, роскошествовалъ и нѣжился на Галицкомъ Престолѣ; какъ недовольный народъ призвалъ къ себѣ строгаго Романа Мстиславича и заставилъ Владиміра удалиться въ Венгрію, и какъ король Венгерскій Бела II обласкалъ Владиміра, вошелъ въ Галицію, по удаленіи Романа; возвелъ на престолъ сына своего Андрея, а Владиміра взялъ съ собою и посадилъ въ высокую каменную башню. Всеволодъ, по видимому, далъ волю раздорамъ въ Юго-западной Россіи; и своею невидимою силою заставилъ Новгородъ, Рязань, Смоленскъ, и нѣкоторыя области Волынскія и Днѣпровскія признать себя главою.

Половцы, служившіе иногда Всеволоду за деньги, и въ это время предоставленные своимъ промысламъ, безпокоили южныя его владѣнія. Всеволодъ ихъ выгналъ изъ нынѣшней Екатеринославской губерніи и стѣснилъ у самаго моря Каспійскаго. За такимъ великимъ подвигомъ слѣдовала побѣда важнѣйшая, безкровная. Новогородцы, привыкшіе мѣнять князей, просили Всеволода, чтобы онъ далъ имъ князя изъ рода Мономахова. Чего Андрей не могъ сдѣлать силою, въ томъ успѣлъ его братъ хитростію. Онъ послалъ къ Новгородцамъ своего сына Святослава-Гавріила, младенца, а съ нимъ опытныхъ бояръ и чрезъ нихъ управлялъ Новгородомъ.

Слухи о тираньствѣ Романа Мстиславича, вызваннаго Галичанами изъ Волыни, достигли до Кіевскаго князя Рюрика, тестя Романова, который, соединясь

съ князьями Южной Россіи, хотѣлъ не только ограничить жестокость своего зятя; но и отнять у него Галицію. Романъ не дожидался ихъ сборовъ, а самъ съ сильнымъ войскомъ явился на Днѣпрѣ. Ни одинъ городъ не смѣлъ ему сопротивляться, да и самый Кіевъ отворилъ ворота. Рюрикъ спасся въ Овручъ, и князья Черниговскіе заперлись въ Черниговъ. Всеволодъ, или успѣшная дѣйствія тайныхъ своихъ намѣреній, или имѣя неудовольствіе на Рюрика, тайно держалъ сторону Романа, и сдѣлался виновникомъ величайшаго бѣдствія для Кіева. Романъ оставилъ двоюроднаго брата своего въ Кіевѣ, и избавивъ Греческую Имперію отъ нападенія возвратившихся Половцевъ, поспѣшилъ въ Галичъ. Рюрикъ и Черниговскіе князья, не щадя сокровищъ, напяли Половцевъ; вошли въ Кіевъ и предали его совершенному разграбленію и запустѣнію (1204). Они и сами вышли изъ Кіева, и послѣдніе, такъ сказать, затворили его ворота. Романъ возвратился; схватилъ своего тестя; постригъ его въ монахи, а Кіевъ отдалъ на попеченіе великому князю Владимірскому. Война съ Польшею увлекла Романа въ свой пылъ, и герой властолюбивый, скромный, гордый и великодушный смертельно былъ раненъ на сраженіи.

Смерть Романова возмутила южную Россію. Рюрикъ снялъ съ себя клобукъ, и хотѣлъ по прежнему возложить на себя вѣнецъ княжескій; но Всеволодъ черный кн. Черниговскій сынъ коварнаго Святослава, врага великаго князя Владимірскаго, вырвалъ у него вѣнецъ. Онъ, подобно дѣду своему Всеволоду, съ мечемъ и огнемъ вступилъ въ покрытую уже пепломъ древнюю столицу; изгналъ Рюрика изъ Кіева, а Ярослава Всеволодовича изъ Переславля.

Оскорбленный Всеволодъ, видя южную Россію въ рукахъ врага дому Мономахову, съ сильнымъ войскомъ двинулся къ Югу. Разанскіе князья, преданные Черному, питая въ душѣ лютую измѣну, соединили свои силы съ Владимірскими на Окѣ. Они были приняты ласково; приглашены къ столу великокняжескому, веселились, и не думали, что ихъ коварное предательство извѣстно уже Всеволоду. По окончаніи стола, Всеволодъ оставилъ шатеръ: и явились обвинители. Никакія оправданія, никакія клятвы не помогли несчастнымъ, особливо, когда князья Рязанскія Олегъ и Глѣбъ явно доказали ихъ измѣну. Виновнѣйшихъ оковали тяжелыми цѣпями, и заключили во Владимірской темницѣ.

Всеволодъ, видя повиновеніе Рязанцевъ, и, услышавъ объ изгнаніи Черпаго Рюрикомъ, спокойно возвратился во Владиміръ. Бунтъ Рязанцевъ, желавшихъ возвратить своихъ князей, и непостоянство Новгородцевъ, которые при появленіи Мстислава, сына Мстислава храбраго, посадили въ Архіерейскій домъ Святослава Гавріила, не имѣли никакихъ возмутительныхъ для Россіи послѣдствій. Всеволодъ наказалъ первыхъ, и многихъ изъ нихъ поселилъ въ Суздальской области, а съ послѣдними, уважая достоинства Мстислава, заключилъ миръ. Не за долго до кончины своей онъ назначилъ Константина преемникомъ велико-княжескаго Владимірскаго Престола съ тѣмъ, чтобы младшій братъ его Георгій княжилъ въ Ростовѣ. Неосторожный юноша обнаружилъ неудовольствіе при такомъ раздѣлѣ. Всеволодъ собралъ совѣтъ, и, въ присудствіи духовенства и бояръ, торжественно объявилъ Георгія великимъ княземъ, а Константина княземъ Ростовскимъ. Всѣ видѣли, что

такое предпочтеніе, оказанное младшему брату, есть слѣдствіе скоропреходящаго гнѣва; всѣ замѣчали непріязненный взглядъ Константина на Георгія; всѣ заключили, что этотъ грозный взглядъ произведетъ опустошительную бурю; но Всеволодъ былъ твердъ въ своемъ постановленіи. Никто не смѣлъ ему противорѣчить. Воля родителя была для нихъ закономъ.

ГЕОРГІЙ

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ,

КОНСТАНТИНЪ

РОСТОВСКІЙ.

1212 — 1216

4.

Въ то время, когда Южная Россія была уже повержена во прахъ, и обезображенная, лишенная силъ своихъ, показывала одни судорожныя движенія своихъ членовъ, пораженныхъ многими ударами; въ то время восточная явилась, какъ обновленная. Она одною рукою грозила мечемъ, а другою неприметно налагала узы не рабства, а повиновенія на непокорныхъ и строптивыхъ. Смерть великаго поразила ее. Она лишилась въ немъ многаго.

Отъ всего сердца плакали Суздальцы о потерѣ князя строгаго, но судіи справедливаго. Вскорѣ они, дѣти единаго семейства, разъединились, и подъ двумя главами составили два княжества, недоброжела-

25й

ГЕОРГІЙ 1й

В. К. Владимирскій.

(Стр. 206.

тельные другъ другу: Владимірское подъ жезломъ Георгія, и Ростовское подъ властію Константина. Младшіе братья ихъ: Ярославъ Ѳеодоръ, получившій Переяславль Залѣсскій и Святославъ, принявшій Юрьевъ Польскій, стали на сторонѣ Георгія, а Димитрій Владиміръ, первый князь Московскій, на сторонѣ Константина.

Искра вражды между братьями затлѣлась тогда, когда погасла жизнь родителя ихъ Всеволода. Она вскорѣ вспыхнула сильнымъ пламенемъ. Георгій, великій князь Владимірскій, вступилъ на Престолъ, и первый шагъ его отозвался гласомъ благодарности. Онъ выпустилъ изъ темницы томившихся въ ней князей Рязанскихъ, и далъ свободу ихъ подданнымъ, поселеннымъ за ихъ возмущеніе въ Суздальской области. Не такъ началъ Константинъ властвованіе свое въ Ростовѣ. Багровое зарево отсвѣтилось въ княжескихъ его украшеніяхъ, и плачевные вопли были ему привѣтомъ. Онъ сожегъ Кострому, и плѣнилъ ее жителей за то только, что они принадлежали Владиміру, а не Ростову. Георгій въ справедливомъ своемъ негодованіи два раза осаждалъ Константина въ Ростовѣ; но, кромѣ непрочнаго мира и изгнанія Димитрія изъ Москвы, ни чѣмъ не могъ удовлетворить своему мщенію.

Съ этого времени сѣверная Россія, вмѣсто южной, дѣлается предметомъ корысти и властолюбія. Она на долгія времена открываетъ позорища, на которомъ кромѣ Литовцевъ, старинныхъ враговъ ея, явились Нѣмцы, остатки рыцарей крестовыхъ походовъ, и, подъ именемъ Ливонскихъ рыцарей, дѣйствовали съ перемѣнною удачею, пока не заступили мѣста ихъ сильнѣйшіе народы.

Сіи рыцари, подъ начальствомъ Магистра, съ мечемъ въ рукахъ обращая поморскихъ язычниковъ къ западной Католической Церкви, утвердились въ южной Ливоніи, въ сосѣдствѣ Новгородскихъ владѣній; но въ Новгородѣ былъ на стражѣ сильный князь Мстиславъ, сынъ Мстислава *Храбраго*. Онъ обнажилъ противъ рыцарей свой мечъ, когда они захотѣли овладѣть сѣверною Ливоніею, особливо Эстоніею (Эстляндіею), богатою хлѣбомъ и другими жизненными потребностями; шелъ до самаго моря Балтійскаго, и не встрѣтилъ ни одного Нѣмца. Они скрылись и заперлись въ Ригѣ, построенной ими въ 1200 году. Дѣла въ южной Россіи отозвали Мстислава въ Кіевъ. Онъ совѣтовалъ Новгородцамъ избрать другаго князя, и обѣщалъ всегда быть готовымъ къ ихъ защитѣ.

Ярославъ Ѳеодоръ, женатый на дочери Мстислава, любимаго Новгородцами, былъ призванъ въ Новгородъ на княженіе. Не понимая, кому обязанъ этою честію, онъ началъ мстить Новгородцамъ за то, что они брата его Святослава Андрея заключили въ Архіерейскомъ домѣ, и призвали къ себѣ Мстислава. Открылся бунтъ, и робкій Ярославъ удалился въ Торжекъ. Не имѣя чѣмъ наказать своихъ недоброжелателей, онъ захватывалъ купцовъ и хлѣбъ на пути къ Новгороду. Послѣдовала ужасная дороговизна, а за нею убійственный голодъ. Напрасно Новгородцы просили Ѳеодора возвратиться. Онъ не слушалъ ихъ воплей, и не хотѣлъ видѣть жертвъ голодной смерти. «Я съ вами!» сказалъ явившійся Мстиславъ, и Новгородцы воскресли. Онъ послалъ къ зятю своему при-

казаніе, дать свободу всѣмъ, захваченнымъ Новгородцамъ, и оставить Торжекъ; но гордый и непослушный зять приказалъ тестю удалиться изъ Новгорода.

Междоусобіе было неизбѣжно. Чтобы дѣйствовать рѣшительнѣе, Мстиславъ заключилъ союзъ съ Константиномъ, обѣщая его возвести на престолъ Владимірскій, и, предводительствуя Новгородцами и Псковитянами, соединился съ нимъ въ области Суздальской. Не желая кровопролитія, Мстиславъ предложилъ миръ Георгію; но получилъ презрительный отказъ, и назначеніе обширнаго Липецкаго поля для рѣшительной битвы. Георгій былъ разбитъ совершенно; прискакалъ во Владиміръ въ одной рубашкѣ, и, получивъ отъ жителей отказъ защищаться въ стѣнахъ, оставилъ свою столицу, и съ семействомъ своимъ предался на произволъ судьбы, проклиная Ѳеодора, какъ *виновника его* злополучія.

КОНСТАНТИНЪ

В. К. ВЛАДИМІРСКІЙ И СУЗДАЛЬСКІЙ.

1216—1219

3.

Константинъ, возведенный на великокняжескій Владимірскій престолъ героемъ того времени, Мстиславомъ Новгородскимъ, простилъ Ярослава Ѳеодора, меньшаго своего брата, сдѣлавшагося виновникомъ ужаснаго Липецкаго кровопролитія, въ которомъ однихъ Владимірцевъ пало слишкомъ 9000. Вопли женъ, потерявшихъ мужей своихъ; жалобы стариковъ, лишившихся опоры въ сыновьяхъ и внукахъ; крики малолѣтныхъ сиротъ, лишившихся своихъ отцевъ, и слезно просившихъ насущнаго хлѣба, наполнили унынiемъ веселый Владиміръ. Константинъ не запирался во дворцѣ; но утѣшительными словами, обѣщаніями, сокровищами своими старался отереть слезы несчастныхъ.

И Георгій съ семействомъ своимъ, какъ чуждый въ собственномъ отечествѣ, переходилъ изъ города въ городъ, и, помня недоброжелательство своего брата къ себѣ, нигдѣ не находилъ безопаснаго пріюта. Георгій бѣгалъ своей тѣни. Онъ не зналъ, что вели-

24.й

КОНСТАНТИНЪ 1й

В. К. Владимирскій.

Т. I. Стр. 206

кодушіе, миролюбіе и состраданіе къ несчастнымъ Новгородскаго героя сдѣлало великую перемѣну въ сердцѣ великаго князя. Константинъ открылъ слѣды блуждающаго своего брата; убѣдилъ его возвратиться во Владиміръ, и принялъ со всею братскою нѣжностію. «Знаю, что я не правъ передъ тобою; и преступилъ волю нашего родителя, сказалъ Константинъ. Но, конечно, такъ угодно Богу! владѣй Суздальскою землею, пока не получишь жезла великокняжескаго; и когда смерть представитъ меня на судъ праведный; тогда будь моимъ дѣтямъ вторымъ отцемъ!» Георгій залился слезами, и поклялся забыть всё прошедшее.

Таковое мирное начало княженія Константинова не имѣло мирныхъ послѣдствій для прочей Россіи. По удаленіи грознаго Мстислава, Литовцы ворвались въ Полоцкую область, и разграбили нѣсколько селеній. Нѣмецкіе рыцари овладѣли частію Ливоніи, и хотѣли въ ней утвердиться; но Псковитяне уничтожили всѣ ихъ хитрые замыслы. Они, послѣ жаркаго и побѣднаго боя, осадили Ливонскій городъ и голодомъ заставили рыцарей просить мира. Онъ былъ заключенъ. Псковитяне взяли одного знатнаго рыцаря въ залогъ вѣрности, и получили 700 рыцарскихъ коней въ добычу.

Но въ Россіи не переставала литься кровь. Въ Галиціи, которою овладѣли Венгры, открылось гоненіе на христіанъ восточной церкви. Венгерскій король Андрей, отдавъ Галицію сыну своему Коломану, хотѣлъ въ угодность Папѣ, чтобы всѣ Галичане приняли Римско-Католическое исповѣданіе, а чтобы успѣть въ томъ, изгналъ Епископа, Священниковъ, и затворилъ Грекороссійскія церкви. Галичане, лишен-

ные духовныхъ пастырей, но крѣпкіе въ своей вѣрѣ, лишались своего имущества, и, подражая древнимъ мученикамъ, безъ сопротивленія склоняли свою голову подъ сѣкиру палачей.

Таковое неистовство было произведено, по крайней мѣрѣ, твердой ревностію къ исповѣданію вѣры; но въ Россіи вредный духъ любоначалія произвелъ неслыханное убійство. Глѣбъ, кн. Рязанскій, обвинитель князей при Всеволодѣ, умыслилъ съ братомъ своимъ Константиномъ погубить всѣхъ князей Рязанскихъ, и самимъ владѣть ихъ удѣлами. Они просили всѣхъ родственниковъ пріѣхать для важныхъ совѣщаній, и чтобы тайна осталась между ними, Глѣбъ мѣстомъ собранія назначилъ открытое поле, на которомъ будетъ раскинутъ большой шатеръ. Никто не подозрѣвалъ ужаснаго умысла. Всѣ собрались безъ всякаго вооруженія. Въ шатрѣ Глѣбовомъ былъ изготовленъ богатый пиръ; но среди роскошнаго веселія Глѣбъ съ Константиномъ обнажили мечи; слуги сдѣлали тоже; ворвались скрывавшіеся Половцы, и глухой звукъ мечей о непокровенные головы смѣшался со стономъ умиравшихъ. Шесть князей и всѣ ихъ бояре пали жертвою нечестиваго властолюбія.

Такая ужасная вѣсть поразила великаго князя; но онъ, по слабости своего здоровья, не могъ наказать злодѣевъ, и, благотворя своимъ подданымъ, скончался на 33 году отъ рожденія. Супруга его, Агафія, принесла достойную и святую жертву супружеской вѣрности. Она, проливъ горячія слезы надъ могилою возлюбленнаго своего князя, вошла не во дворецъ, а въ монастырь, гдѣ постриглась въ тоже время, и, подъ чернымъ покрываломъ скрылась навсегда отъ очей свѣта.

25.й

ГЕОРГІЙ. II.й

В. К. Владимирскій.

Т. I. Стр. 213.

ГЕОРГІЙ II

(Всеволодовичъ)

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ.

1219 — 1224

5.

Спокойно вступилъ Георгій на великое княжество Владимірское, но не при счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Затмѣнія луны и солнца, ходящіе по небу красные и черные столбы, нападающіе другъ на друга, и превращающіеся въ кровь; съ сильнымъ стукомъ и трескомъ летающіе въ воздухѣ огненные змѣи, какія-то чудныя облака, представляющія невиданныхъ уродовъ и звѣрей; сильное трясеніе земли; продолжительный мракъ, отъ котораго птицы падали съ воздуха, смущали и приводили въ трепетъ самыхъ неробкихъ людей; но никто не предвидѣлъ, какое новое бѣдствіе поразитъ Россію. Междоусобныя войны на югѣ и на сѣверѣ сдѣлались уже обыкновенны, и никто ни выводилъ изъ нихъ ни худа ни добра. Такъ на югѣ рѣзались Поляки и Венгерцы за Галицію, отнимая ее у законнаго наслѣдника Данія-

ла, сына храбраго Романа, бывшаго бичемъ для тѣхъ и другихъ. Въ пылу взаимнаго ихъ остервенения, явился сѣверный герой Мстиславъ Новгородскій. Онъ положилъ тяжелый мечъ свой на колеблющіяся вѣсы; быстро наклонилъ ихъ на свою сторону; вѣнчался златымъ вѣнцемъ, и провозглашенъ королемъ Галицкимъ.

На Сѣверѣ приливъ и отливъ Нѣмцевъ отъ Балтійскаго моря былъ непрестанный; но Новгородцы и Псковитяне ставили имъ твердые оплоты. Къ рыцарямъ Ливонскимъ присоединились Датчане и Шведы. Всѣ хотѣли крестить Ливонцевъ, и крестили ихъ мечемъ. Вольдемаръ II, храбрый король Датскій, побѣдилъ ихъ въ 1219 году, основалъ городъ Ревель, а Ливонцы, крещенные по тогдашнему обыкновенію Папистовъ, отказались отъ Христіанства, и въ домахъ своихъ истребили всѣ его признаки.

При такихъ напорахъ западныхъ, завистливыхъ народовъ на Россію, Георгій спокойно княжилъ на востокѣ. Болгары, какъ купечествующій народъ, хотѣли, для ближайшаго сношенія съ Двинскою областію, утвердиться въ Устюгѣ, зависѣвшемъ отъ великаго князя и старались овладѣть берегами Унжи, но Святославъ, братъ Георгія, не только прогналъ ихъ; но, преслѣдуя, проникнулъ Волгою въ самую Болгарію, и возвратился оттуда со славою побѣдителя. Восхищенный такими подвигами Георгій встрѣтилъ своего брата при устьѣ Оки, и на высокомъ Волжскомъ берегу, въ 1222 г. положилъ основаніе городу, названному потомъ *Нижнимъ Новгородомъ*.

Россія, легко колеблемая на Западѣ и Сѣверѣ, подверглась крушенію со стороны Восточной. Народъ невѣдомый, ищущій завоеваній, подобно бурной тучи,

покрылъ все небо надъ Россіею, и преклонилъ ее къ землѣ, какъ сильный градъ прибиваетъ къ нашимъ полу-созрѣлую жатву. Монголы или Татары изъ неизмѣримыхъ степей Азіи появились на южныхъ берегахъ Днѣпра. Приведенные въ недоумѣніе князья южной Россіи положили въ общемъ совѣтѣ встрѣтить враговъ, и прогнать ихъ за горы.

Первая одержанная побѣда повела Россіянъ за бѣгущими пришельцами. Но эта была одна хитрость. На р. Калкѣ неосторожные князья увидѣли передъ собою необозримыя полчища. Отступать было не возможно. Опасность окаменила сердца и воеводъ и воиновъ, и рукамъ ихъ дала новую, судорожную крѣпость. Честолюбивый и слишкомъ полагавшійся на военное счастіе Мстиславъ, вмѣстѣ съ Даніиломъ, не давъ устроиться князьямъ Черниговскимъ, бросился первый на Татаръ, и былъ принятъ съ неожиданною имъ твердостію. Тогда какъ завязалось самое жаркое дѣло, Половцы, которыхъ, по незнанію военныхъ хитростей, поставили въ первыхъ рядахъ, бросились назадъ, и смѣшали полки Мстислава. Этотъ Сѣверный герой съ раненымъ уже Даніиломъ, не могъ удержать Галичанъ, и, бывъ увлеченъ бѣгущими, смялъ готовившихся къ битвѣ, и все обратилось въ бѣшеное, необузданное бѣгство. Мстиславъ Романовичъ, князь Кіевскій, успѣвшій укрѣпиться на крутой горѣ, и, почитая себя неприступнымъ, не участвовалъ въ этой безобразной свалкѣ. Онъ былъ вызванъ изъ своихъ окоповъ лестію, и преданъ постыднѣйшей смерти. Татары, преслѣдуя Русскихъ до Днѣпра и насытившись кровію ихъ, воротились въ Азійскія степи.

Сѣверные Россіяне почитали себя какъ-бы чуждыми

ми южнымъ своимъ собратіямъ. Георгій, видя себя въ совершенной безопасности, не участвовалъ въ этомъ пагубномъ для всей Россіи дѣлѣ. Онъ, какъ говорятъ, имѣлъ даже слабость порадоваться невольному бѣгству Мстислава, отъ котораго самъ, не за долго, бѣжалъ съ Липецкаго поля.

Татары скрылись, и междоусобія, притаившіяся отъ страха, стали оживать снова. Самъ великій князь Георгій началъ несправедливую брань. Сынъ его мирно княжилъ въ Новгородѣ; но Георгій приказалъ ему выѣхать въ Торжекъ; самъ прибылъ къ нему съ войскомъ, и, по какому-то неудовольствію на Новгородскихъ чиновниковъ, грозилъ нападеніемъ на Новгородъ. Иди, сказали ему граждане, у тебя есть мечи, у насъ головы; поруби ихъ; и властвуй въ Новгородѣ!» Такой покорный и вмѣстѣ укорительный отзывъ остановилъ Георгія. Онъ, забравъ казну въ Торжкѣ, возвратился во Владиміръ, и не почелъ достойнымъ для себя подвигомъ участвовать въ изгнаніи Литовцевъ, которые произвели великое опустошеніе въ Сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи.

Въ южной Россіи смятенія превосходятъ всякое описаніе. По смерти храбраго Мстислава Мстиславича, Галиція перешла опять во власть Венгровъ. Даніилъ, съ помощію Ляховъ, оспоривалъ ее у похитителей. Одни изъ князей южной Россіи стали на сторонѣ Даніила, другіе не желали ему добра, и въ возгорѣвшейся войнѣ, Кіевляне, Черниговцы, Волынцы, Галичане, Ляхи и Венгры рѣзали другъ друга безъ всякой пощады, и, теряя свои силы, готовили себя къ принятію тяжелыхъ оковъ постыднаго рабства. Никто не зналъ въ Россіи, куда скрылись Татары, и почитали ихъ кочующею ордою, сдѣлавшею на-

бѣгъ временной. Такъ думали Русскіе и жестоко ошиблись, не принявъ никакихъ мѣръ. Набѣжавшіе Татары были отрядомъ того необыкновеннаго великаго и храбраго войска, которое объяло собою всю почти Азію. Чингис-ханъ, завоеватель Востока, умирая, оставилъ по себѣ сына, воинственнаго Октоя. Исполняя волю своего отца: давать миръ только побѣжденнымъ, поручилъ онъ племяннику своему Батыю 300 тысячъ воиновъ: съ повелѣніемъ побѣждать народы на западѣ и Батый явился въ Россіи.

Напрасно Рязанскіе князья, предвидя совершенную погибель, умоляли Георгія соединить силы для отраженія лютаго врага. Великій князь, торжествовавшій не за долго до этого времени побѣду надъ Мордвою, не хотѣлъ терять своихъ силъ, защищая чуждыя княжества, и надѣялся поразить полчища Татаръ на предѣлахъ своего княжества. Такимъ образомъ безпомощная Рязань, послѣ самаго упорнаго сопротивленія, превратилась въ кучу пепла, а избитые Рязанцы, непогребенные, достались въ пищу плотоядным звѣрямъ и птицамъ. Недовольствуясь сею великою жертвою, Батый пошелъ къ великому княжеству Владимірскому. Всеволодъ, юный сынъ Георгія, съ малыми силами встрѣтилъ восточнаго исполина близъ Коломны; сразился, и съ дружиною своею былъ попранъ нечестивыми ногами варваровъ и Москва, какъ умилостивительная свѣча, запылала вновь предъ разгнѣваннымъ небомъ.

Гордый въ своемъ княжескомъ теремѣ, Георгій не принялъ надежныхъ мѣръ, и тогда только, какъ сильныя полчища, опытныя въ ратномъ дѣлѣ того времени, всепоглащающими волнами нахлынули на Владимірскіе предѣлы; онъ, оставивъ Владиміръ подъ

слабою защитою, удалился за Волгу собирать войско въ Ярославской области. Стѣны и ворота Столицы были слабы для легкихъ и смѣлыхъ сыновъ степей. Они со всѣхъ сторонъ ворвались въ городъ и произвели лютость тигровъ. Семейство великаго князя затворилось въ соборномъ храмѣ, и погибло въ пламени. Упившись кровію, Батый, не оставивъ ничего живаго и цѣлаго во Владимірѣ, двинулся къ Волгѣ противъ Георгія. Князь, приведенный въ отчаяніе разрушеніемъ столицы и ужасною кончиною своего семейства, ополчился при р. Сити, и, предавъ себя воли Всевышняго, ожидалъ всегубительнаго побѣдителя. Батый явился, и, какъ убійственными молніями осыпалъ меткими стрѣлами и копьями малочисленное войско. Отчаяніе и смерть удерживали Россіянъ на мѣстѣ побоища; но многолюдство одолѣло; все обратилось въ бѣгство, и Георгій палъ. Со Владиміромъ всеобладающая нынѣ Россія пала предъ дикими пришлецами Азійскими.

Послѣ легкой битвы, Батый, зная по слухамъ о богатствѣ Новгородцевъ, двинулся къ ихъ городу, въ надеждѣ великой добычи, и былъ уже въ 100 верстахъ отъ него; но топи и дремучіе лѣса, опасные для его коннаго войска, остановили его. Онъ поворотилъ къ нынѣшней Тверской губерніи, и, всеистребляющимъ ураганомъ прошелъ въ свое становище. Крѣпкій и богатый Торжекъ и отличившійся любовію къ малолѣтнему своему князю Козельскъ, также не были пощажены варварами.

26.й

ЯРОСЛАВЪ. IIй

В. К. Владимирскій.

Ч. 1. Стр. 219.

ЯРОСЛАВЪ

(Всеволодовичъ)

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

1238—1247.

9 *л.*

Не съ восхищеніемъ властолюбца, призваннаго владѣть сильнымъ Княжествомъ, но съ растерзаннымъ сердцемъ, Ярославъ, братъ Георгія, медленно приближался къ Владиміру. Попаленные лѣса, кучи пепла на мѣстѣ городовъ и селъ, полу-разтерзанные, или оглоданные трупы по дорогѣ, и тѣни образа человѣческаго, показывавшіяся иногда въ чащѣ лѣса, были предметами, мучившими Ярослава и его дружину.— Чрезъ разрушенныя врата вступилъ онъ во Владиміръ, и былъ задушенъ смрадомъ отъ гніющихъ тѣлъ. — Вездѣ развалины, вездѣ пепелище, вездѣ разрушеніе на мѣстѣ не задолго лпковавшаго Владиміра.

Ходя между трупами, и не узнавая мѣстъ, извѣстныхъ съ младенчества, Князь не предавался изнищему сѣтованію, а показывалъ видъ человѣка, кото-

рый потерялъ не многое, и имѣлъ надежду возвратить все. — Столица опустѣла совершенно. Надобно было собрать разсѣявшихся по лѣсамъ жителей, Ярославъ далъ повелѣніе дружинѣ ѣздить по лѣсамъ; бить въ бубны, и играть на трубахъ веселый сборъ. Какъ мертвецы съ кладбищъ, полунагіе, истощенные голодомъ и жаждою, а многіе облитые кровію изъ зіяющихъ ранъ, роскошные Владимірцы, толпами тянулись по дорогѣ. Ярославъ заблаговременно принялъ мѣры. Онъ приказалъ привести хлѣбъ изъ тѣхъ мѣстъ, на которыя не палетѣла жадная до всего саранча, и укрѣпилъ силы утомленныхъ голодомъ. Смрадъ отъ тлѣющихъ тѣлъ угрожалъ заразою въ воздухѣ, и новымъ бѣдствіемъ. Великій Князь немедленно повелѣлъ очищать церкви, дома, улицы; и Владиміръ, какъ бы изъ могилы, вздохнулъ съ болѣзненнымъ стономъ. Оплакавъ ужасную кончину родныхъ и геройскую смерть брата, Ярославъ приступилъ къ уврачеванію язвъ Владимірскаго и Ростовскаго княжествъ; онъ, на короткое время, занялся другимъ, не менѣе важнымъ и спасительнымъ дѣломъ.

Литовцы, надѣясь на совершенное обезсиленіе Россіи, овладѣли большою частію Смоленскаго княжества. Ярославъ, предводительствуя Новгородцами и своею крѣпкою дружиною, разбилъ грабителей; прогналъ ихъ за предѣлы, и плѣнилъ ихъ князя. И на Югѣ вспыхнуло междуусобіе между Князьями: Черниговскимъ, Кіевскимъ, и Галицкимъ; но Даніилъ, занявшій престолъ Кіевскій, удержалъ его, а Батый кровію погасилъ его совершенно.

Завоевавъ землю Половцевъ, ненасытный Номадъ обратилъ огненные глаза свои на Южную Россію. —

Переяславль, гдѣ нѣкогда Русскій кожевникъ одолѣлъ Печенѣжскаго великана, впалъ въ руки подобныхъ, но еще сильнѣйшихъ варваровъ, Черниговъ, послѣ сильнаго сопротивленія, превратился въ мертвую пустыню; и Кіевъ, мать городовъ Россійскихъ, едва возложившая на себя златую главу, сдѣлалась предметомъ жадности дикаго завоевателя. — Даніилъ Галицкій испыталъ уже силу и непреоборимость Монголовъ; удалился въ Венгрію, чтобы изъ Венгерцевъ Россіянъ поставить крѣпчайшій оплотъ всепоглощающему наводненію. Боярин Димитрій принялъ на себя, защищая столицу, увѣковѣчить славу и честь Русскихъ. Батый потребовалъ добровольной сдачи, и не получилъ отвѣта. Кіевляне обрекли себя на смерть. Они свирѣпо бились на стѣнахъ; тонули въ непріятельской и своей крови на улицахъ, и наконецъ, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, укрѣпились въ оградѣ Десятинной церкви, и избрали ее для себя кладбищемъ. Изъязвленный тяжелыми ранами Димитрій взятъ былъ въ плѣнъ; Батый, уважая храбрость его, далъ ему жизнь. — Кіевъ потерялъ все! но Россія хранила еще сокровище.

Опустошеніе Юга до горъ Карпатскихъ привело сѣверъ въ оцѣпенѣніе. — Князья, не имѣя возможности сопротивляться непреоборимой силѣ, съ трепетомъ ожидали участи, поразившей уже многія сильныя княжества; но Богъ побораетъ не силою, и спасаетъ подъ щитомъ невидимымъ. — Плѣненный, израненный, ничтожный въ глазахъ гордыхъ побѣдителей, Кіевлянинъ Димитрій осмѣлился представить Батыю, что кромѣ лѣсовъ, топей и разбѣжавшихся жителей изъ городовъ, ищущихъ славы и не пустыхъ завоеваній, ничего не найдутъ на Сѣверѣ; что

Король Венгріи, богатый золотомъ, серебромъ и другими дорогими вещами, готовитъ противъ него сильное изъ всѣхъ христіанъ ополченіе, и что завоевать сію страну несравненно славнѣе и выгоднѣе, нежели идти въ Россію далѣе, и возвратиться изъ нея съ одною потерею людей и коней. — Батый вспомнилъ, что удержало его на пути къ Новгороду, и одобрилъ единогласно со всѣми своими вельможами представленіе плѣнника. Онъ двинулъ свое воинство на западъ; опустошилъ Венгрію, часть Польши, всѣ области до Дуная; возвратился съ великою добычею къ Волгѣ, и принялъ названіе *Хана*.

Въ это ужасное время, когда Днѣпровскія, Бугскія, Днѣпровскія и Донскія поля дымились подъ раскаленнымъ пепломъ; когда Князья и ихъ подданные, подобно робкимъ птицамъ, разлетѣлись въ разныя стороны, Ярославъ Всеволодовичъ, Великій Князь Владимірскій, ободривъ возвратившихся Владимірцевъ, всѣми способами старался истребить въ нихъ страхъ, и увѣрялъ, что гнѣвъ милосердаго Бога не вѣченъ; что Онъ караетъ, и вмѣстѣ милуетъ. — Такія и подобныя увѣщанія тихимъ и плодотворнымъ дождемъ пали на сердца обитателей мирныхъ селеній, зазеленѣлись нивы подъ яснымъ, теплымъ небомъ; зазолотились колосистыя, не бывалая до того времени жатва, и много вознаградила потерю обрадованныхъ земледѣльцевъ. Городскіе жители не уступали имъ въ своей дѣятельности. Промышленность и торговля начали уже показывать новую жизнь въ веселой мѣнѣ своихъ издѣлій на богатство Новгородцевъ. Ихъ не коснулся бичъ Божій, и въ это время они были совершенно счастливы подъ владѣніемъ Александра Ярославича, коего красотѣ и уму удивлялись даже

самолюбивые иностранцы. — Но въ эти дни отрады сильная буря съ Сѣвера поднялась надъ Новгородомъ — Шведы не забывали опустошенія и плѣна почти всѣхъ жителей Финляндіи, произведенныхъ Новгородцами въ княженіе Георгія. Они рѣшились отплатить имъ тѣмъ же. Александръ предвидѣлъ опасность со стороны Балтійскаго моря, и укрѣпилъ берега рѣкъ, въ него впадающихъ, и при устьѣ Невы поставилъ изъ Ижеранъ приморскую стражу. Предосторожность юнаго Князя сколько была благоразумна, столько жъ и спасительна для всего сѣвернаго края Новгородской области. — Шведскій Король послалъ моремъ сильное ополченіе, подъ начальствомъ зятя своего, опытнаго полководца Биргера, которое и овладѣло устьемъ Невы.

Александръ получилъ отъ начальника Ижерской стражи вѣсть о нашествіи непріятеля, и въ тоже время гордый вызовъ отъ Биргера: «сразись теперь съ нами на своей землѣ, если только смѣешь!» — Иду! иду — отвѣчалъ Герой безъ всякаго смущенія и робости, и приказалъ собираться войску. Не дождавшись помощи отъ отца своего Ярослава, и не давъ времени Новгородцамъ построиться подъ знаменами, принесъ теплую молитву въ храмѣ С. Софіи, и, принявъ благословеніе отъ Архіепископа, съ малою дружиною поспѣшилъ туда, куда призывали его долгъ, честь и слава. Не давъ Шведамъ сомкнуться въ тѣсные ряды, онъ ударилъ на нихъ со всею стремительностію; сразился съ самимъ Биргеромъ, и копіемъ своимъ положилъ печать на челѣ его. Сраженіе, въ которомъ многіе воины, подражая юному своему герою, показали богатырскія силы, продолжалось до глубокаго вечера. Шведы стѣснены

были до береговъ Невы. Они, пользуясь темнотою ночи, вмѣсто всѣхъ трофеевъ, забрали убитыхъ и раненыхъ, не при радостныхъ крикахъ побѣды, а подъ шумомъ воды, сливавшейся съ быстрыхъ ихъ веселъ, скрылись за финскимъ небосклономъ. Торжественный пріемъ и радость равнялись подвигамъ ратоборцевъ, а названіе *Невскаго* героя, данное Александру признательными Россіянами, увѣковѣчило его славу.

Не одна битва на пустынныхъ въ то время берегахъ Невы показала сице крѣпкія силы изнемогавшей Россіи. Ливонскіе рыцари, овладѣвшіе Псковомъ, Изборскомъ, и въ небытность Александра, удалившагося въ Переяславль Залѣсскій отъ неблагодарныхъ Новгородцевъ, производившіе грабежи до самаго почти Новгорода, испытали на себѣ крѣпость Русскихъ. Александръ, убѣжденный раскаяніемъ, поставилъ подъ свои знамена Ладожанъ, Кореловъ и Ижерцевъ; прогналъ надмѣнныхъ витязей; поразилъ хищныхъ Литовцевъ, ворвавшихся въ Тверскую Губернію; возвратилъ всѣ потерянные города, и заставилъ гордыхъ Нѣмцевъ просить мира.

Велики, славны подвиги Невскаго! но Россія была уже уязвлена въ самое сердце, и склонила гордую главу свою. Кавказъ, Таврида и все черноморье отъ Дона до устья Дуная преклонили колѣно предъ сильнымъ; и отдаленные Государи присылали къ нему мирныя посольства. — Позывъ Батыя, чтобы князь Владимірскій явился въ Орду съ своимъ сыномъ, былъ громовымъ ударомъ для Ярослава. Гордость христіанина и заблужденіе идолопоклонника, униженіе Князя Русскаго, и Азіатская спѣсь, чистота Вѣры, и гнусные обряды идолопоклонства, сильно боролись въ умѣ и сердцѣ Ярослава; но любовь къ

отечеству превозмогла все. Принявъ Св. Тайны, онъ съ боярами, отправился туда, гдѣ вѣнчала предковъ его побѣда. Въ Сараѣ, главномъ становищѣ орды, онъ принятъ былъ съ особенною честію, и названъ отъ Батыя главою всѣхъ Русскихъ Князей; но въ тоже время позоръ покрылъ эту главу. Ярославъ, по приказанію Батыя, долженъ былъ отправить сына своего въ В. Татарію, чтобы онъ, отъ лица всей Россіи, поздравилъ Октая, В. Хана, съ побѣдами Монголовъ въ Европѣ и Азіи. — Константинъ былъ на великомъ пиру Татарскомъ, и чрезъ два только года увидѣлъ свое отечество. — Едва только успокоился Ярославъ отъ чести, которою мучили его въ Сараѣ, какъ вновь потребованъ былъ Батыемъ. Октай умеръ. Избирали новаго Хана, и Ярославъ, какъ главный членъ Россіи, обязанъ былъ присутствовать при этомъ избраніи. Ослушаніе погубило бы Россію, и Ярославъ простился навсегда съ своимъ семействомъ. Съ свитою своею миновалъ онъ безплодныя степи; перенесъ голодъ и жажду, отъ которой умирали его бояре; видѣлъ на берегахъ Амура народы всѣхъ племенъ; поклонился новому Хану, свирѣпому Гаюку, сидѣвшему на золотомъ тронѣ, въ открытомъ, чрезвычайной обширности златоверхомъ шатрѣ, возвращался въ Россію; но скончался на пути изъ Сарая ко Владиміру. Ко времени Ярославова княженія относится геройская и мученическая смерть Михаила и Ѳеодора Чѣрниговскихъ, презрѣвшихъ идолопоклонническіе обряды Татаръ. —

АЛЕКСАНДРЪ

(Ярославичъ)

НЕВСКІЙ.

1247 — 1263.

16 л.

Такъ скончался Великій Князь Россійскій — жертва гордости Монголовъ, а можетъ быть, ихъ корыстолюбія, жаднаго къ подаркамъ отъ новыхъ князей! Не княжескіе чертоги, но мрачная хижина, или безмолвное небо видѣли потухающіе его взоры; не теплая рука родныхъ, но хладные персты чуждыхъ смежили его вѣжды. Бояре плакали надъ умирающимъ; но ихъ слезы не были слезами дѣтей.

Узнавъ о преждевременной и убогой кончинѣ своего родителя, Александръ оставилъ тоскующихъ по немъ Новгородцевъ; прибылъ во Владиміръ, и, надъ гробомъ виновника своей жизни, пролилъ чистыя слезы, какъ святую жертву. Братья его: Андрей Суздальскій, Ярославъ Тверскій, и Василій Костромскій, отдавъ послѣдній долгъ своему родителю, признали

27.й

АЛЕКСАНДРЪ 1й НЕВСКІЙ.

В. К. Владимірскій.

Т. 1. Стр. 296.

дядю своего Святослава Всеволодовича великимъ княземъ Владимірскимъ. Дали клятвенное обѣщаніе хранить любовь, миръ и общее согласіе и разъѣхались по своимъ удѣламъ. — Святославъ былъ покоенъ на престолѣ; но это спокойствіе и народная къ нему любовь сдѣлались предметомъ зависти. Властолюбивый, роскошный и коварный Андрей, подъ видомъ изъявленія покорности своей, отправился въ Орду къ Сартаку, которому престарѣлый Батый отдалъ во владѣніе сѣверную Россію.—

Какъ дальновидный орелъ, Александръ, сидя на Новгородскомъ престолѣ, наблюдалъ сѣверъ и западъ, откуда могли появиться многія опасности, и какъ пеликанъ подъ теплыми своими крылами согрѣвалъ увивающихся около него Новгородцевъ. Разразившійся ударъ грома заставилъ его встрепенуться. — Онъ оставилъ на время свой родной край, и полетѣлъ въ ту сторону, откуда приходили всѣ ужасы самовластія неограниченнаго. — Батый, съ угрозою поколебать спокойствіе Россіи, требовалъ отъ Александра повиновенія, какъ непремѣннаго долга.—Право сильнаго грозно для всѣхъ, кто любитъ отечество.—

Сопровождаемый слезами и благословеніемъ Митрополита и всего народа, Александръ отправился въ путь сомнительный, безъизвѣстный. Въ станѣ Сартака встрѣтился онъ съ братомъ своимъ Андреемъ, и оба представлены были дряхлому, но все еще грозному Батыю; сидя на богатѣйшемъ восточномъ коврѣ, и окруженный вельможами Татарскими, повелитель народовъ принялъ обоихъ братьевъ съ особенною благосклонностію. — Поразительная мужеская красота, тѣлесная крѣпость, смѣлость и непринужденность въ разговорахъ сѣвернаго князя, удивили восточнаго,

гордаго властелина, привыкшаго видѣть передъ собою робкихъ рабовъ, и заставили его признаться, что слухи объ Невскомъ героѣ были весьма недостаточны.

Послѣ многихъ знаковъ Азіатской, степной учтивости и чести, Батый объявилъ имъ, какъ особенное свое расположеніе, чтобы они отправились на востокъ; явились къ великому Хану, и удостоились бы его взгляда. — Неизмѣримая даль отъ роднаго края, жаркія и безводныя степи, необитаемыя пустыни, особливо униженіе предъ невѣдомымъ Ханомъ открывали Русскимъ князьямъ трудный путь ко гробу, и еще несноснѣйшій путь къ рабству. Но они были въ логовищѣ тигра. — Путешествіе князей было продолжительно, трудно, опасно; но Князья, подъ крѣпкимъ щитомъ Бога, совершили его благополучно. Довольный ими Ханъ Гаюкъ, обѣщалъ хранить спокойствіе Россіи подъ адамантовою своею десницею; назвалъ Александра перломъ запада, и призналъ его княземъ Новгорода со властію надъ всею южною Россіею, а Андрею отдалъ Владиміръ. — Не благосклонный пріемъ, не почести, а обѣщанное спокойствіе Россіи восхитило нашихъ странниковъ, и дало имъ быстрыя, соколиныя крылья перелетѣть горы, пески, тонкія тундры, быстрыя рѣки, и тихо опуститься на родимое гнѣздо свое. — Всѣ были въ восторгѣ. Радостные крики народа, звонъ колоколовъ, благодарное молебствіе, куреніе ѳиміама, все возвѣщало щастіе, миръ и тишину; одинъ только Святославъ Всеволодовичъ, лишаясь Владимірскаго престола, почиталъ себя изгнанникомъ. Онъ былъ въ Ордѣ; но получилъ отвѣтъ, что ни Сартакъ, ни самъ Батый не могутъ перемѣнить воли великаго Хана, и умеръ чрезъ два года, въ Юрьевѣ Польскомъ.

Миръ и тишина посѣтили едва возстающую изъ развалинъ Россію, но на короткое время. Пылкій и легкомысленный Андрей, упоенный честію В. Князя Владимірскаго, не смотря на слабость своихъ силъ, вздумалъ отложиться отъ власти Татаръ. Сартакъ послалъ войско въ его владѣнія. Андрей бѣжалъ съ небольшою дружиною; встрѣтился съ татарами у Переславля Залѣсскаго, былъ разбитъ, и едва съ семействомъ своимъ избавился отъ плѣна. Новгородцы не смѣли принять его безъ воли Князя. Жители Пскова скрыли его не надолго; но совѣтовали ему для общей безопасности удалиться въ Швецію.

Такой безразсудный порывъ противъ превозмогающей силы могъ бы жестоко отразиться на всю Россію; но Александръ умѣлъ укротить свирѣпость Хана, и убѣдилъ его опустить мечъ, поднятый уже на нанесеніе жестокихъ язвъ Россіи. — Признанный В. Княземъ Александръ, оставивъ сына своего Василья въ Новгородѣ, вступилъ во Владиміръ при радостныхъ восклицаніяхъ всего народа. — Обыкновенная вѣтреность Новгородцевъ, изгнавшихъ Василія, прошелася для нихъ безъ всякой бѣды; но покушеніе Шведовъ и Нѣмцовъ построить городъ на берегахъ Наровы, отозвалось особенно для первыхъ большею непріятностію. Александръ, не смотря на глубокіе снѣги и лютые морозы, явился въ Финляндію: какъ огненный метеоръ, пронесся надъ нею, и оставилъ опустошеніе по слѣдамъ своимъ.

Шумное волненіе въ Ордѣ поколебало Россію. Батый умеръ; братъ его Берка, умертвивъ племянника своего Сартака, по волѣ великаго Хана, объявилъ себя обладателемъ Приволжскихъ, Донскихъ и Днѣпровскихъ Ордъ, а дѣла Россійскія поручилъ Намѣст-

нику своему Улавчію. — Поздравленіе новому Хану, сдѣлавшееся послѣ Ярослава Всеволодовича обязанностію, особливо страшные слухи, что новый намѣстникъ хочетъ сдѣлать перепись, и наложить дань на сѣверныя, зависящія отъ него Русскія княжества, заставили Александра ѣхать въ Орду съ дарами. Улавчій принялъ его съ должнымъ уваженіемъ; но никакъ не согласился, чтобы сѣверныя княжества, имѣя на себѣ самый малый налогъ, оставались какъ бы независимыми. Надобно было уступить необходимости! Съ убитымъ сердцемъ возвратился Александръ во Владиміръ, а по слѣдамъ его алчные Татарскіе чиновники. Они переписали жителей Суздальскаго, Рязанскаго и Муромскаго княжествъ, Улавчій, зная, какую силу имѣетъ духовенство надъ народомъ, исключилъ изъ переписки всѣхъ церковнослужителей. Оставался одинъ Новгородъ свободнымъ; но вскорѣ и на него палъ общій жребій.

Этотъ тяжелый жребій произвелъ необузданность въ Новгородѣ. При видѣ Татарскихъ чиновниковъ—идолопоклонниковъ въ градѣ св. Софіи, и при словѣ перепись, народъ пришелъ въ совершенное бѣшенство; даже умертвили посадника, который произнесъ это ненавистное слово на вѣчѣ. Всѣ бросились по домамъ; схватили оружіе, бѣгали по улицамъ; махали мечами, копьями, сѣкирами, булавами, и, при звонѣ набатныхъ колоколовъ, кричали: «кто противъ Бога, и Новгорода!» — Это было море во всей его ярости подъ мрачнымъ полуночнымъ небомъ. Черныя волны, покрытыя сѣрою пѣною, поднимались горами, непрерывный шумъ ихъ заглушалъ трескъ корабля и крики погибающихъ. — Наконецъ прошелъ порывъ урагана вольности. Александръ собралъ Вѣче, и, со-

всѣмъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, предложилъ о необходимости повиноваться волѣ разгнѣваннаго Бога; представилъ, что отъ ихъ упорства не одинъ Новгородъ, но вся Россія превратится вновь въ кучу пепла и развалинъ; что Новгородъ остается при своей вѣрѣ, законахъ и при своихъ князьяхъ, которые поклялись св. Софіи оберегать его свободу. — Угрюмое молчаніе, а потомъ чуть слышанный ропотъ были отвѣтомъ ему.

Мирно разошлось по домамъ многолюдное Вече; но когда Татары явились въ улицахъ для переписи домовъ, затворы торговыхъ лавокъ, ворота, ставни захлопнулись, площади и улицы опустѣли, проклятія и ропотъ давали знать, что городъ не опустѣлъ, а стрѣлы, пущенныя невидимою рукою, и висѣвшія въ крѣпкихъ кольчугахъ Баскаковъ, не были для нихъ добрымъ привѣтомъ. — Лай остервенившихся собакъ, грызшихъ землю по ихъ слѣдамъ и съ визгомъ бѣжавшихъ за ними отъ одного конца улицы до другаго, давалъ знать, какъ нестерпимо присутствіе Татаръ.

Александръ, простившись съ унылыми, и какъ бы укорявшими его Новгородцами, въ сильномъ страданіи сердца, возвратился во Владиміръ, столь же унылый, и не показывавшій прежней живости. Велико было испытаніе для храбраго князя; не еще большее предстояло ему искушеніе. — Съ Татарами, которые ознакомились уже съ Русскими, стали пріѣзжать купцы Бессерменскіе изъ Хивы, и привозили съ собою товары. — Торговля невиданными восточными тканями могла бы развѣять грусть, и развеселить убитыхъ духомъ Россіянъ и Россіянокъ; но корыстолюбіе продавцевъ, особливо откупъ дани, и сборъ ея съ лих-

вою и насиліемъ довели жителей Владиміра, Суздаля и Ростова до того, что они, или перебили, или выгнали отъ себя Бесерменовъ (бусурмановъ). Этотъ взрывъ Русскихъ, вспомнившихъ о своемъ достоинствѣ и славѣ, отозвался сильною грозою на востокѣ. Александръ, видя всю опасность, съ дорогими дарами отправился въ орду, и едва могъ усмирить разсвирѣпѣвшагося Хана Берку. Пробывъ зиму и лѣто въ ордѣ, В. Князь, утомленный дикими военными играми, и невольнымъ присутствіемъ на частой звѣрской охотѣ Хана, отправился въ Россію въ глубокую осень; разлука съ отечествомъ, которое было для него всего дороже; заботливость о дѣлахъ, оставленныхъ въ рукахъ Тіуновъ, изнурили его душевныя силы, а осенніе проливные дожди, холодные вѣтры сильно разстроили его здоровье, и въ Городцѣ поразила его неизлечимая болѣзнь. Александръ, возложивъ на себя схиму, съ именемъ Алексія скончался на 44-мъ году отъ рожденія.

26.и

ЯРОСЛАВЪ. 111.и

В. К. Тверскій-Владимирскій

Ч. 1. Стр. 233.

ЯРОСЛАВЪ

(Ярославичъ)

ТВЕРСКІЙ.

1263 — 1272.

Законно и съ общаго согласія всѣхъ Ярославъ Ярославичъ вступилъ на Велико-Княжескій Владимірскій престолъ, ни распри между искателями, ни разногласіе въ совѣтѣ Бояръ, ничто ни помрачало первыхъ, свѣтлыхъ дней его княженія. Вездѣ была тишина и спокойствіе ; но народъ былъ равнодушенъ при торжественномъ избраніи, и холоденъ къ самому князю, во всю жизнь его. Можетъ быть, онъ не видѣлъ въ Ярославѣ великихъ достоинствъ Александра; можетъ быть, не уваженіе къ княжествамъ и дружба съ татарами; а можетъ быть, и неравный бракъ, которымъ онъ унизилъ княжеское высокое достоинство, много повредили В. Князю.

Объ этомъ бракѣ разсказываютъ такимъ образомъ: въ одинъ осенній вечеръ, предъ солнечнымъ закатомъ

Ярославъ, весь въ пыли, возвращался съ любимой своей охоты. Толпа народа, около одного краснаго сельскаго дома, и звонкіе дѣвичьи голоса остановили князя. Онъ узналъ, что Священникъ того села Юрій выдастъ дочь свою Ксенію за княжескаго отрока. Любопытство и негодованіе, что отроки вступаютъ въ бракъ безъ его вѣдома, заставили князя забыть свое достоинство. Онъ вошелъ въ собраніе сельскихъ дѣвицъ, и былъ пораженъ, увидѣвъ, что его любимый и богатѣйшій отрокъ сидѣлъ подлѣ прекраснѣйшей невѣсты, какую только бъ онъ самъ могъ сыскать для себя. — Первая супруга его была убита Татарами, когда они гнались за Андреемъ, и злодѣйствовали въ Твери. — Запылавшая любовь и взорвавшійся гнѣвъ въ горячемъ сердцѣ князя помутили его разсудокъ, онъ вышелъ изъ гридницы, а за нимъ, по данному знаку, трепещущій отрокъ.

Робкая суматоха разстроила согласныя пѣсни дѣвицъ, и привела въ трепетную неизвѣстность отца и мать невѣсты, они отъ срама не знали, что дѣлать. — «Не отрокъ, а князь долженъ быть женихомъ такой прекрасной Лады — невѣсты!» — сказалъ вопедшій Ярославъ, сѣлъ подлѣ Ксеніи и Ксенія подала ему руку, отъ страха, или отъ радости — про-то знало одно ея сердце. — Начался дѣвичій пиръ, а на другой день послѣдовала свадьба. Народъ, любившій Юрія, поздравлялъ его со счастіемъ, а гордые Бояре, обманувшіеся, можетъ быть, въ своихъ надеждахъ, шептали вслухъ: какъ «не прилично владѣющимъ лицамъ вступить въ родство сельскаго священника».—Всѣ жалѣли о любимомъ отрокѣ, онъ не показывался ни при дворѣ, ни въ кругу друзей своихъ. Чрезъ нѣсколько времени, въ глухомъ лѣсу,

охотники открыли нѣсколько хижинъ вокругъ не большой часовни, и въ лицѣ одного инока признали скрывшагося отрока. Онъ съ преданными къ нему оставилъ міръ; поселился въ едва проходимомъ лѣсу и обрекъ себя на служеніе Богу. — На этомъ мѣстѣ построенъ монастырь и названъ *Отрочимъ* (Въ Твери).

Таково преданіе. — Но какъ бы то ни было; народъ былъ холоденъ къ В. Князю, а Новгородцы, согласясь признать власть его надъ собою, написали такую грамоту, коей статьи обязывали князя къ совершенному повиновенію. Ярославъ подписалъ ее, и утвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ. - Для него будущее было темно; оно скоро прояснилось. — Ярославъ хотѣлъ наказать жителей Пскова за то, что они безъ его вѣдома возвели на престолъ Литовскаго князя Довмонта. Онъ прибылъ съ войскомъ своимъ къ Новгороду, и требовалъ отъ него ратныхъ людей; но Новгородцы отвѣчали ему, что одинъ врагъ св. Софіи подниметъ руку на своего брата. Огорченный Ярославъ возвратился во Владиміръ. Не имѣя воинскихъ доблестей Невскаго, онъ не могъ однако же быть равнодушенъ, когда Псковитяне и Новгородцы торжествовали надъ Литовцами и Датчанами подъ начальствомъ чуждаго и не любимаго имъ полководца Довмонта. Можетъ быть, почитая за низкое для себя дѣло раздѣлять славу съ Литовцемъ, В. Князь не явился самъ, по призыву Новгородцевъ, осаждавшихъ Раковоръ — Везенбергъ, а прислалъ двухъ сыновей: Святослава и Михаила. Изъ нихъ первый отличился въ побоищѣ съ Нѣмецкимъ орденомъ, который далъ клятву не участвовать въ Раковорскомъ дѣлѣ, но сталъ на сторонѣ Датчанъ.

Имя Довмонта, героя Раковорскаго, и храбраго защитника Пскова отъ сильнѣйшихъ Нѣмецкихъ рыцарей, гремѣло по всей Россіи, и огненными стрѣлами язвило сердце В. Князя. Онъ рѣшился наказать Новгородскихъ чиновниковъ за то, что они силами русскихъ подняли мало-извѣстнаго Литвина на высокую степень славы; что сѣяли свои сокровища на поляхъ чуждыхъ для того только, чтобы иностранецъ пожалъ для себя лавры: и что они душею и тѣломъ преданы Псковитянамъ, которые признали надъ собою княземъ убійцу, бѣжавшаго изъ своего отечества, опасаясь заслуженной казни, и теперь мстящаго ему русскою кровію. Вооружась такими грозными перунами, Ярославъ торжествовалъ уже на дорогѣ къ Новгороду. Онъ и не обманулся. Многолюдное Вѣче молчало, и слушало его со вниманіемъ; но когда князь потребовалъ, чтобы смѣнили всѣхъ чиновниковъ, которые не препятствовали этой раззорительной войнѣ, и чтобы избрали Ратибора тысяцкимъ; народъ закричалъ, что всѣ довольны чиновниками; что никто не смѣетъ лишить ихъ мѣстъ, которыя занимаютъ они съ честію, и что допускаютъ Ратибора до степени тысяцкаго не по его заслугамъ, а только въ угодность князю.

Изумленный такою вольностію, Ярославъ ясно увидѣлъ, какъ много усилилъ надъ собою Новгородцевъ, подписавъ составленную ими грамоту. Во время ночи, тайно выѣхалъ онъ изъ Новгорода; но на пути былъ убѣжденъ возвратиться. — Миръ съ Нѣмцами казался Новгородцамъ также не надеженъ, какъ и ихъ клятвы при Раковорѣ. Войско было готово, и начальство надъ нимъ поручено Ярославу. Они двинулись въ Эстонію; но жители Ревеля и Датчане,

утомленные раззорительною войною, просили мира; уступили берега Наровы, и тѣмъ открывали Новгородцамъ свободное плаваніе изъ Псковскаго Озера въ Финскій заливъ. Ярославъ хотѣлъ идти противъ безпокойныхъ карѳловъ; ему представили, что народъ бѣдный и безсмысленный не стоитъ ратнаго похода. В. Князь, готовый оказать воинственныя свои дарованія, и обезголосить славу Довмонта, вложилъ свой тяжелый мечъ, до половины уже обнаженный. Распустивъ войско, онъ заперся во дворцѣ на Городищѣ съ своими любимцами — ласкателями, и чрезъ преданныхъ ему чиновниковъ, сталъ управлять Новгородцами самовластно. Самонадѣянность и усыпленіе Ярослава не были продолжительны. Роковой звонъ колокола на дворѣ Ярославовомъ, грозно раздавшійся по всѣмъ концамъ Новгорода, и народъ, бѣжавшій толпами на его страшный позывъ, пробудили Князя, какъ бы чуждаго, какъ бы забытаго въ подвластномъ ему городѣ.

Многолюдно было Вѣче, грозно и рѣшительно его опредѣленіе. Всѣ чиновники Ярослава осуждены на смерть, домы ихъ на разграбленіе, а князь на изгнаніе. Напрасно Ярославъ осажденіемъ и уступчивостію своею старался примириться съ народомъ. Ему вручили обвинительную грамоту, и статьи ея были такъ ясны и такъ неоспоримы, что князь, не сказавъ ни слова къ своему оправданію, приказалъ готовиться къ отъѣзду. Изъ всѣхъ чиновниковъ Новгородскихъ, преданныхъ Ярославу, остался одинъ тысяцкій Ратиборъ. Онъ скрывался на Городищѣ, и потерявъ все, отдалъ себя въ полную волю Князя. —

Ночь, покрывшая грустныхъ путешественниковъ, была самая грозная. Молніи, разрывая тучи, застав-

ляли трепетать и стонать землю отъ тяжелыхъ ударовъ грома, соединясь съ ревомъ бури, съ шумомъ и трескомъ ломавшихся деревъ, ужасали природу, но все это не могло сравниться съ тѣмъ, что происходило въ душѣ раздраженнаго князя. Къ этому разрушительному явленію недоставало пожаровъ, льющейся потоками крови, смѣшаннаго крика народа, не находящаго ни гдѣ спасенія, воля дѣтей и стона умирающихъ.

Какъ ни ужасна эта ночь, думалъ развратившій изгнанникъ, но она пройдетъ, и все воскреснетъ къ новой радости. Я пройду по Новгородской области, и запустѣніе съ мертвымъ молчаніемъ на долго ляжетъ на смѣющіяся ея поля; а въ Новгородѣ, вмѣсто гордецевъ и богачей, на-долго поселю зловѣщихъ птицъ. Ратиборъ! завтра до восхожденія солнца, тебѣ надобно скакать въ Капчакъ. — Скажи Хану Тимуру, что мы, стараясь объ его выгодахъ, потеряли все, и чтобы онъ, для наказанія непокорныхъ, поспѣшилъ соединить силы свои съ моими? —

Всѣ проклинаютъ языкъ клеветы; но онъ, изощренный хитростію сатаны, бываетъ убѣдителенъ, и часто привлекаетъ къ себѣ силою.

Такъ дѣйствовалъ Ратиборъ, и Татары, лишь только принявшіе вѣру въ Магомеда, и горѣвшіе слѣпою ревностію распространить ее оружіемъ, подобно первымъ послѣдователямъ лжепророка, точили уже мечи на избіеніе поклонниковъ Христу. —

Но благое Провидѣніе не допустило новаго удара обрушиться подъ спасаемою имъ Россіею. — Въ Ордѣ находился Костромской Князь Василій Ярославичъ. Онъ зналъ, что произошло въ Новгородѣ, и открылъ Тимуру, что не отказъ Новгородцевъ отъ

платежа дани, но разрушеніе грамоты, которую Ярославъ утвердилъ клятвою, и насиліе его чиновниковъ были причиною ихъ казней и изгнанія князя. Тимуръ разпустилъ воинственныя толпы. — Гонецъ изъ Сарая, прибывши въ Новгородъ, возвѣстилъ отъ имени Василія, какая гроза сбирается надъ Новгородцами. Но народъ, возросшій въ битвахъ, рѣшился или отразить бурю, или погибнуть въ развалинахъ Новагорада. — Ярославъ, сгарая отъ нетерпѣнія, не дождался вѣрнаго извѣстія отъ Ратибора, и съ войскомъ своимъ пошелъ на Новгородъ. Онъ былъ уже на Городищѣ; но сильное укрѣпленіе и всеобщее вооруженіе гражданъ заставили его отступить къ Русѣ. Новгородцы слѣдовали за нимъ. — Наводниться бы рѣкѣ кровію, если бы въ Новгородѣ не былъ для нихъ Хранитель. Митрополитъ Кириллъ, не безъ внушенія свыше, прислалъ къ паствѣ своей, готовой пролить кровь, столь убѣдительное посланіе, что Новгородцы, называвшіе Ярослава врагомъ св. Софіи, склонились къ миру, и признали его своимъ княземъ. Не долго Ярославъ пользовался миромъ и любовію народа. Онъ отправился въ Орду для оправданія себя и Новогородцевъ, и умеръ на возвратномъ пути.

ВАСИЛІЙ

(Ярославичъ)

КОСТРОМСКІЙ.

1272—1276.

4 г.

Василій, кн. Костромскій, услышалъ о кончинѣ своего брата, поспѣшно прибылъ во Владимиръ и не встрѣтилъ никакого препятствія ко вступленію на Велико-Княжеской Владимірской престолъ. Онъ былъ меньшой братъ Невскаго; но, по кончинѣ Ярослава, старшій въ родѣ Владимірскихъ Князей. — Возвращеніе его изъ Орды было праздествомъ для жителей Костромы, Суздаля, Владиміра и всѣхъ городовъ, составлявшихъ В. Княжество Владимірское. Всѣ они имѣли надъ собою главу умную, дѣятельную и способную содержать въ порядкѣ зависящіе отъ нея члены Государственнаго тѣла. Одинъ только Новгородъ оставался при шумномъ своемъ многоголосномъ

29.й

ВАСИЛІЙ 1й

В. К. Костромской - Владимирской

Ч.1. Стр. 240.

Вѣчъ, и при вступленіи Василія на престолъ, бросилъ новую пищу потухавшему уже пламени междоусобія.

Никогда дворъ Ярославовъ не былъ такъ наполненъ сановниками изъ всѣхъ концевъ Новагорода, и никогда вѣче не было такъ многолюдно, какъ въ день выслушаніяословъ отъ В. Князя и Димитрія, сына Невскаго. — «Не хотимъ Василія! — не надобно намъ Димитрія!» — воскликнуло все собраніе и крикъ слился въ одинъ невнятный голосъ. Наконецъ сѣдовласый старецъ, съ золотою гривною на груди, всталъ со скамьи, и, опираясь о костыль, поднялся на возвышенное мѣсто. Крикъ превратился въ говоръ, говоръ въ шепотъ, и этимъ стихъ.— «Почетные старосты, именитые граждане, и вы жители Великаго града!» — проговорилъ трепетнымъ голосомъ Посадникъ Павша.—«Велики для Россіи услуги обоихъ Князей. Василій готовъ былъ умереть за Св. Софію, когда мы изгнали Ярослава, и когда Димитрій Александровичъ отказался заступить мѣсто дяди; онъ оправдалъ насъ предъ ханомъ Тимуромъ; но не онъ дохнулъ на насъ любовію Христовою; и заставилъ насъ примириться со врагомъ, и возвратить ему Княжеское достоинство.»—Кириллъ! Кириллъ былъ нашъ миротворецъ! «отвѣчали слушатели.»— Довольно! но кто научилъ насъ дѣйствовать искусно противъ коварныхъ Шведовъ? Александръ! Александръ! раздалось во всемъ собраніи. — «Кто нѣсколько разъ ходилъ за насъ въ Орду, и своимъ сладкогласіемъ усыплялъ Хана, не дремавшаго по раззореніи Россіи, и напослѣдокъ пожертвовалъ своею жизнію?» — «Александръ! Александръ!» — Кричало все вѣче. — Павша внимательно смотрѣлъ на собраніе, и продолжалъ

живѣйшимъ голосомъ :—«Не Димитрій ли, сынъ Героя Невскаго, отличился храбростію во многихъ битвахъ со врагами нашими, особливо при Раковорѣ? Смѣшенный говоръ и невнятныя восклицанія были отвѣтомъ.— «Не мы ли, продолжалъ старецъ живѣйшимъ голосомъ, -призывали его къ себѣ на княженіе, и не онъ ли отказался для нашего покоя?—Молчаніе. И не будетъ ли намъ стыдно нынѣ не сдержать своего слова?»

«Нѣтъ!» намъ не будетъ стыдно!—Да здравствуетъ Димитрій, князь Новгородскій! — Послы Дмитріевы встали съ своихъ мѣстъ, и низко поклонились народу. Послы Василія оправляли на себѣ оружіе.

Такъ кончилось шумное и разногласное Вѣче! Обрадованный Димитрій прибылъ въ Новгородъ. Огорченный Василій двинулся къ нему съ войскомъ, и вспыхнулъ пламень междоусобія на берегахъ Волги. Новгородцы узнавъ, что купцы ихъ захвачены во владѣніяхъ Васильевыхъ, и остановлены обозы съ хлѣбомъ, просили В. Князя Василія о мирѣ. В. Князь готовъ былъ дать имъ миръ; но чтобы они признали власть его надъ собою. Димитрій, стоявшій съ войскомъ въ Торжкѣ, не желая владѣть народомъ, тѣснимымъ голодомъ и войною, уступилъ дядѣ своему Новгородъ. -- Миръ и тишина показались въ Россіи. Василій, любимый народомъ, старался успокоить своихъ подданныхъ; но чрезъ два года, принужденный отправиться въ Орду, возвращаясь Волгою, скончался въ Костромѣ на сорковомъ году отъ рожденія.

30.й

ДИМИТРІЙ 1.й

В. Кн. Владимирскій.

Ч. 1. Стр. 243.

ДИМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

1276—1294.

За Василіемъ Ярославичемъ Костромскимъ слѣдуетъ племянникъ его, Димитрій Александровичъ, сынъ Героя Невскаго; правленіе его было несчастно, чему особенно способствовало властолюбіе брата его Андрея. Въ то время, какъ Димитрій велъ удачно войны съ Чудью, Карелами и Эстами, Андрей напалъ на его владѣнія; оба брата стали искать суда, милости и покровительства у татаръ, а татары, пользуясь ихъ стѣсненными обстоятельствами, вмѣсто того, чтобъ примирить ихъ, сами вторгнулись въ Россію, они разорили Муромъ, опустошили окрестности Владиміра, Суздаля, Ростова и Твери, разграбили церкви, убивали и плѣняли жителей. Несчастные Россіяне, избѣгнувшіе татарскаго меча, во множествѣ бѣжали въ пустыни и лѣса, спасаясь отъ губительнаго оружія татарскаго, и тамъ гибли или отъ голода, или отъ лютыхъ морозовъ.

В. Князь Димитрій прибѣгнулъ за помощію и защитою къ бывшему Ханскому Воеводѣ Ногаю, кото-

рый независимо властвовалъ въ южной Россіи. Ногай внялъ его просьбѣ и возвратилъ ему престолъ. Андрей, затая въ душѣ своей злобу, показалъ видъ будто смирился, но послѣ сталъ хитрить, дѣйствовалъ скрытно и наконецъ опять явно напалъ на владѣнія своего брата. Татары вторично воспользовались этимъ междоусобіемъ и опять начали опустошать Россію гибельнымъ оружіемъ своимъ. Въ продолженіи этихъ бѣдствій Димитрій скончался — и Андрей вступилъ на родопаслѣдственный престолъ. Всѣ незаконныя дѣйствія его увѣнчались успѣхомъ.

31.

АНДРЕЙ сынъ невскаго.

В. К. Владимирскій.
Т. I стр. 245.

АНДРЕЙ III АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

1294—1304.

Это былъ недостойный сынъ Великаго отца. Во время его правленія отечество наше перенесло много бѣдствій. Андрей былъ бичемъ своей родины, своихъ подданныхъ. Онъ за одно съ татарами дѣйствовалъ противъ Русскихъ; проливалъ кровь ихъ, мучилъ, истязалъ ихъ предательски. Грустно Историку описывать всѣ несчастія, постигшія въ то время Россію; зато во время его княженія, братъ его Даніилъ Александровичъ, удѣльный Князь Московскій, приготовилъ Москву быть столицею. Обезпечивая благо своихъ подданныхъ, онъ устроилъ свой городъ, основалъ въ немъ монастырь (Даніловскій), принялъ тамъ схиму и скончался. Святыя мощи его почиваютъ тамъ подъ спудомъ. Москва принадлежала къ сѣверо-восточной части Россіи, а со временъ перенесенія Великокняжескаго престола изъ Кіева во Владиміръ, была подвѣдомственна Владимірскому Княженію. Ей суждено было быть возродительницей нашей свободы.

МИХАИЛЪ II ЯРОСЛАВИЧЪ.

1307—1318.

Смерть жестокаго Андрея не погрузила поддан-ныхъ его въ уныніе; они вздохнули свободой. Пре-столъ Великокняжескій упразднился, и сдѣлался цѣ-лію домогательствъ Михаила Ярославича Тверскаго и племянника его, Георгія Даніиловича Московскаго, сына Св. Даніила. Сколько примѣровъ встрѣчаемъ мы не въ одной нашей отечественной исторіи, что великіе и славные отцы имѣли недостойныхъ дѣтей, таковъ былъ и Георгій Московскій. Татарскій Ханъ, Узбекъ, къ которому прибѣгли искатели престола за рѣшеніемъ своего спора, облекъ званіемъ Великаго Князя Михаила. Георгій скрылъ злобу свою и за-висть въ глубинѣ души, онъ не унывалъ о потерѣ престола и сталъ тайно доискиваться дороги, ведущей къ нему. Вслѣдствіе чего отправился онъ въ Орду, рабски льстилъ и услуживалъ Хану, обратилъ на себя вниманіе его и наконецъ достигъ до того, что Ханъ отдалъ ему въ супружество сестру свою Кон-чаку, (нареченную во св. крещеніи Агаѳьею) и право на Великокняжескій престолъ. Георгій съ сильнымъ татарскимъ войскомъ вторгнулся въ Россію, обольс-тилъ Новогородцевъ, присоединилъ вспомогательную

32.ª

МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЪ.

В. К. Тверской-Владимирской.

Т. I Стр. 246.

дружину ихъ къ своей—и пошелъ противъ Михаила. Храбрый Михаилъ мужественно встрѣтилъ его, сразился съ нимъ и не смотря на превосходство татарской конницы, разбилъ своего соперника и взялъ въ плѣнъ жену его, которая вскорѣ послѣ того и умерла, неизвѣстно по какой причинѣ.

Георгій воспользовался этимъ случаемъ: онъ воротился въ Орду и съ лицемѣрными слезами разсказалъ Хану, что Михаилъ, взявши въ плѣнъ жену его, истязалъ ее всячески и наконецъ отравилъ ее ядомъ, что Михаилъ отрекается отъ повиновенія Хану, не уважаетъ его повелѣній и сражается съ его войсками. Узбекъ закипѣлъ гнѣвомъ и тотчасъ послалъ къ Михаилу приказъ: явиться къ нему въ Орду на судъ. Съ сокрушеніемъ сердца, причастившись св. таинъ, какъ бы готовясь на вѣрную смерть и простившись съ своимъ семействомъ, Михаилъ отправился въ Орду по требованію Хана. Тамъ порученъ былъ надъ нимъ судъ недоброжелателю его Кавгадыю. Михаилъ защищался твердо, безъ униженія, чувствуя правоту свою, но къ большему несчастію его, Узбекъ приказалъ ему преклониться предъ идолами своими; Михаилъ съ негодованіемъ отвергъ это приказаніе; не смотря на страшную пытку, твердость духа не оставила его до послѣдней минуты жизни. Несчастный В. Князь умеръ въ мученіяхъ, какъ жертва злобы и невѣжества.

Этотъ Князь обладалъ всѣми качествами, приличными Государю-человѣку и Хрістіанину. Онъ причисленъ къ лику святыхъ, нетлѣнныя мощи его покоятся въ Твери. Современникомъ его Княженія былъ Святитель Россійскій Митрополитъ Петръ, блюститель вѣры и блага человѣчества въ Русской землѣ.

ГЕОРГІЙ ДАНИЛОВИЧЪ

1318—1323.

Георгій вступилъ на престолъ безъ помѣшательства, не смотря на то, что послѣ Михаила остались сыновья. Плоды ухищреній его созрѣли, онъ началъ княжить самовластно. Георгій пошелъ войною на Шведовъ и воевалъ съ ними удачно: при источникѣ р. Невы заложилъ онъ крѣпость Орѣшекъ, (что нынѣ Шлиссельбургъ) и одерживалъ надъ Шведами многія побѣды. Въ то время (1320 г.) на юго-западѣ Россіи появился сильный, новый, опасный врагъ,—то былъ Гедиминъ, Князь Литовскій, храбрый, предпріимчивый, одаренный силою воли и ума. До него Литва была страна малоизвѣстная, бѣдная и населеніемъ и дарами природы, онъ въ короткое время возвеличилъ и усилилъ свое государство: отторгнулъ отъ Россіи Княжества: Кіевское, Черниговское и Владимірское на Волыни. Татары также продолжали грабить, жечь и опустошать Россію, Русскіе же Князья не унялись враждовать и соперничать другъ съ другомъ. У Михаила остались два сына — Дими-

33.й

Юріи. III.й

В. Кн. Московскій – Владимірскій.

Т. I. Стр. 248.

трій, прозванный *грозныя очи*, и Александръ Михайловичъ. По смерти отца своего, Димитрій посредствомъ богатыхъ даровъ успѣлъ склонить Хана-Узбека на свою сторону и получить отъ него ярлыкъ на Великокняженіе.

ДИМИТРІЙ II МИХАИЛОВИЧЪ.

1323—1326.

Недовольный Георгій отправился опять въ Орду домогаться престола. Димитрій долженъ былъ слѣдовать за нимъ, чтобъ отстаивать свои права и отчасти потому, что заочно легко было обвинять его предъ Ханомъ. Однажды въ Ордѣ соперники встрѣтились лицомъ къ лицу; Димитрій не могъ равнодушно взирать на убійцу своего родителя, горячка мщенія превозмогла его разсудокъ, онъ схватился за мечъ и вонзилъ его въ грудь заклятаго врага своего. Узбекъ сначала былъ склоненъ къ прощенію—но послѣ приказалъ умертвить Димитрія за самосудство, а право на Великокняжескій престолъ предоставилъ брату его Александру.

34й

ДИМИТРІЙ IIй ГРОЗНЫЯ ОЧИ

В. К. Тверскій. Владимірскій.

Т. I. Стр. 250.

35й

АЛЕКСАНДРЪ II й

В. К. Тверскій = Владимірскій.

Ч. 1. Стр. 151.

Александръ Михайловичъ.

1326 – 1328.

Правленіе Алекс. Михайл. было несчастливѣе предъидущихъ, хотя онъ и обладалъ всѣми доблестями отца своего. Родственникъ хана, Шевкалъ, или Щелканъ прибылъ въ Россію въ качествѣ Баскака за сборами податей. Надѣясь на могущество Хана и имѣя въ виду родство свое съ нимъ, онъ произвелъ въ Россіи неслыханныя злодѣянія, грабежи и опустошенія, особливо въ Твери, въ родовомъ городѣ Александра. Еще свѣжо было воспоминаніе о мучительной смерти отца и брата у Александра; но, по благородству души своей, могъ ли онъ терпѣть истязанія своихъ подданныхъ? Сначала онъ хотѣлъ смирить Шевкала кротостію, на что этотъ отвѣчалъ новыми оскорбленіями, тогда Александръ рѣшился уже отразить силу силою, онъ собралъ вѣрныхъ своихъ тверитянъ, пошелъ на Шевкала и разбилъ его. Шевкалъ съ дружиною своею заперся въ домѣ, и не хотѣлъ сдаться, онъ еще угрожалъ Александру участію его отца и брата, мужественный сынъ Михаила не устрашился угрозъ дерзкаго татарина: есть пре-

даніе, что онъ окружилъ домъ Шевкала воинами своими и сжегъ его со всѣми, скрывавшимися тамъ Ордынцами.

Подобное происшествіе, разумѣется, не могло пройти даромъ. Ханъ Узбекъ распалился гнѣвомъ; онъ отправилъ въ Россію многочисленное войско бичевать ее и умертвить ея доблестнаго Князя. Александръ, умоляемый семействомъ своимъ спастись отъ преслѣдованія татаръ, бѣжалъ въ Псковъ. Тогда право на Великокняженіе предоставилъ Узбекъ Іоанну Даніиловичу, Князю Московскому, брату Георгія, убитаго Димитріемъ въ Ордѣ. Не смотря на тиранство Узбека, по удостовѣренію нѣкоторыхъ лѣтописей, онъ имѣлъ прямой, справедливый и откровенный характеръ; твердость и самоотверженіе къ жизни Михаила обратило на него вниманіе Хана; встрѣтивъ тѣ же доблести въ сыновьяхъ его, онъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ смотрѣлъ на нихъ, особливо на Александра. Узбекъ почти готовъ былъ простить его, почти помирился съ нимъ, но искательства и казни Іоанна Даніиловича возбудили опять гнѣвъ и недовѣрчивость Хана къ Александру. Этотъ несчастный Князь, отстранилъ вѣрныхъ Псковитянъ отъ ханской опалы, принужденъ былъ выѣхать изъ Пскова и отправиться въ Орду. Тамъ его ждала такая же участь, какъ и отца его Михаила. Въ лѣтописяхъ сказано, что Александра съ юнымъ его сыномъ, Ѳеодоромъ, розняли по частямъ.

Третій Тверской Князь положилъ благородную голову свою въ нечистой Ордѣ.

Хитрость и лукавство Іоанна Московскаго въ отношеніи къ Александру кладутъ яркое пятно на умное и славное Княженіе его.

ДАНІИЛЪ 1й

Удѣльный князь Московскій

Ч. 1. Стр. 252.

36.и

ІОАННЪ 1й КАЛИТА.

В. К. Московскій.

Іоаннъ Даниловичъ

(Калита).

1328—1340.

Право на Великокняжескій престолъ по родонаслѣдію и по успѣху ласкательствъ предъ Ханомъ ближе всѣхъ принадлежало внуку Александра Невскаго, и сыну обновителя Москвы, Іоанну. Это былъ Государь прозорливый и славный политикъ своего времени. Угождая Хану, онъ пріобрѣлъ вполнѣ его благосклонность и довѣріе, а между тѣмъ въ умѣ его господствовала мысль тайно сокрушать иго татаръ, посредствомъ уничтоженія удѣльной системы. Дѣйствовать оружіемъ еще не приспѣло время, не смотря на то, что гидра междоусобій породилась уже и между татарами, они какъ будто переняли у Русскихъ междоусобіе, и также, истребляя другъ-друга подавали надежду Русскимъ освободиться отъ тяжкихъ цѣпей рабства. Но это еще былъ дальній свѣтъ надежды, мерцающій для будущности.

Іоаннъ, подкрѣпляемый въ своихъ дѣйствіяхъ благосклонностію хана, крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ

Князей Владимірскихъ, Суздальскихъ, Ростовскихъ и Тверскихъ. Владыка духовнаго престола, Св. Митрополитъ Петръ поддерживалъ Іоанна назидательными совѣтами своими; онъ предрекъ славу Москвы и перенесъ свой престолъ изъ Владиміра въ Москву, чѣмъ довершилъ превосходство этого юнаго, возникающаго города предъ Владиміромъ и прочими удѣльными Княжествами. Іоаннъ, подобно Андрею Боголюбскому, получивши титулъ Великаго Князя, не поѣхалъ Княжить во Владиміръ, а остался въ своей Москвѣ, и съ этого времени (1328 г.), считается перенесеніе столицы изъ Владиміра въ Москву.

Іоаннъ первый положилъ основный камень единодержавія въ Россіи; подданные любили его какъ Государя-отца; онъ былъ милостивъ къ нимъ: во время прогулокъ по городу носилъ онъ за собою мѣшокъ, (по татарски *калита*, почему и прозванъ былъ Калитою) изъ котораго, при встрѣчѣ съ бѣдными, вынималъ деньги и раздавалъ ихъ требовавшимъ его вспоможенія.

Въ его время пресѣклась династія сильныхъ Галицкихъ Князей и это, нѣкогда славное Государство, пало, Поляки завладѣли имъ. Іоаннъ, нелицемѣрно оплакиваемый своими подданными, скончался въ 1340 г. Опять повторяю, если бы не мучительная казнь Александра, имя Іоанна Калиты лучезарно сіяло бы передъ судомъ неумолимой исторіи.

37.

СИМЕОНЪ 1й ГОРДЫЙ.

В. К. Московскій.

Т. I. Стр. 255.

СИМЕОНЪ ІОАННОВИЧЪ

(Гордый).

1340—1353.

Іоаннъ скончался—и многіе Русскіе Князья, по обыкновенію, отправились въ Орду для выхлопатыванія каждый для себя Великокняжескаго престола, въ томъ числѣ и Симеонъ, сынъ Іоанна. Ханъ Узбекъ, помня услуги, покорность и почести, оказанныя ему отцомъ Симеона, утвердилъ за нимъ престолъ. Симеонъ не отступалъ отъ правилъ отца своего и слѣдовалъ во всемъ хитрой политикѣ его: онъ былъ ласкателенъ къ хану, посылалъ ему богатые подарки, и съ униженіемъ своего достоинства, числился покорнымъ рабомъ его; но въ отношеніи къ удѣльнымъ Князьямъ, Симеонъ былъ строгъ, суровъ и гордъ, за что и прозванъ *Гордымъ*. Даже кичливые Новгородцы чувствовали власть его надъ собою и подчинились безпрекословно его скипетру. Условленная дань для татаръ стекалась отовсюду въ Москву, откуда посылалась она уже къ хану--а потому-то Мо-

сква богатѣла, населялась, процвѣтала — и *руки ея готовились взойдти на плечи враговъ своихъ.*

Наконецъ Ханъ Узбекъ, сильный Государь, ревностный магометанинъ, умеръ, и сынъ его, *Чанибекъ*, по трупамъ враговъ своихъ, взошелъ на ханскій престолъ. Симеонъ, сопровождаемый Митрополитомъ и избранными Боярами, отправился въ Орду съ богатыми дарами для поклоненія новому хану и для изъявленія ему своей покорности. Ханъ Чанибекъ былъ доволенъ этою покорностію и Симеонъ остался безъ соперничества на престолѣ. Правленіе его было несчастливо: ужасная моровая язва, названная въ лѣтописяхъ нашихъ *черною смертью*, гибельно опустошивъ Азію и прошедъ сквозь большую часть Европы, появилась въ Россіи. Многіе были жертвами ея, особливо Псковитяне, Кіевляне, Смольяне, Суздальцы; почти вся Россія чувствовала палящее дыханіе жестокой заразы (*). Она не пощадила и самого Вел. Князя; онъ скончался на 36 году отъ рожденія.

Въ его княженіе появляются два великіе мужа, ознаменовавшіе жизнь свою святыми, безсмертными дѣлами: то были Митрополитъ Московскій Св. Алексій, заслужившій уваженіе отъ самихъ татаръ, исцѣленіемъ Тайдулы, жены Хана Ганибека, отъ слѣпоты единою молитвою своею, за это ханъ изъявилъ всей Россіи благосклонность свою и Св. Сергій, основатель знаменитой Троицкой Лавры, которая въ послѣдствіи времени такъ прославилась святостію мѣ-

(*) Въ Царствованіе Екатерины II, какъ увидимъ ниже, эта же самая болѣзнь посѣтила Россію и стала быть извѣстна у насъ подъ именемъ *чумы*.

ста своего. Въ Княженіе же Симеона Гордаго Ливонскій орденъ нападалъ на Псковъ, но безъуспѣшно, а Новгородцы храбро защитились отъ соединенныхъ силъ Князя Литовскаго Ольгерда и Магнуса, Короля Шведскаго, принуждавшаго ихъ принять католическую вѣру. Новгородцы поразили Магнуса на берегахъ Ижоры и заставили его отступить въ Швецію.

ІОАННЪ II

(Іоанновичъ, Слабый)

1353—1359.

Меньшой братъ Симеона Іоанновича, Іоаннъ, по кротости и миролюбію своему прозванный *слабымъ*, съ ханскаго соизволенія вступилъ на престолъ Великокняжескій. Между тѣмъ ханъ Чанибекъ былъ убитъ сыномъ своимъ Бердибекомъ, въ золотой Ордѣ возникли новыя возмущенія, ужаснѣйшія, нежели въ Россіи, потому что вѣра Магометанская, не основанная на кротости и смиреніи, дозволяла кровожадным татарамъ производить свою лютость безгранично. Въ это же время взбунтовались многіе ханскіе полководцы и составили себѣ отдѣльныя, независимыя Ханства. Съ того времени могущественная Орда сдѣлалась уже не столь страшною для Россіи, она видимо начала клониться къ упадку.

Іоаннъ Іоанновичъ въ продолженіи шестилѣтняго правленія своего Россіею ничѣмъ не ознаменовалъ своего Княженія и скончался безъ сожалѣнія подданныхъ. При немъ было болѣе Аристократическое правленіе, ибо Бояре, пользуясь слабостію его характера, захватили себѣ бразды правленія.

38.й

ІОАННЪ 11.й слабый.

В. К. Московскій.

Ч. 1. Стр. 258.

39.й

ДИМИТРІЙ. 111.й

В. К. Суздальскій Псковскій.

Ч. 1. Стр. 259.

ДИМИТРІЙ III

(Іоанновичъ).

1359—1360.

Ханъ Навгусъ, современникъ этого Князя, призналь своею грамотою Великимъ Княземъ, Князя Суздальскаго, Димитрія. Димитрій вступилъ на престолъ, но Бояре Московскіе стали ходатайствовать за юнаго сына Іоаннова, Димитрія, причина къ тому была очевидна: Димитрій былъ еще очень молодъ (12-ти лѣтъ), пользуясь несовершеннолѣтіемъ его, Бояре надѣялись править Россіею безотчетно, по своему желанію. Вслѣдствіе того они послали въ Орду богатые подарки. Замѣчательно, что полководецъ Хапскій, Мамай, не предчувствовавшій силу меча будущаго В. Князя, содѣйствовалъ къ возведенію на престолъ Димитрія, сына Іоаннова. Ханъ Муратъ, смѣнившій Навруса, призналь Димитрія Іоанновича В. Княземъ Московскимъ.

Димитрій IV

(Іоанновичъ , Донской).

Не смотря на юность свою , Димитрій скоро приобыкъ къ правленію, разумѣется, подъ руководствомъ Бояръ своихъ, между которыми находились и благочестивые, добросовѣстные опекуны; мысленно озирая теченіе дѣлъ тогдашней Россіи , Димитрій съ прискорбіемъ видѣлъ и чувствовалъ тяжесть цѣпей иноплеменнаго рабства и неокончаемую систему удѣловъ. Сокрушить , то и другое стало быть цѣлію всѣхъ желаній его , любимою мечтою. Утвердившись въ этомъ благородномъ намѣреніи своемъ , онъ сначала старался дѣйствовать на удѣльныхъ Князей: однихъ примирялъ между собою ; другихъ держалъ въ повиновеніи. Въ продолженіи короткаго времени онъ присоединилъ къ Московскимъ владѣніямъ своимъ Галицкое и Стародубское Княжества. Удѣльные Князя держали имя его въ чести, и повиновались ему какъ старшему, а Москвитяне пріятно изумились, видя въ своемъ владыкѣ твердость и силу воли. Къ несчастію Россія и въ то время испытывала вдругъ нѣсколько истязаній ; въ нѣкоторыхъ частяхъ ея еще дѣйствовала моровая язва , которую , кромѣ молитвъ и по-

40.й

ДИМИТРІЙ IVй ДОНСКОЙ.

В. К. Московскій

Т. 1. Стр. 200

корности къ Св. Провидѣнію, ни чѣмъ отразить было невозможно. Въ самой Москвѣ былъ пожаръ, именуемый *Всесвятскимъ*, (по той причинѣ, что онъ сначала вспыхнулъ близъ церкви Всѣхъ Святыхъ, а оттуда *распространился по всей Москвѣ*); большая часть и тогда уже многолюднаго города превратилась въ пепелъ; по этому случаю В. Князь Димитрій обвелъ городъ каменными стѣнами. Къ довершенію всего Князь Литовскій Ольгердъ нѣсколько разъ подымался на Москву, но не могъ взять ее, по причинѣ каменныхъ стѣнъ, только что построенныхъ, какъ выше упомянуто. Зависть къ Москвѣ и междоусобіе удѣльныхъ Князей также не мало безпокоили Димитрія, но не смотря на все то, В. Князь не унадалъ духомъ. Онъ предался въ руцѣ Божіи и дѣйствовалъ самоотверженно. Вездѣ было слышно славное имя его; вездѣ является онъ то Ангеломъ утѣшителемъ, то защитникомъ, то Ангеломъ-карателемъ.

Димитрій, положивъ себѣ непремѣннымъ долгомъ блюсти Россію и всячески стараться сокрушить узы ея, не хотѣлъ вдругъ приступить къ войнѣ съ татарами, онъ еще не чувствовалъ въ себѣ столько силы и не имѣлъ къ тому благовиднаго предлога, къ тому же, кровь подданныхъ своихъ цѣнилъ онъ дорого, дороже спокойствія своего и славы, что и доказалъ онъ въ послѣдствіи времени. Съ стѣсненнымъ сердцемъ, подчиняясь необходимости, долженъ онъ былъ ѣхать на поклоненіе къ хану; онъ жестоко уязвилъ свою гордость, но благородно пожертвовалъ голосомъ самолюбія. Вскорѣ послѣ его прибытія изъ Орды, Русскіе у рѣки *Вожи* разбили татаръ, по примѣру своихъ предшественниковъ, нечестово вторгнувшихся въ Россію за данью. Это была уже не пер-

вая вобѣда *непобѣдимыхъ*; Димитрій, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ невыразимый восторгъ. Въ то время, по стеченію обстоятельствъ, ханомъ задонской орды сдѣлался Мамай, онъ сталъ требовать отъ Димитрія удовлетворенія, за побіеніе татаръ; Димитрій, не только не поспѣшилъ исполнить повелѣніе его, но даже не посылалъ къ хану и обычной дани. Мамай, обезопасивъ себя на престолѣ, сначала будто, давалъ время одуматься Димитрію, но когда онъ утвердился на престолѣ своемъ, послалъ къ Димитрію съ напоминовеніемъ о покорности. Димитрій и тогда не удовлетворилъ гордости хана. Наконецъ Мамай запылалъ мщеніемъ; онъ рѣшился оружіемъ наказать гордаго В. Князя Московскаго.

Неисчислимо было войско, собранное Мамаемъ изъ подчиненныхъ ему ордъ для вторженія въ Россію. (Нѣкоторые историки полагаютъ его до 900 тысячь и болѣе). Слыша о доблестяхъ В. Князя, а можетъ быть, не вполнѣ надѣясь на свои силы и чтобы болѣе увѣриться въ грядущей побѣдѣ, Мамай заключилъ наступательный союзъ съ Литовскимъ Княземъ Ягеллономъ, и даже уговорилъ дѣйствовать съ собой за одно, лютаго врага Димитрія, вѣроломнаго Русскаго измѣнника, Олега, Князя Рязанскаго. Наконецъ двинулось страшное ополченіе татарское на Россію. Димитрій, какъ истинный герой, съ несокрушимымъ присутствіемъ духа услыхалъ о наступленіи врага. Созывая отовсюду вѣрныхъ сыновъ отечества, онъ собралъ едва ли половину войска противъ Мамая. Возлагая всю надежду на помощь Бога, онъ отправился въ Троицкую, тогда еще пустынь для испрошенія благословенія Св. Сергія. Св. мужъ предсказалъ В. Князю лютое побоище, но обнадежилъ его

въ несомнѣнной побѣдѣ надъ врагами имени Христова и далъ ему въ число воиновъ двухъ иноковъ своихъ *Пересвѣта* и *Ослябю*. Сопутствуемый благословеніемъ Святаго мужа и любимаго народа, Димитрій выступилъ на встрѣчу сильнѣйшему врагу. В. Князь спѣшилъ настичь Мамая, чтобы не дать ему времени соединиться съ Ягайлой; наканунѣ битвы Димитрій получилъ письмо отъ Св. Сергія, въ которомъ святой мужъ вторично благословлялъ его на брань. Наконецъ 8 Сентября, 1380 г. сошлись два воинства у рѣки Непрядвы на Куликовомъ полѣ (Тульской Губерніи). Главное воинство Русское подъ личнымъ предводительствомъ Димитрія выступило противъ татаръ, а засадное, подъ предводительствомъ Князя Серпуховскаго, Владиміра Андреевича Храбраго, двоюроднаго брата В. Князя, стало въ лѣсу на сторонѣ.

Загорѣлась ожесточенная битва: Татары съ остервенѣніемъ бросились на Руских, Русскіе встрѣтили ихъ твердою, незыблемою стѣною. Со стороны татаръ было превосходство силъ и увѣренность въ побѣдѣ, со стороны Русскихъ непремѣнное рѣшеніе умереть или побѣдить, но не отступить. Въ пылу битвы В. Князь въ одеждѣ простаго воина вмѣшался въ ряды сражающихся и никто не замѣтилъ его. Долго кипѣла битва; не смотря на отчаянное мужество Русскихъ, превосходство силъ начало уже одолѣвать, вдругъ Владиміръ Андреевичъ, соскучившись въ бездѣйствіи, и, видя, что пришло уже время спѣшить ему къ своимъ на помощь, бросился съ Димитр. Михайлов. Волынскимъ, зятемъ В. Князя въ тылъ врагамъ. Дрогнули татары, не ожидая нападенія свѣжихъ войскъ и, усталые, измученные уже броси-

лись бѣжать въ крайнемъ безпорядкѣ. Самъ Мамай, смотрѣвшій съ высоты горы на сраженіе, увидя, что Русскіе одолѣваютъ, также побѣжалъ за своими, вскричавъ: *великъ Русскій Богъ*! Русскіе преслѣдовали татаръ и возвратились съ богатою добычею. Общій восторгъ овладѣлъ сердцами побѣдителей, вдругъ разнеслась вѣсть, что В. Князя нѣтъ въ числѣ живыхъ, всѣ бросились отыскивать его между трупами падшихъ воиновъ и въ окрестностяхъ поля битвы—и наконецъ нашли его, раненаго, лежавшаго подъ деревомъ.

Услышавъ, что побѣда склонилась на сторону Русскихъ, онъ ободрился, колѣнопреклоненно возблагодарилъ Всевышняго, и не смотря на раны свои, объѣхалъ поле битвы, радостно привѣтствуя побѣдителей. Тамъ было болѣе 200,000 убитыхъ, враговъ несравненно болѣе; онъ почтилъ положившихъ животъ свой за отчизну слезами и честнымъ погребеніемъ и повелѣлъ установить вѣчное празднованіе Дмитровской субботы. (Между 18 и 26 числомъ Октября). Современники и потомки, ознаменовывая признательность свою В. Князю, наименовали его *Донскимъ*.

Положимъ, что эта побѣда не выкупила еще свободы Русскихъ, но она показала примѣръ грядущимъ побѣдителямъ и открыла очамъ Русскихъ силу ихъ, эта побѣда сдѣлалась предвѣстницею славы нашего отечества. Вскорѣ послѣ этого Мамай былъ убитъ, но между татарами явился новый грозный бичъ для Россіи; то былъ Тохтамышъ. По слѣдамъ Мамая онъ вторгнулся съ новымъ многочисленнымъ войскомъ въ Россію. Къ несчастію, въ то время несогласіе Князей Русскихъ дошло до высшей степени, и В. Князь, не

ожидая отъ нихъ никакой помощи съ сокрушеннымъ сердцемъ удалился въ Кострому для собранія защитниковъ. Между тѣмъ Тохтамышъ, знаменуя путь свой пожарами и убійствами, вдругъ появился подъ Москвою. Осажденные Москвитяне крѣпко оборонялись въ своихъ твердыняхъ, и Тохтамышъ, наскучивъ ихъ упорствомъ, предложилъ имъ милость свою, если они впустятъ его въ городъ, дозволятъ осмотрѣть ему достопамятности Московскія и дадутъ дань. Къ увѣреніямъ его, нѣкоторые Русскіе Князья, бывшіе въ станѣ татарскомъ, присоединили свои клятвы въ безопасности столицы и неосторожные Москвитяне повѣрили. Лишь только отворили они татарамъ городскія ворота,—Тохтамышъ съ яростію бросился на беззащитныхъ и началось повсемѣстное убіеніе. Непстовые не только не щадили старцевъ и младенцевъ, но грабили монастыри, церкви и дома богатыхъ гражданъ. Огонь помогалъ истребленію Москвы.

В. Князь, возвратясь въ столицу свою, нашелъ въ ней одни развалины и головни на пепелищахъ. Некичливый въ счастіи, онъ былъ великъ и въ несчастіи: Москва была очищена, трупы погребены, но долго послѣ того Москва не поднялась, долго число жителей ея не увеличилось.

Вскорѣ послѣ того одинъ изъ Удѣльныхъ Князей, Михаилъ Тверской, хитрый, пронырливый, отправился въ Орду съ обильными дарами, имѣя цѣлію свергнуть Димитрія съ престола, тамъ сталъ онъ дѣлать всякіе происки противъ В. Князя; Димитрій, узнавши объ этомъ, затая благородную гордость свою, рѣшился изъ любви къ отечеству и подданнымъ своимъ отправить сына своего Василія въ Орду. Въ то же время прибылъ въ Москву ханскій посолъ Ко-

рачъ, В. Князь долженъ былъ принять его съ подобающею честію. Между тѣмъ Василій умомъ своимъ и твердою волею умѣлъ снискать расположеніе хана и обратить его въ пользу В. Князя. Михаилъ, не достигши до своей злонамѣренной цѣли, со стыдомъ и злобою возвратился въ свой удѣлъ. Димитрій остался на Великокняжескомъ престолѣ, но положеніе его было стѣснено: Ордынскіе послы обложили Россію большою податью, какъ въ наказаніе В. Князю за его дерзновенную побѣду надъ татарами; В. Князь соболѣзновалъ объ участи подданныхъ своихъ, но не унывалъ и не отчаявался въ мысли, что Россія должна скоро сокрушить тяжкое ярмо свое. На силы свои онъ не надѣялся, онъ не могъ возобновить подобной битвы, которая увѣнчала его на Куликовомъ полѣ, тѣмъ болѣе, что внутреннее состояніе Россіи не позволяло этого: онъ имѣлъ многихъ враговъ и потому принесъ еще жертву гордости своей: примирился съ Олегомъ Рязанскимъ.

Но Провидѣнію угодно было испытывать твердую душу Димитрія. Соревнователь славы его, Владиміръ Андреевичъ храбрый, имѣлъ нѣкоторые виды на новое дѣленіе областей; готова была вспыхнуть брань— но Димитрій первый простеръ руку примиренія, Владиміръ былъ также великодушенъ, и согласіе между героями возстановилось. Такимъ образомъ В. Князь достигъ до зрѣлой поры мужества — до сорока лѣтъ, онъ былъ силенъ и крѣпокъ, все предвѣщало ему долговѣчность, какъ вдругъ онъ занемогъ и, къ общей горести и сожалѣнію скончался въ 1389 г. Вся Россія оплакивала Государя и героя; лѣтописецъ нашъ говоритъ; что никто изъ потомковъ Ярослава не былъ столько любимъ и оплакиваемъ народомъ,

какъ Димитрій, кромѣ Мономаха и Александра Невскаго. Дѣйствительно Димитрій, сколько былъ ревностенъ къ благу и къ славѣ отечества, столько справедливъ, кротокъ, благочестивъ и смиренномудръ; онъ былъ нѣжнѣйшій супругъ и чадолюбивый отецъ. Лѣтописи наши украшаются его именемъ.

ВАСИЛІЙ II

(Димитріевичъ)

1389—1425.

Серпуховской Князь Владиміръ храбрый доказалъ величіе души своей тѣмъ, что, имѣя права по старшинству рода на Великокняжескій престолъ, уступилъ его по договору съ В. Княземъ Димитріемъ, племяннику своему, сыну Донскаго, Василію, по этому согласію, по смерти Донскаго, Василій и вступилъ безпрепятственно на престолъ.

Василій неусыпно старался объ усиленіи Московскаго Княжества на счетъ сосѣдственныхъ удѣловъ, также заботился онъ оградить Россію со стороны Москвы. Вслѣдствіе чего и вступилъ В. Князь въ бракъ съ дочерью бывшаго Литовскаго Государя Витовта (изгнаннаго Ягеллономъ). Храбрый и умный Витовтъ, какъ личный врагъ Ягеллона, могъ быть для Россіи полезнымъ совѣтникомъ и союзникомъ. Послѣ брака своего Василій отправился въ Орду къ Тохтамышу и былъ принятъ имъ особенно милостиво и даже, можно сказать, братски, какъ равный равнымъ; причина этому была та, что Тохтамышъ го-

41.й
ВАСИЛІЙ. 11.й
В. К. Московскій
Ч.1. Стр. 268.

товился къ войнѣ съ Тамерланомъ, и опасался, чтобъ Русскій В. Князь не присоединился къ врагу его. Надѣясь на благорасположеніе къ себѣ хана, Василій сталъ дѣйствовать смѣлѣе съ Удѣльными Князьями и присоединилъ къ себѣ Нижній Новгородъ, Суздаль и Муромъ. Въ то время Новгородцы, по обыкновенію своему, закичились было противъ Москвы и не хотѣли признать Московскаго Митрополита главнымъ судьей въ духовныхъ дѣлахъ своихъ; Василій пошелъ на нихъ войною, побѣдилъ ихъ, казнилъ многихъ изъ виновныхъ и смирилъ ихъ гордыню.

Въ Ордѣ въ это самое время происходили важныя дѣла: *Тимуръ* или *Тамерланъ*, огласившій звукомъ оружія своего Азію, Африку и отчасти Европу, разбилъ Тохтамыша, и съ огромными, кровожадными полчищами вторгнулся въ Россію (1395). Это было второе Батыево нашествіе: страшныя опустошенія и убійства знаменовали путь его. Онъ двинулся къ Москвѣ. Москвитянами овладѣло отчаяніе: имъ предстояла вѣрная гибель, всѣ ожидали спасенія только отъ чуда — чудо и спасло Москву. В. Князь, ожидая Тамерлана, приказалъ перенесенную въ Москву икону Владимірской Богоматери обнести около городскихъ стѣнъ. Тамерланъ, какъ значится въ лѣтописяхъ, устрашенный сновидѣніемъ, вдругъ выступилъ изъ предѣловъ Россіи и поспѣшилъ въ Орду. На томъ мѣстѣ, на которомъ встрѣчена была св. икона, въ память избавленія св. заступницы отъ нашествія татаръ, построенъ Срѣтенскій монастырь въ Москвѣ на такъ называемомъ *кучковомъ полѣ*, гдѣ до того времени совершалась казнь.

Между тѣмъ тесть В. Князя, Витовтъ, сдѣлался опять Государемъ Литовскимъ, и, поправъ законы

родства и согласія, началъ воевать Россію; онъ отторгъ отъ нее Подолію, Витебскъ, Смоленскъ и другіе города; В. Князь, съ грустію смотря на похищеніе достоянія Россіи, и ожидая вторичнаго впаденія татаръ, долженъ былъ хранить дружбу и соблюдать миръ съ хитрымъ, но сильнымъ своимъ тестемъ. Онъ, по силѣ новаго договора, уступилъ Литвѣ почти всю югозападную Россію.

В. Князь не обманулся въ ожиданіи своемъ: *Эдигей*, военачальникъ Хана Булатъ Салтана, съ новыми полчищами приближался къ Москвѣ. В. Князь, подобно родителю своему, удалился въ Кострому; столицу блюсти остался дядя его Владиміръ Андреевичъ Храбрый. Татары осадили Москву; всѣ окрестности ея и близь-лежащіе города чувствовали на себѣ тяжесть оружія ихъ. Подъ стѣнами Москвы происходили частыя, кровопролитныя, но не рѣшительныя битвы. Храбрость не оставляла Русскихъ, но силы ихъ истощились, вдругъ Эдигей получилъ вѣсть, что въ Ордѣ вспыхнуло новое возмущеніе, онъ удовольствовался тѣмъ, что взялъ съ Москвы окупъ и отступилъ. Вскорѣ послѣ этого скончался и Владиміръ Андреевичъ *храбрый* и великодушный. Несчастія не переставали посѣщать страдалицу Россію: ужасная стужа, голодъ и моровая язва собирали въ ней обильныя жертвы. Народъ впалъ въ уныніе, всѣ представляли, что наступилъ конецъ міра — и среди общаго сѣтованія и скорби скончался В. Князь Василій Дмитріевичъ; онъ не имѣлъ великихъ качествъ своего родителя, но украшался многими достоинствами, приличными Государю. Вотъ лучшая надгробная похвала Монарху: его любилъ народъ и уважали враги!

42.й
ВАСИЛІЙ. 111.й
В. К. Московскій.
Ч. 1. Стр. 271.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

(Темный)

1425 – 1462.

Василью II наслѣдовалъ сынъ его Василій III, при немъ Русское Государство, особенно Московское Княжество, достигло до зенита своего униженія и междоусобій: Юрій Дмитріевичь Галицкій, младшій сынъ Донскаго, по смерти старшаго брата своего, Василія II, вознамѣрился вступить на престолъ по старшинству рода, и, наущаемый сыновьями своими, особенно Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякою, свергнулъ племянника съ престола. Москвитяне не взлюбили Галицкихъ Князей и пособили Василію отыскивать права свои. Братья—враги воевали съ перемѣннымъ счастіемъ. В. Князь, плѣнивъ Василья Косаго, велѣлъ ослѣпить его, за что Шемяка, овладѣвъ самимъ В Княземъ, приказалъ также ослѣпить его, почему въ Исторіи онъ и именуется *Темнымъ*. Въ послѣдствіи времени войска В. Князя разбили Шемяку подъ родовымъ городомъ его *Галичемъ* и принудили его бѣжать въ Новгородъ, гдѣ онъ и умеръ,

какъ полагаютъ, отравленный ядомъ. Преданія о несправедливомъ судѣ Шемяки сохранились въ молвѣ народной и въ характерическихъ картинахъ.

Наконецъ Василій остался безъ соперниковъ: онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Можайскъ, ограничилъ права Новгородскаго Вѣча и держалъ эту вольницу въ страхѣ и повиновеніи. Вообще правленіе его было несчастливо: при немъ возстановилось Казанское Царство, (Улу-Магметомъ) которое нанесло столько золъ и кровопролитія для Россіи; при немъ же возникла и новая, татарская Орда Крымская. Въ Княженіе Василья III былъ Флорентійскій соборъ (1462) для соединенія восточной церкви съ западной; но этого не состоялось; замѣчательно, что на немъ присутствовалъ и нашъ Митрополитъ Исидоръ, который уличенъ былъ въ измѣнѣ своему отечеству и въ приверженности къ Папизму, онъ бѣжалъ изъ Россіи и умеръ въ Римѣ Кардиналомъ.

Василій III умеръ на 47 году своей жизни; при немъ было послѣднее междоусобіе Русскихъ Князей, и въ это время, полагаютъ, введено къ намъ было огнестрѣльное оружіе.

КОНЕЦЪ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ПАНТЕОНА.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

Стран.

Происхожденіе и разселеніе Славянъ до монархическаго правленія 5
Правленіе, религія, свойства и вообще бытъ Славянъ. . . . 11
Рюрикъ, В. К. Новгородскій. 14
Олегъ, князь, правитель государства. 20
Игорь, В. К. Кіевскій 27
Ольга, В. Княг. правительница. 31
Святославъ, В. К. Кіевскій 42
Ярополкъ, В. К. Кіевскій, Олегъ, К. Древлянскій, Владимиръ К. Новгородскій. 62
Владиміръ (Василій) В. К. Кіевскій. 71
Святополкъ, сынъ Ярополка, Великій К. Кіевскій. 80
Ярославъ (Георгій или Юрій), В. К. Кіевскій 86
Изяславъ (Димитрій), В. К. Кіевскій 107
Святославъ на Кіевскомъ престолѣ. 125
Всеволодъ (Андрей) на Кіевскомъ престолѣ 132
Святополкъ II (Михаилъ), В. К. Кіевскій 137
Владиміръ (Василій), Мономахъ 152
Мстиславъ (Петръ) 163
Ярополкъ II. 170
Всеволодъ II (Олеговичъ) 176

Стран.

Игорь. 180
Изяславъ II. 183
Юрій — Георгій Владиміровичъ (Долгорукій). 193
Андрей Юрьевичъ (Боголюбскій). 195
Всеволодъ II Великій. 200
Георгій, К. Владимірскій, Константинъ Ростовскій, ... 206
Константинъ, В. К. Владимірскій и Судальскій. 120
Георгій II (Всеволодовичъ), В. К. Владимірскій. 213
Ярославъ (Всеволодовичъ), В. К. 219
Александръ (Ярославичъ) Невскій. 226
Ярославъ (Ярославичъ) Тверскій. 233
Василій (Ярославичъ) Костромскій. 240
Димитрій Александровичъ. 243
Андрей III Александровичъ. 245
Михаилъ II Ярославичъ. 146
Георгій Даніиловичъ. 248
Димитрій II Михаиловичъ. 250
Александръ Михаиловичъ. 251
Іоаннъ Даніиловичъ (Калита). 253
Симеонъ Іоанновичъ (гордый). 255
Іоаннъ II (Іоанновичъ, слабый). 258
Димитрій III (Іоанновичъ). 259
Димитрій IV (Іоанновичъ Донской). 260
Василій II (Димитріевичъ). 268
Василій Васильевичъ (Темный). 271